

Рихард Вурмбрандт

Христос спускается с нами в тюремный ад

Рихард Вурмбрандт

Христос спускается с нами в тюремный ад

Бесследное исчезновение

Первый период моей жизни закончился 29 февраля 1948 года. В тот день я шел вдоль одной из бухарестских улиц, когда черный форд резко затормозил подле меня. Из него выскочили двое мужчин и, схватив меня за руки, бросили на заднее сидение. Третий, тот, что сидел рядом с шофером, направил на меня пистолет. Автомобиль бешено мчался, обгоняя редкие машины. Был субботний день. Мы свернули с улицы Калеа Рахова и въехали через стальные ворота во двор. Я слышал, как они закрылись за нами.

Мои похитители были сотрудниками коммунистической тайной полиции. Меня привезли в здание, где располагалось их главное управление. Отобрали документы, вещи, галстук, шнурки для ботинок и, наконец, мое имя.

- С этого момента, - сказал мне дежурный, - вас будут звать Василе Георгеску.

Это было довольно распространенное имя. Правительство явно не хотело, чтобы даже охрана знала, кого преследуют, на тот случай, если за границей, где мое имя было известно, возникнут вопросы. Я должен был просто бесследно исчезнуть, как многие другие. Тюрьма на улице Калеа Рахова была новой, и я был первым ее заключенным. Тюрьма не явилась для меня чем-то неожиданным. Я уже однажды пережил тюремное заключение в годы гитлеровской оккупации.

В камере, где я оказался, было двое деревянных нар. В углу стояло обычное ведро. Наверху в бетонной стене было маленькое окошко. Я сидел и ждал допроса. Я знал, какие мне зададут вопросы, и готов был на них отвечать. И хотя мне хорошо было известно, что такое страх, в тот момент я его не испытывал. Этот арест и все, что последовало за ним, было ответом на мою молитву. Я надеялся, что она придаст совершенно иной смысл моей жизни. Однако я еще не знал того, какие неожиданные и удивительные открытия мне предстояло сделать.

Я открываю жизнь

В доме моего отца была книга, в которой содержались советы молодым людям при выборе ими профессии адвоката, врача, армейского офицера и т.д. Однажды, когда мне было около пяти лет, отец достал эту книгу и спросил моих братьев, кем бы они хотели стать. После того, как они сделали свой выбор, он обратился ко мне, самому младшему из всех: "А кем бы ты хотел стать, Рихард?" Я посмотрел на книгу, название которой гласило: "Путеводитель по выбору профессий для всех". Я задумался на миг и ответил: "Я хотел бы стать путеводителем для всех".

С тех пор прошло пятьдесят лет, из них - четырнадцать тюремных. Говорят, уже в ранней молодости устанавливаются стрелки, по которым направится жизнь. Для моей теперешней работы я не знаю лучшего определения "Путеводитель для всех". Однако, в ту пору, когда возникло мое желание стать "путеводителем" мои еврейские родители были весьма далеки от мысли, что я могу стать евангелистским пастором. Мой отец умер, когда мне было девять лет. Наша семья всегда испытывала недостаток денег и довольно часто испытывала нужду в хлебе. Однажды один знакомый хотел подарить мне костюм, но когда мы пришли в магазин, и продавец вынес свои лучшие товары, он сказал: "Это слишком роскошно для такого мальчика". Я и по ныне помню его голос. Мое школьное образование было явно неудовлетворительным. Но дома у нас было много книг. И прежде, чем мне исполнилось десять лет, я уже все их прочел, став таким же скептиком как Вольтер, которого я в ту пору почитал.

Время от времени я интересовался религией, наблюдая за богослужебными обрядами в православной и римско-католической церкви. Однажды в синагоге я увидел, как один знакомый молился о своей больной дочери - она умерла на следующий день. Тогда я спросил раввина: "Какой Бог способен на то, чтобы отвергнуть молитву отчаяния?" У него не нашлось ответа. Я не мог верить всемогущему Существу, которое позволяет такому множеству людей страдать и умирать от голода. Еще более невероятным мне казалось то, что это Существо могло послать на землю человека такой доброты и мудрости, как Иисус Христос.

Когда я стал взрослым, я занялся бизнесом в Бухаресте. Мои дела шли хорошо. Мне было без малого 25 лет, я уже мог распоряжаться большими денежными суммами. Я тратил их в роскошных барах, в кабаре и на девочек из Маленького Парижа, так тогда называлась столица Румынии. Меня не интересовали последствия, пока я утолял лишь свою жажду. Жизнь, которую я вел, была предметом зависти для многих. Мне же самому это ничего не давало кроме сердечных страданий. Я знал, что был лицемером, что сам неосторожно разрушал в себе то ценное, что могло и должно было принести пользу другим. Я был уверен, что Бога нет, но в глубине своего сердца я желал, чтобы Он был. И чтобы жизнь во Вселенной имела смысл.

Однажды я пошел в церковь. Вместе с другими людьми я стоял перед статуей Девы Марии. Все молились, и я пытался вторить им: "Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария". Но я чувствовал себя совершенно опустошенным. Я говорил, обращаясь к скульптуре, изображающей Бога: "Это и в самом деле похоже на камень! Сколько людей взывает к Тебе, а Ты ничего им не дал!"

После моей свадьбы я все так же увивался за девушками. Я продолжал искать удовольствий, лгал, обманывал, был легкомысленным, причиняя боль людям. А поскольку мой организм был ослаблен лишениями, перенесенными в детстве, эта распутная жизнь привела к тому, что в двадцать лет я заболел туберкулезом.

В ту пору он был почти неизлечим, и наступило время, когда я всем своим видом напоминал человека, который находится на грани жизни и смерти. Я испугался.

Оказавшись в одном из санаториев, я впервые в моей жизни обрел покой. Лежа, я смотрел на кроны деревьев и размышлял о прошлом. Оно всплывало в моей памяти в виде сцен из ужасной пьесы. Моя мать оплакивала меня, плакала моя жена, плакали также многие обманутые мною невинные девушки. Я совращал, клеветал, насмехался и хвастался лишь ради того, чтобы произвести впечатление. И тогда из моих глаз потекли слезы.

В этом санатории я впервые в моей жизни молился молитвой атеиста. Я обращался к Богу с такими словами: "О Господи, Ты знаешь, что Тебя нет, но все же, если Ты есть, именно то, что я опровергаю, то это Твое дело открывать мне. Это немое дело искать Тебя".

Я вспомнил, что читал однажды как Крупп, ставший миллионером с помощью производства смертоносного оружия, испытал страх перед смертью. В его присутствии никто не смел произнести слово "смерть". Он развелся со своей женой только потому, что она рассказала ему о смерти племянника. Он владел всем, но был несчастен. Он знал, что его благополучие не может длиться вечно. Однажды он должен будет все оставить, чтобы гнить в могиле.

Я читал Библию, испытывая к ней чисто литературный интерес. Однако мой разум никак не мог согласиться с тем местом в Евангелии, когда противники Христа бросали Ему вызов: "Если Ты Сын Бога, сойди с Креста". Вместо того, чтобы исполнить их требование и показать Свою власть, Он умер. Я снова и снова должен был думать о Нем. И говорил себе: "Если бы я мог однажды встретить Его и поговорить с Ним". Каждый день мои размышления кончались этими мыслями.

В санатории была одна пациентка. Она была слишком больна и не могла покидать свою комнату. Но, она каким-то образом прослышала обо мне и прислала мне книгу. В ней рассказывалось о братьях Ранисбонне, основавших орден для обращения евреев. Значит, где-то были люди, которые молились за меня, еврея, в то время, когда я сам расточал свою

жизнь.

После нескольких месяцев, проведенных в лечебном заведении, мне стало лучше, и я переселился в горную деревню, чтобы продолжать отдых. Там я подружился с одним старым плотником, и он однажды подарил мне Библию. Позднее я понял, что это была необычная Библия. Он и его жена день за днем провели много часов, молясь над этой Библией обо мне.

Итак, я лежал на диване в том деревенском доме и читал эту книгу, главным образом, Новый Завет. В те дни мне казалось, что Христос действительно существует, так же, как женщина, приносившая мне еду. Однако, познание Христа только разумом, еще не спасает. Сатана тоже верит, но он не христианин. Я говорил Иисусу: "Никогда я не буду Твоим учеником. Я хочу денег, путешествий, удовольствий. Я достаточно страдал. Твой путь - это Крестный путь, и даже, если это путь Правды, я не пойду этим путем". Но Он отвечал мне, словно бы возражая, и Его ответ достигал моего сердца: "Иди Моим путем, не бойся Креста. Ты узнаешь, что это самая большая из всех радостей".

Я читал дальше. И опять мои глаза наполнялись слезами. Мне не оставалось ничего другого, как сравнить жизнь Христа с моей собственной жизнью. Его мысли были так чисты - мои же так испорчены, Его существо было таким самоотверженным, мое - алчным, Его сердце было полно любви - мое было озлоблено. И мои старые убеждения не могли устоять перед Его правдивостью и мудростью. Христос уже повел меня в глубину моего сердца, туда, куда разум не имел доступа. Теперь я сказал себе: "Если бы я думал так, как Он, я бы мог положиться на Его решения". Я словно был тем человеком из старой китайской повести, который в изнеможении от знойного солнца подошел к большому дубу, растянулся в его тени и сказал: "Какой счастливый случай, что я нашел тебя!" Но дуб ответил: "Это - не случай, я ждал тебя четыреста лет". Христос ждал меня в течение всей моей жизни, и, наконец, мы встретились.

Моя жена пробуждается

Через полгода после моей свадьбы эта же духовная перемена произошла с Сабиной, девушкой, никогда прежде не помышлявшей о духовной жизни. Случившееся со мной для нее оказалось страшным ударом. Она была молодой и красивой, позади было детство, в котором ей пришлось переживать тяжкую нужду. Она надеялась, что для нее начнется более счастливая жизнь, но человек, которого она любила, ее партнер по развлечениям, превратился в верующего человека и говорил о том, что хочет стать пастором.

Когда однажды в воскресенье я предложил ей пойти со мной на вечернюю службу, она расплакалась. Она сказала, что охотнее пошла бы в кино. "Хорошо, - сказал я - мы пойдем в кино, потому что я люблю тебя". Мы ходили от кинотеатра к кинотеатру, и я выбирал фильм, который, как мне казалось, больше всего мог помочь мне. Когда фильм кончился, я пригласил жену в кафе, и она съела там пирожное со сливками. Тогда я сказал ей: "Хорошо, теперь ты пойдешь домой и ляжешь спать, а я поищу девочку и пойду с ней в отель".

"Что ты говоришь?"

"По-моему, вполне ясно. Ты идешь домой, а я хотел бы найти девочку и пойти с ней в отель".

"Как ты можешь говорить такое?"

"Но ведь ты настояла, чтобы я пошел с тобой в кино? Ты видела, как вел себя герой. Почему же я должен поступать иначе? Если завтра или один раз в несколько дней мы будем ходить на подобные фильмы, каждый из нас станет похожим на того, кого он видит в кино. Если же ты все-таки хочешь, чтобы я был тебе хорошим мужем, ходи иногда со мной в церковь".

Она задумалась. А затем постепенно, мало-помалу начала посещать со мной церковь. Она все еще тосковала по развлечениям, и когда хотела сходить куда-нибудь, я шел с ней вместе.

Однажды мы пошли на вечеринку. Воздух был полон сигаретного дыма, пьяные пары танцевали и открыто ласкали друг друга. Неожиданно все это вызвало отвращение у моей жены, иона сказала: "Сейчас же уходим отсюда". "Почему мы должны уходить? - спросил я.

- Ведь мы только сюда пришли?" Мы оставались там до полуночи. Она снова захотела домой, и я снова отказал ей. То же самое произошло в час ночи, а затем - в два. И только тогда, когда я увидел, что ее действительно тошнит от всего этого, я согласился уйти.

Мы вышли на свежий воздух. Сабина сказала: "Рихард! Я немедленно иду домой к пастору и крещусь у него. Это будет ванной после всей грязи". Я засмеялся и сказал: "Ты так долго ждала, что теперь можешь подождать до утра. Дай поспать бедному пастору".

Охранник отправляет ксиву [1]

Через окно тюремной камеры в Калеа Рахова я мог видеть только часть двора. Однажды я выглянул в окно и увидел, как через ворота пропускали священника. Он быстро пересек покрытый асфальтом двор и скрылся за дверью. Это был доносчик, который пришел для того, чтобы дать сведения о своих прихожанах.

Я знал, что мне предстояли допросы, что меня ждет жестокость тюремщиков, возможно, долгие годы заключения и смерть. Была ли моя вера достаточно крепкой? Я вспомнил, что в Библии 366 раз, один раз на каждый день года, было написано: "Не бойся!" 366 раз, а не 365 - в расчете на високосный год. В тот день было 29 февраля. Високосный год. Совпадение? Это число напомнило мне, что я не должен бояться.

Казалось, они не спешили с моим вопросом. Коммунистические тюрьмы похожи на архивы, в любое время они готовы дать нужную информацию. В течение четырнадцати с половиной лет, проведенных в тюрьме, меня вновь и вновь допрашивали. Я знал, что мои связи с миссионерскими обществами на Западе и со Всемирным советом церквей в глазах партии были изменой. Но были еще и другие, более важные вещи, о которых они не знали и не должны были узнать от меня.

Я готовился к тюрьме и пыткам так, как готовится в мирное время солдат к жестокостям войны. Я внимательно прочитал жизнеописание многих верующих, которые оказались перед лицом подобных опасностей и испытывали искушение сдаться. Я думал о том, смогу ли я применить их опыт к себе. Те, кто не был подготовлен подобным образом, морально ломались или делали ошибки, говоря вещи, которые они не смели говорить. Священникам постоянно твердили на допросах: "Вы христиане и обязаны говорить нам всю правду". Я понимал, что все равно буду осужден независимо от того, какие я дам показания. И я принял решение - лучше страдать под пытками, чем выдать друзей, помогавших мне в распространении Евангелия. Я твердо решил постоянно вводить в заблуждение всех, кто меня будет допрашивать.

Самой важной задачей для меня было известить как-нибудь моих собратьев о моем аресте. Во всяком случае, моя жена должна была узнать, где я. Мне удалось подкупить охранника. Он взял на себя роль посредника, поскольку у моей семьи тогда еще были деньги. В течение следующей недели он передал мои сведения и получил за это 5.000 немецких марок. Таким образом было потрачено все, чем мы владели.

Этот охранник сообщил мне, что шведский посол в Румынии выразил протест в связи с моим исчезновением. По его словам, многие люди в Скандинавии и Англии сочувствуют мне. Министр иностранных дел Анна Паукер ответила, что место моего пребывания совершенно неизвестно с тех пор, как я недавно тайно покинул страну.

Миссия русских солдат начинается

В день моего обращения, я молился: "О Господи! Я был атеистом. Позволь мне поехать в Россию и быть миссионером среди атеистов. Я не буду сетовать, если остаток моей жизни мне придется провести в тюрьме". Но Господь не направил меня в далекое путешествие в Россию. Вместо этого русские сами пришли ко мне.

Несмотря на преследования, наша миссия приобрела во время войны многих сторонников. Те, кто преследовал раньше евреев и протестантов, теперь сидели в церкви вместе со своими прежними жертвами.

После войны я продолжал свою работу для западной церковной миссии. У меня было бюро, оборудованное всем необходимым, и секретарши. Но это была лишь "вывеска", за которой скрывалась моя подлинная деятельность.

Я хорошо говорил по-русски. И для меня не составляло труда легко вступать в разговор с русскими солдатами на улицах, в магазинах, поездах. Я не носил церковного облачения, и они принимали меня за обычного гражданина. Среди них встречались молодые мужчины. Они были растеряны и тосковали по дому. И радовались, если кто-то показывал им достопримечательности Бухареста, приглашал в гости. Мне помогали многие молодые христиане, говорившие по-русски. Девушкам я говорил, что они могли бы использовать красоту, чтобы привести мужчин ко Христу. Одна из девушек увидела солдата, сидящего в одиночестве в трактире. Она под села к нему. Когда он предложил ей стакан вина, она согласилась, затем предложила пойти куда-нибудь вдвоем в другое место, чтобы спокойно поговорить. "С вами я пойду хоть на край света", - сказал русский. В ответ на это, она привела его ко мне. Солдат пришел к вере, потом привел к нам других.

Мы тайно издавали Евангелие на русском языке. Более 100.000 книг были распространены в течение трех лет в кафе, барах, на вокзалах - везде, где можно было найти русских. Книги так часто передавались из рук в руки, что порой они рассыпались на части. Многие из наших помощников были арестованы, но никто из них не предал меня.

Количество обращенных было поистине удивительным. А их естественность приводила нас в изумление. Будучи совершенно невежественными в религии, те русские, с которыми мы встречались, словно бы уже давно в глубине своего сердца искали правды. И теперь с восхищением внимали ей. В большинстве своем это молодые крестьяне, которые сеяли, жали, работали на земле. Знание о том, что Кто-то управляет жизнью природы было заложено в их крови. Но они были воспитаны в атеизме и глубоко верили в то, что являются атеистами, точно так же, как многие люди думают, что они - христиане, не являясь таковыми на самом деле.

Однажды в поезде я познакомился с молодым художником из Восточной Сибири. Пока мы вместе ехали, я рассказывал ему о Христе. "Теперь я понимаю, - сказал он. - Я знал только то, чему нас учили в школе, что религия - это оружие империализма и тому подобное. Недалеко от нашего дома находилось старое кладбище. Часто я гулял там, чтобы побыть одному. Я заходил в небольшой покинутый домик, стоявший посреди могил (я предполагаю, что это была старая православная кладбищенская часовня). На стене был изображен мужчина, распятый на кресте. Я предполагал, что он должен был быть крупным преступником, зачем его изображение висело на почетном месте, будто это был Маркс или Ленин? Так мало-помалу я пришел к убеждению, что Его вначале приняли за преступника, а потом выяснилось, что Он невиновен, и, раскаявшись, повесили Его

образ". Я сказал художнику: "Вы уже на полпути к истине!" Когда через несколько часов мы приблизились к цели нашего путешествия, он уже знал все, что я мог рассказать ему об Иисусе.

Когда мы расстались, он сказал мне: "Сегодня вечером я хотел кое-что украсть, ведь все так поступают. Но разве я смогу это сделать теперь? Я верю в Христа".

Фронты упрощаются

Поскольку партийный билет мог означать разницу между сытым существованием и голодом, то число румынских коммунистов стремительно росло. Вскоре партия, еще недавно вмещающая несколько тысяч, возросла до нескольких миллионов. Партийный билет избавил от голода и обеспечивал сытое существование. Сталин ввел правительство Единого фронта. Гроца, прежде возглавлявший крестьянский фронт, был назначен в руководители самим Сталиным. Пренебрегая Анной Паукер, которая, как утверждали "выдумала" Гроцу, русские осуществляли свою власть с помощью трех ветеранов партии: Лукретий Патраскану был назначен министром юстиции, Теохари Георгеску, будучи министром внутренних дел подчинил себе полицию и органы безопасности, а Георгий Георгиу-Деж, железнодорожный рабочий, стал первым секретарем партии.

В неофициальных выступлениях Георгиу-Деж совершенно откровенно говорил о своем атеистическом мировоззрении и о своей уверенности, что коммунизм распространится по всему миру. Одновременно он мог со снисходительностью отзываться о своей старой

матери, наполнившей его дом иконами и воспитавшей своих дочерей в православной вере. В течение одиннадцати лет, проведенных Дежем в тюрьме при старом режиме, он не нашел времени для изучения Библии. Среди заключенных, с которыми его свела тюрьма, были верующие, принадлежащие к разным конфессиям. С ними у Дежа были хорошие отношения. Он спорил с ними по вопросам веры. Но задолго до того, как в Румынию пришли русские, ему удалось совершить побег из тюрьмы. Антонеску непременно дал бы санкцию на его арест и убийство, если бы Дежа не спрятал один благосклонно настроенный к нему священник. Когда Георгиу-Деж находился в центре борьбы, религия имела какое-то влияние на него. Но с тех пор как он стал занимать высокую должность, в его жизни уже не нашлось места для подобных вещей. Он расстался со своей женой, которая все эти годы ждала его. Ее место заняла киноактриса. Дом его был полон прислуги и просителей. Деж стал богатым, знаменитым и никому уже не позволял давать ему советы.

Когда на одной конференции, где присутствовали священники, кто-то начал разговор о религии, то Георгиу-Деж отвечал теми формулировками, которые были предписаны партией. Он обещал нам, что в Новой Румынии мы будем иметь полную свободу совести. В ответ на это мои коллеги пообещали ему не создавать трудностей для нового правительства. Я слушал их, но предпочел свои мысли по этому поводу оставить при себе. На конференции многие священники добровольно заявили о своей готовности к сотрудничеству с коммунистическим движением. Но впоследствии, рано или поздно приходилось вступать в конфликт с какой-либо партийной доктриной и отправляться в тюрьму.

Вскоре борьба против религии приняла серьезные формы. Все церковное имущество и земельная собственность были национализированы. Коммунистическое министерство по делам религии контролировало все духовенство, платило жалование и руководило назначениями. Дряхлый патриарх Никодим, по сути дела находившийся под стражей, мог только представлять. Чтобы управлять церковью, партии нужен был более податливый человек, чем Никодим, и Деж уже знал, кто подойдет для этой должности: священник, прятанный его около года, когда Дежа разыскивали фашисты. Так отец Юстиниан Марина, неизвестный преподаватель семинарии из Рымникул-Вилча, стал епископом, и вскоре четырнадцать миллионов членов православной церкви в Румынии узнали, что он станет их патриархом.

Следующей задачей было посорить римских и греческих католиков, которых насчитывалось около 2,5 миллионов. Греческие католики, называемые униатами, признавали папу, хотя сохранили свой восточный обряд (в том числе, право священника вступать в брак). Теперь они были насильно соединены с послушной правительству православной церковью. Многие священники и все епископы, противившиеся этому принудительному браку, были арестованы, приходы их разогнаны, а имущество - конфисковано. Римским католикам было приказано отделиться от Ватикана. Они отказывались и должны были дорого заплатить за свое сопротивление. Тюрьмы были заполнены священниками, а среди населения распространялись мерзкие истории о их поведении. Лишь конфессии, под сенью которых находилось небольшое количество прихожан, подчинились правительству, ожидая своей участи.

Один против всех

Им пришлось ждать недолго, в 1945 году в здании румынского парламента был созван "религиозный конгресс". В нем принимали участие четыре тысячи представителей духовного сословия. Епископы, священники, пасторы, раввины и муфтии аплодировали, когда стало известно, что тов. Сталин (портрет которого висел на стене) будет почетным председателем конгресса. При этом они сочли за лучшее не думать о том факте, что этот человек одновременно возглавлял в качестве президента Всемирный союз атеистического движения. Патриарх Никодим дрожащей рукой благословил собрание. Премьер-министр Гроца произнес вступительную речь. Он сказал, что отец его был священником. Многократные обещания поддержки, данные премьер-министром, были повторены другими высокими персонами, выступавшими вслед за ним. Они были встречены аплодисментами благодарных

участников конгресса.

Один из православных епископов ответил, что представители многих политических течений смогут найти себе место в его церкви. Политические движения, которые он приглашал, были отмечены разными цветами: зеленым, голубым и трехцветным, он не исключал возможности, что к ним присоединится и красный цвет. Руководители приходов - реформаторы, лютеране, верховный раввин - поднимались на трибуну один за другим для того, чтобы говорить. Все они выражали свое согласие работать вместе с коммунистами. Моя жена, сидевшая рядом со мной, не могла дальше этого выдержать. Она сказала: "Иди, и смой позор с лица Христа".

"Если я это сделаю, ты потеряешь своего мужа", - возразил я.

"Мне не нужен трус. Иди и сделай это", - сказала Сабина. Я попросил слова. Меня с радостью пригласили на трибуну. Организаторы заранее радовались тому, что на следующий день опубликуют приветственную речь пастора Вурмбрандта, сотрудника Шведской церковной миссии и члена Всемирного совета церквей.

Я начал с того, что вкратце высказал свое отношение к коммунизму. Я сказал, что наш долг, как священников, прославлять Бога и Христа, а не мифы о преходящем земном рае. Наше дело защищать Его вечное Царство Любви от насилия этого ничтожного мира. Пока я говорил, священники, слушавшие в течение нескольких часов льстивую ложь о партии, казалось, просыпались ото сна. Кто-то начал аплодировать, напряжение охватило весь зал, и вдруг волнами прокатились аплодисменты. Делегаты встали и начали кричать на меня. Министр по делам религии, православный священник по имени Бурдучеа, прежде бывший фашистом, объявил с кафедры, что мое право говорить кончилось. Я ответил, что это право дал мне Господь и продолжал. Вскоре после этого отключили микрофон, но зал находился в таком возбуждении, что никто уже ничего не мог услышать.

Революция пожирает своих детей

Массовые аресты шли полным ходом, и мой арест можно было считать ответом на мою молитву. Однако я никак не мог ожидать, что первым моим соседом по камере будет товарищ Патраскану собственной персоной.

Через несколько дней после моего ареста, дверь камеры отворилась, чтобы впустить министра юстиции. Моей первой мыслью было: он пришел, чтобы лично допросить меня. Почему такая честь? Но за ним закрылась дверь, и, к моему удивлению, я заметил, что воротник его был расстегнут и на нем не было галстука. Я продолжал его рассматривать и заметил, что на его ботинках начищенных до блеска, нет никаких шнурков! Итак, в моей камере оказался человек, который помог коммунистам прийти к власти в нашей стране.

Его нервы искали себе отдушину в длинных речах о зле, которое таится в церкви. Плохие времена пап Борджия, испанская инквизиция, жестокость крестных походов рассматривались им словно бы под лупой.

"Однако, эти грехи и ошибки церкви дают нам больше оснований восхищаться ею", - считал я.

"Почему вы так думаете?" - спросил недоуменно Патраскану. Я ответил: "Больница может быть наполнена зловонием от гноя и крови, но самое прекрасное в ней то, что больные принимаются туда со своими ранами, вызывающими тошноту, и отвратительными заболеваниями. Церковь - это лечебница Христа. Миллионы пациентов с любовью лечатся там. Церковь принимает грешников. К сожалению, они грешат также и потом, и за их грехи ответственность возлагается на церковь. С другой стороны, церковь представляется мне матерью, которая заботится о своих детях даже тогда, когда они совершают преступления. Интриги и предрассудки служителей церкви это карикатура на то, что действительно исходит от Бога, а именно: от Библии, ее учения, божественных служб и Божией милости. Море ежегодно поглощает тысячи человеческих жизней, однако никто не оспаривает его красоту".

Патраскану засмеялся: "Я бы мог точно также утверждать о коммунизме. Его представители несовершенны, среди них есть негодяи, но это не означает, что наши идеи

дурны".

"Судите все же по плодам, как советовал Христос, - сказал я. - И хотя история церкви запятнана многими печальными событиями, но она все же одаривает людей любовью и заботой. Она воспитала большое число святых, и самый святой из всех, Христос, является ее Главой. А как выглядят ваши идолы? Такие мужчины, как Маркс, которого его биограф Рязанов - директор московского института марксизма - описывает как пьяницу? Или Ленин, жена которого сообщает, что он был ветреным игроком, и сочинения которого насквозь пропитаны ядом. "По плодам их узнаете их". Коммунизм унес жизнь миллионов невинных жертв и вверг в руины целые страны. Он отравил воздух ложью и страхом. А где положительная сторона коммунизма?"

Патраскану защищал логику своих партийных принципов.

"Принципы как таковые ничего не значат, - сказал я. - Можно без разговоров, прикрываясь благозвучным лозунгом, совершать гнусные преступления. Гитлер говорил о "борьбе за жизненное пространство" и уничтожал целые народы. Сталин говорил: "Мы должны лелеять людей как цветы", - и убил свою и вашу жену".

Я указал на один слабый пункт в его аргументации: "Однако вы, кажется, еще не все постигли, господин Патраскану. Вы использовали людей и потом уничтожили их. Точно также ваши товарищи используют вас, а потом прикончат. Не закрываете ли вы глаза, чтобы не видеть этой пагубной логики ленинского учения?"

Патраскану ответил на сей раз с нескрываемой горечью: "Когда Дантона [2] вели на гильотину, он видел, как Робеспьер[3] смотрел на него с балкона, и воскликнул: "Ты последуешь за мной!" И я обещаю вам сегодня, что за мной последуют все: Анна Паукер, Георгеску и Лука также".

Так оно и случилось в течение следующих трех лет.

Первый допрос

В тот вечер мы не говорили больше друг с другом. Однако, в 10 часов вечера, после того, как мы уже легли спать, нашу дверь открыли и выкрикнули мое новое имя. Трое мужчин стояли в проходе. Один из них, имя которого, как я узнал позднее, было Аппель, сказал, что я должен одеться. Я оделся. Патраскану шепнул мне, чтобы я также надел пальто, оно смягчает удары. На меня надели непроницаемые очки, чтобы я не мог видеть, куда меня ведут. Меня провели по коридору в какое-то помещение и посадили на стул. А потом сняли очки.

Я сидел перед столом. Яркий свет был наставлен мне в глаза. Вначале я видел лишь темную фигуру напротив себя. Но когда я привык к слепящему свету, я узнал человека по имени Моравец, политического офицера высокого роста из гражданской службы, у которого раньше были неприятности в связи с тем, что он поставлял коммунистам тайные сведения. В качестве вознаграждения он получил лишь должность чиновника по допросам.

"Ага, - сказал он. - Василий Георгеску! На столе вы найдете бумагу и ручку. Садитесь и напишите все о своей жизни и деятельности".

Я спросил, что его особенно интересует. Моравец саркастически поднял брови: "Как священник вы слышали много исповедей. Мы привели вас сюда, чтобы вы исповедались нам". В общих чертах я описал свою жизнь до момента обращения. Я предполагал, что мой отчет может попасть в руки партийных лидеров и возможно подействует на них. Я подробно описал, как у меня, бывшего атеиста, открылись глаза на истину. Я писал час или более того, пока Моравец не забрал у меня лист и не сказал: "На сегодняшний день достаточно". Меня отвели обратно в камеру, Патраскану уже спал.

Снова прошло несколько дней, меня никто не беспокоил. Коммунисты меняли привычные полицейские методы, базирующиеся на убеждении, что шок после ареста должен заставить заключенного говорить. Они считали, что вначале важно "помариновать". Допрашивающий никогда не говорит то, что хочет. Он приближается к своей жертве исключительно для того, чтобы наводящими вопросами внушить страх и чувство вины. Пока человек ломает себе голову над причиной своего ареста, при помощи разных трюков

создается напряжение: судебный процесс постоянно откладывается, прокручивается магнитофонная запись стреляющей роты, он слышит крики других заключенных. Постепенно рассудок теряется. Один неправильный шаг следует за другим, пока, наконец, изнеможение не заставляет его признать какую-то вину. Тогда допрашивающий становится вдруг сочувствующим. Он подает надежду и обещает, что конец страданиям наступит тогда, когда заключенный признает, что заслужил наказание, и все откровенно расскажет. Итак, через несколько дней, Аппель появился снова.

На этот раз он провел меня в комнату подвала, находившуюся в нескольких шагах от камеры. Он подал мне стул, предложил сливочную конфетку из своего портфеля, а сам сел на диван. Один из его коллег делал записи. Жужа, Аппель пункт за пунктом изучал мой отчет. "Мышление человека определяется его классом", - считал он. Так как я не происходил из пролетариев, то должен был иметь только реакционные взгляды. Я был убежден, что Аппель ни в коем случае не был пролетарием и указал ему на то, что никто из крупных идеологов партии не был рабочим: Маркс был сыном адвоката, отец Энгельса был фабрикантом, а Ленин происходил из дворянской среды.

"Не только взгляды человека позволяют определить его классовую принадлежность", - продолжал я.

"Какие отношения у вас были с господином Теодореску?" - прервал меня Аппель.

"Теодореску? - повторил я. - Это очень распространенная фамилия. Какого Теодореску Вы имеете в виду?"

Но Аппель не ответил мне. Вместо этого он перешел к дискуссии о Библии, и, особенно, о пророке Исаии относительно прихода Мессии. Время от времени он неожиданно называл мне имена людей, которые помогали мне распространять Евангелие среди советских солдат, и тех, кто на общественных началах работал во Всемирном совете церквей. Эти выстрелы мне казались случайными. Аппель был всегда вежливым и никогда не настаивал. Казалось, что он больше интересуется моей реакцией на неожиданные вопросы, чем моими ответами. Через час меня доставили назад в мою камеру.

Что все это могло означать?

Однако, это была всего лишь начальная стадия долгого процесса. Заключенных было куда больше, чем обученных инквизиторов. Их было немного. Тем не менее, каждый день новые сотрудники обучались советским методам. По крайней мере, у меня было время подготовиться к тому что должно было наступить. Я очень обрадовался, когда парикмахер во время моего бритья шепнул мне, что с Сабиной все в порядке. Она продолжала наше дело. Я почувствовал такое облегчение, которое трудно передать словами. До этого я был уверен, что моя жена тоже арестована, а Михай, мой мальчик, обречен на голод или в лучшем случае предоставлен на милость соседей. Теперь я мог рассказывать о своей духовной жизни столько, сколько того пожелали бы допрашивающие. Ни о чем другом я говорить был не намерен. Одно лишь высказывание о друге, побывавшем однажды на Западе, могло привести к аресту семьи этого человека, а его самого подвергнуть жестокому притеснению.

Допросы продолжались. Месяц за месяцем. Заключенный должен был полностью убедиться в своей вине, прежде чем удастся привить ему коммунистические идеалы. Это удавалось только тогда, когда он изнемогал от мысли, что партия полностью и навсегда получила над ним власть, и он был готов осветить каждую подробность своей прошлой жизни. В Румынии говорят, что жизнь состоит из четырех "авто": "автокритика" (самокритика), в которой надо постоянно упражняться в конторе или на фабрике; "автомобиль", который доставит в тайную полицию; "автобиография", которую надо написать, а потом в конце - "аутопсия" (вскрытие трупа).

Самоубийство?

Я знал, что мне предстояли пытки, и решил лучше покончить с собой, чем выдать других. У меня не было никаких угрызений совести, для верующего смерть означает: идти ко Христу. Я смогу все объяснить Ему, и Он, конечно, все поймет. Святая Урсула предпочла самоубийство потери девственности, когда варвары ворвались в ее монастырь. За это она и

была причислена к святым. Итак, моим высочайшим долгом было уберечь друзей, а не спасти свою жизнь.

Проблема заключалась в том, чтобы найти средства для самоубийства прежде, чем мучители догадаются о моих намерениях. Стража регулярно обыскивала заключенных и их камеры, выискивая предметы, которыми бы они могли лишиться себя жизни: осколки стекла, веревки, лезвия бритвы. Однажды во время утреннего визита я сказал тюремному врачу, что не могу вспомнить подробностей, необходимых при допросе, так как неделями не сплю. Он прописал мне снотворное: одну таблетку на ночь. Охранник каждый раз смотрел мне в рот, чтобы убедиться, что я проглотил ее, но я клал таблетку под язык, а потом, когда он уходил, вынимал. Куда же я мог спрятать свое сокровище? Только не на себе. Со мной в любую минуту могло что-либо случиться. Мой тюфяк тоже был для этого неподходящим местом. Каждый день его надо было вытряхивать, а потом сворачивать. Была еще подстилка, на которой спал Патраскану. Я подпорол шов, и каждый день прятал туда в солому по таблетке.

В конце месяца у меня уже было тридцать таблеток. Они утешали меня, когда я испытывал страх, что могу сломаться под пытками. Черная меланхолия овладевала мной при этих мыслях. Стояло лето, извне проникали хорошо знакомые мне звуки. Пела девушка, скрипел трамвай, сворачивая за угол, матери звали своих сыновей: "Сильви, Эмиль, Матей!" В воздухе парили летящие с деревьев семена и тихо падали на цементный пол моей камеры. Я спросил Господа: "Что Ты делаешь? Почему я должен покончить с жизнью, которую посвятил служению Тебе?" Однажды вечером через узкое окно я увидел, как на темном небе появилась первая звезда. Когда я увидел ее, мне пришла мысль, что Господь посылает мне теперь этот луч света, начавшего свое путешествие миллионы лет тому назад. Оно могло показаться бессмысленным. Но вот сегодня свет этой звезды упал на оконную решетку моей камеры, чтобы утешить меня.

На следующее утро явился охранник. Не говоря ни слова, он схватил соломенный тюфяк вместе с запасом моих таблеток и понес его куда-то другому заключенному. Вначале я был подавлен, потом рассмеялся и почувствовал себя куда увереннее, чем раньше. Раз уж Господь не захотел моего самоубийства, значит Он даст мне силы перенести предстоящие мне страдания.

На манеже

Тайная полиция, до сих пор с терпением ожидавшая моего поражения, дала о себе знать в ближайшие же дни. Для нее настало время добиваться ощутимых результатов. Великому инквизитору полковнику Дулгеру всегда удавалось при помощи силы добиваться этих результатов. Вытянув перед собой ухоженные руки, он сидел за своим столом. "Вы играли с нами", - сказал он угрожающе тихим голосом.

До войны Дулгеру работал в советском посольстве. Он был интернирован нацистами и в ту пору подружился с Георгиу-Дежем и другими коммунистами, попавшими в плен. Они уже тогда приметили качества его натуры: интеллигентность, соединенную с жестокостью. И вот теперь он был призван решать вопросы жизни и смерти.

Не помедлив ни минуты, Дулгеру начал допрашивать меня. Он хотел все знать об одном человеке из Красной Армии, который доставлял контрабандой Библии в Россию. До сих пор можно было предположить, что полиции ничего неизвестно о моей работе среди русских. Арестованный солдат, хотя и не выдал меня, но стало известно, что мы встречались. Теперь я должен был более чем когда-либо прежде взвешивать каждое слово. Я действительно крестил этого человека в Бухаресте, и он стал нашим сотрудником.

Вопросы Дулгеру были настойчивыми. Он думал, что обнаружил нечто важное. В следующие недели постоянная смена его методов довели меня до полного изнеможения. Кровати были удалены из моей камеры. Я мог спать в течение ночи в общей сложности лишь около часа, скорчившись на стуле. Два раза в минуту щелкало смотровое отверстие в двери, и появлялся глаз охранника. Если я дремал, то он входил и ногой снова будил меня. Наконец я потерял всякое ощущение времени. Однажды я проснулся и увидел, что дверь была притворена. В коридоре звучала нежная музыка - или это мне почудилось? Но вот я услышал

всхлипывание женщины. Потом она начала кричать - это была моя жена!

"Нет, нет, пожалуйста, не бейте больше, я не могу это выдержать". Я слышал, как плеть била по телу. Крики становились все громче и достигли высшей точки. Каждый мускул моего тела вздрагивал от ужаса. Постепенно стоны становились тише. Теперь это был чужой голос. Он смолк, и снова наступила тишина. Все еще лишенный чувств, я дрожал и обливался потом. Позднее я узнал, что это была магнитофонная лента. Но каждый заключенный, слышавший ее, думал, что жертвой была его жена или возлюбленная.

Дулгеру был образованное чудовище, создавшее себя по образу советского дипломата, с которыми он поддерживал отношения. "Я неохотно допускаю пытки", - говорил он мне. Поскольку в тюрьме ему было все подвластно, то он не придавал особого значения письменным показаниям и свидетелям. Часто он приходил ко мне в камеру ночью, совсем один, чтобы продолжить допрос. Решающий допрос длился в течение многих часов. Он спрашивал меня о моих связях с англиканской миссией и том, что я там делал. Он становился все беспощаднее.

"Знаете ли вы, - сказал он ехидно, - что уже сегодня ночью я могу отдать приказ казнить вас как контрреволюционера?"

"Господин полковник, - сказал я, - вам сейчас представился случай провести эксперимент. Вы сказали, что можете позволить застрелить меня. Я знаю, что это правда. Положите свою руку на мое сердце. Если оно начнет биться учащенно, то это будет означать, что я боюсь. Тогда нет ни Бога, ни вечной жизни. Если же оно будет биться спокойно, то это означает: я пойду к Единому, которого люблю. Тогда ваше сознание изменится, и вы признаете, что есть и Бог и вечная жизнь".

Дулгеру ударил меня по лицу, но тут же пожалел о том, что не смог сдержаться. "Вы - дурак, Георгеску, - сказал он. - Разве вы не замечаете, что всецело зависите от моей милости. Ваш Спаситель, или как вы его там называете, никогда не откроет ворота тюрьмы, и вы никогда не увидите Вестминстерское аббатство".

Я сказал: "Его зовут Иисус Христос, если Он захочет, Он сможет освободить меня, и я увижу Вестминстерское аббатство".

Дулгеру тупо уставился на меня. Он с трудом переводил дыхание. Потом закричал: "Значит так! Утром вы познакомитесь с товарищем Бринцару".

Майор Бринцару, правая рука Дулгеру, осуществлял контроль за помещением, в котором хранились дубины, резиновые дубинки и плетки. У него были волосатые руки как у гориллы. Другие чиновники, проводящие допросы, пользовались его именем для угроз. Современный русский поэт Вознесенский пишет: "В эти дни невыразимого страдания действительно можно назвать счастливым того, у кого нет сердца". В этом отношении Бринцару был счастливым человеком. Он продемонстрировал мне свой ассортимент оружия. "Есть ли у вас особые желания? - спросил он. - Мы здесь довольно демократичны". Потом он показал свой любимый инструмент - длинную черную резиновую дубинку: "Взгляните на марку фирмы". Там стояло: "Сделано в США".

"Мы бьем плетью, - сказал Бринцару, обнажая между тем свои желтые зубы, - ваши же американские друзья поставляют нам для этого свои инструменты". Он отправил меня в камеру, чтобы я мог все обдумать.

Охранник рассказал мне, что до войны Бринцару работал шофером у одного из правящих политиков. С ним обращались там как с членом семьи. Приход к власти коммунистов способствовал неожиданному взлету Бринцару в тайной полиции. И вот однажды к нему на допрос привели молодого заключенного. Это был сын того самого политика, у которого работал ранее Бринцару. Арестованный пытался организовать патриотическое подпольное движение. "Я тебя так часто держал на коленях, когда ты был еще ребенком", - сказал Бринцару. Потом он пытал юношу и застрелил его собственными руками.

Как ни странно, но обещанных ударов не последовало. Вовремя одного из своих ежевечерних контрольных обходов, Бринцару поднял крышку дверного "глазка" и наблюдал

за мной некоторое время.

- А! Георгеску, все еще здесь? А что делает Иисус сегодня вечером?

"Он молился за вас", - ответил я. Он ушел, не сказав ни слова в ответ.

На следующий день он снова пришел. По его указанию меня поставили к стене таким образом, чтобы руки мои были подняты над головой и касались стены. "Держите его в этом положении", - сказал Бринцару перед тем, как покинуть камеру.

Итак, пытки начались. Я не хотел бы акцентировать на этом особое внимание, но поскольку эти вещи практикуются еще сегодня во всех тюрьмах коммунистической тайной полиции, я должен об этом сказать. Сначала меня принуждали часами стоять. Мои ноги начинали дрожать и, наконец, опухали. Когда же я падал, мне давали корку хлеба и глоток воды и снова заставляли стоять. Один охранник сменял другого. Некоторые из них принуждали меня принимать смешные или неприличные позы. С короткими перерывами это длилось много дней и ночей. Я должен был постоянно видеть стены.

Я думал о стенах, которые упоминались в Библии. Один стих из Исаии [4], всплывший в моей памяти, опечалил меня. Господь говорит там, что грехи Израиля воздвигли стену между Ним и Его народом. Грехи христиан сделали возможным триумф коммунистов. И поэтому предо мной была теперь эта стена. Затем пришел на ум другой стих: "С Богом моим я хочу перепрыгнуть через эту стену". Возможно, и я так же перепрыгну через эту стену в духовный мир, соединившись с Господом. Я вспомнил об иудейских разведчиках, возвращавшихся из земли Ханаан [5], чтобы доложить об укрепленных городах. Но так же как пали стены Иерихона [6], так, по божьему повелению, были разрушены стены этих городов. Когда меня переполняла боль, я повторял стих из "Песнь Песней" [7]: "Друг мой похож на серну, или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною". Я представил себе, что Иисус стоит за этой моей стеной и придает мне силы. Я вспомнил о том, что избранный народ добился победы, потому что Моисей [8] стоял на горе с воздетыми руками. И я должен был стоять с поднятыми руками. Может быть, наши страдания помогали чадам Бога в их борьбе.

Майор Бринцару время от времени заглядывал вовнутрь и спрашивал, готов ли я сдаться. Когда однажды я лежал на полу, он сказал: "Вставайте! Мы решили, что вы должны посетить Вестминстерское аббатство. Собирайтесь сейчас же в дорогу". "Марш!" - приказал охранник. Я пытался надеть ботинки, но мои ноги слишком отекали. "Давай, вперед! Все время бегать по кругу. А я буду следить снаружи".

Камера насчитывала двенадцать шагов: одна стена - четыре шага, другая два, потом снова - четыре шага и опять - два. Я носился по кругу в разорванных носках. Щелкнуло смотровое отверстие. "Быстрее!" - закричал охранник. Перед моими глазами начало все кружиться. "Быстрее, или ты хочешь получить?" Я больно врезался в стену. Пот застилал мне глаза. Все дальше, дальше, по кругу. Щелк! "Стой! Кругом, марш!" И опять дальше в противоположном направлении. "Дальше, дальше!" Когда я упал, то ворвался охранник и, пока я, шатаясь, поднимался, ударил меня дубинкой по локтям. Боль была такой мучительной, что я снова упал. "Встать, встать! Давай вперед! Это - манеж!"

Почти каждый должен был пройти через манеж или, как его называли, тренировочное поле. Проходили часы, пока узник получал чашку воды или что-либо из еды. Жажда заставляла забыть о голоде. Она была более жестокой, чем боли в ногах, к которым невозможно было прикоснуться, как к ножевым ранам. Но самым тяжким было то, что после короткого отдыха или нескольких часов сна, похожего на обморок, все надо было начинать сначала. Негнувшиеся суставы, растянутые мышцы, содранные ноги просто не хотели больше выносить тяжести тела. Бессильный, я крепко держался за стену в то время как гремели приказы охранника. Когда ноги уже больше не держали, приходилось двигаться на четвереньках.

Я не знаю, сколько дней и ночей я провел "на манеже". Когда я двигался вперед, то начинал молиться за стражу. Я вспоминал Песнь Песней. В ней рассказывается нам о том священном танце, который исполняет невеста Христова в честь своего Жениха. Я подумал:

"я так же хочу красиво двигаться, как будто это был танец любви для Иисуса". Кажется, мне это удавалось одно время. Если человек принимает все, что он должен сделать, добровольно, значит он исполняет прежде всего свою волю. Тогда самые жестокие испытания станет легче переносить, раз уж человек по собственной воле решил на них. Когда я все дальше двигался по кругу, мне казалось, что все кружится вокруг меня. Я не мог уже различить одну стену от другой, и дверь от стены. Любовь Божия так же не делает различия между добрыми и злыми людьми, она хотела бы объять всех.

Бастонада[9]

Я прожил уже около месяца без настоящего сна, когда охранник надел на меня черные очки и повел в другое помещение для допроса. Это была большая, голая комната. Ослепленный направленным на меня прожектором, я увидел очертание трех или четырех человек за столом. Я стоял перед ними в наручниках и босой. На мне была только грязная рваная рубашка. Опять мне были заданы обычные вопросы. И я дал похожие на прежние ответы. На этот раз среди инквизиторов находилась женщина. "Если вы не дадите разумных ответов, то будете растянуты на дыбе". Это приспособление в последний раз было использовано в Англии триста лет тому назад для выдавливания признаний. Партия добавила его к остальным орудиям своего искусства убеждать.

Я ответил: "В послании апостола Павла [10] к Ефессянам сказано, что мы должны достичь полной меры в Христе. Если вы меня растянете на дыбе, то поможете мне достичь цели". Женщина ударила кулаком по столу. Те, что сидели за слепящим прожектором, начали быстро совещаться. Иногда находчивый ответ имел результат, угрозы не сбывались. Я не пошел на дыбу. Вместо этого меня повели назад на допросы, и я получил бастонаду.

Меня перевели в другую камеру. На голову надели капюшон и приказали присесть на корточки. Руки были положены вокруг колен. Между коленями и локтями протянули металлический стержень и подняли на эшафот. Моя голова опрокинулась назад, а ступни оказались наверху. В то время как меня держали за голову, кто-то бил по моим... Каждый удар был подобен взрыву. Некоторые из них приходились на бедро или копчик. Я много раз терял сознание. И тогда с помощью холодной струи воды меня приводили в чувство, и каждый раз говорили, что надо назвать только одну фамилию и все прекратится. Когда же они, наконец, меня сняли, то должны были нести до камеры.

Перед каждым посещением этого помещения на меня надевали черные очки. Я не должен был знать как расположена тюрьма. Если можешь предвидеть следующий удар, можно внутренне настроиться на него. Невозможность видеть, когда и куда он попадет, удваивает страх.

Наконец, я подписался подо всеми, касавшимися лично меня, "признаниями", которых они так желали. Итак, я был человеком, нарушающим супружескую верность и одновременно гомосексуалистом. Я продал церковные колокола, а деньги растратил (хотя наша церковь была молельным залом без колоколов). Под прикрытием работы для всемирного совета церквей я занимался шпионажем. Моим планом было свергнуть правительство, используя измену. Я и не только я проникли в коммунистическую партию, а затем выдали ее тайны. Бринцару прочел эти показания, а потом спросил: "А где же фамилии тех, кому вы передали тайны?"

Он очень обрадовался, когда я назвал несколько фамилий и адресов. Понятно, что это принесет ему денежную награду, а может быть и повышение по службе. Но уже спустя несколько дней, я снова был отстеган плетью. Фамилии были проверены. Это были люди, которые или сбежали на Запад, или умерли. И все же за короткое время передышки я снова мог набрать сил.

Ожидание было, пожалуй, самой худшей пыткой. Лежать здесь, слышать крики и слезы и знать, что через час наступит твой черед. Но Господь помогал мне не говорить того, что могло бы повредить другим. Я легко терял сознание. Они же были заинтересованы в том, чтобы я продолжал жить, так как каждый заключенный мог быть источником нужной информации. В непредвиденных поворотах судьбы партии эта информация однажды могла

пригодиться. При этом совсем неважно много или мало дней человек содержался под стражей. Во время пыток постоянно присутствовал врач. Он должен был щупать пульс и следить за тем, чтобы жертва случайно не ускользнула в лучший мир, пока тайная полиция еще нуждалась в ней. Это был прообраз ада, муки которого вечны и в котором нельзя умереть.

Вспоминать о текстах из Библии было непросто. Но я все-таки старался никогда не терять из памяти, что Иисус должен бы был прийти на землю как Царь. А вместо этого он предпочел быть осужденным как преступник и быть избитым плетьюми. Бичи, применявшиеся римлянами, были ужасными. При каждом ударе, который я получал, я думал о том, что Иисусу были знакомы эти же боли. Делить эти боли с Ним - было для меня радостью.

Насмешки и унижения были тоже выше человеческих сил. Иисус часто говорил, что Он должен будет претерпеть побои, насмешки и крестную смерть. Я часто думал о том, что насмешки в сравнении с побоями и распятием пустяки. Здесь же я узнал, что человека можно было заставить с силой раскрыть рот, чтобы другие могли плевать или мочиться туда, в то время, как мучители смеялись и издевались над своей жертвой.

Неправдоподобным могло показаться и то, что палачи испанской инквизиции совершенно серьезно считали, что сжигание еретиков было их священным долгом. Точно так же многие коммунисты были убеждены, что их линия поведения была оправданной. Полковник Дулгеру, по-видимому, принадлежал к этой группе. Он часто говорил:

"Существует информация, необходимая для защиты государства. Все лица, скрывающие ее, заслуживают жестокого обращения. Это имеет жизненно важное значение для социалистического общества". Намного позднее, когда я был уже подобен развалине, а нервное истощение дошло до предела, и у меня из глаз текли слезы, Дулгеру выразил нечто похожее на сочувствие: "Почему вы не уступите? Это же не имеет смысла. Вы всего лишь человек и, в конце концов, погибнете". Я же убедился в том, что все было как раз наоборот. Если бы я располагал только своими собственными силами, я бы никогда не выдержал. Но тело - лишь временное обиталище души. Коммунисты рассчитывают на инстинкт самосохранения. И потому полагают, что человек пойдет на все, лишь бы избежать уничтожения. Но они заблуждаются. Христиане, которые верят в то, что благовествует церковь, знают, что смерть не конец жизни, а ее осуществление. Это не угасание, а переход в вечную жизнь.

В абсолютной тишине

Уже семь месяцев я находился в тюрьме Калеа Рахова. Стоял октябрь, а для узников началась уже зима. Нам предстояли долгие зимние месяцы. Мы страдали от холодов, от голода и жестокого обращения. Замерзший, я смотрел в окно. Мокрый снег падал на тюремный двор. И все же я чувствовал какое-то утешение. Я знал, что единственное, что я мог сделать здесь в тюрьме для Бога - это быть терпеливым и любить. Это было немного. Но хорошее в жизни подчас выглядит весьма малым по сравнению с обилием зла. В Новом Завете зло изображено в виде огромного зверя с семью рогами. Святой дух, напротив, явился в виде маленького голубя. И этот голубь одержит победу над зверем.

Однажды вечером мне принесли тарелку с аппетитно пахнущим гуляшом и четыре куска хлеба. Однако, прежде чем я смог взять в рот кусок, снова появился охранник и приказал мне собрать свои вещи и следовать за ним. Он привел меня к месту, где уже были собраны другие заключенные. Я все еще думал о моем не съеденном гуляше, когда меня на грузовике доставили в Министерство внутренних дел. Это великолепное здание всегда вызывает восхищение у туристов. Никто из них, однако, не предполагает, что под ним находится грандиозная тюрьма, испещренная лабиринтами потайных ходов. Сотни беспомощных узников томятся в ней.

Моя камера находилась глубоко под землей. Лампа на потолке освещала голые стены и железную кровать с тремя перекладинами и соломенным тюфяком. Мне бросилось в глаза, что там не было ни одного ведра. Это означало, что я поступил в распоряжение охранника, который должен был меня водить в уборную. Для каждого заключенного это было самым

тяжким обстоятельством. Подчас узников заставляли ждать часами и насмехались над их неотступными просьбами. Из-за страха, что их мучения еще более усилятся, некоторые мужчины и женщины тоже, прекращали есть и пить. Мне самому приходилось есть из того же сосуда, в который я отправлял свою нужду, вымыть его я не мог, не было воды.

Здесь должна была царить абсолютная тишина. Так было задумано. Наши охранники носили ботинки на войлочной подошве. Можно было слышать, как они ощупывали руками двери, прежде чем попадали в замочную скважину.

Я мог слышать, как кто-то из заключенных, находящихся на большом расстоянии от меня, бил в свою дверь или кричал. Поскольку я мог в своей камере сделать всего лишь три шага в одну сторону, то по большей части я лежал на кровати и пристально смотрел на лампу. Она горела днем и ночью. Когда я не мог спать, я молился. Внешнего мира больше не существовало. Все знакомые звуки - ветер, шум дождя во дворе, стук сапог по каменному полу, жужжание мухи, человеческие голоса - все ушло прочь. Казалось, мое сердце сжималось внутри и хотело тоже умолкнуть навсегда в этой мертвой тишине.

Молчание

В этой камере я провел следующие два года моего одиночного заключения. Читать мне было нечего, не было у меня и письменных принадлежностей. Я мог общаться только со своими мыслями, а я никогда не был человеком, склонным к долгому раздумью. Меня едва ли можно было когда-либо увидеть не занятым. Но Господь был здесь. Действительно ли я жил для того, чтобы служить Богу? Или это было лишь моей профессией?

Конечно же, от пасторов ждали, чтобы они были образцами мудрости, чистоты, любви и правдивости. В действительности же, это не всегда возможно, ведь священники - те же люди. И бывает, что они в большей или меньшей степени начинают актерствовать. Пройдет некоторое время, и они сами с трудом смогут разобраться, что в их поведении подлинного, а что является всего лишь актерской игрой.

Действительно ли я верил в Бога? Сейчас это выяснится. Я был один. У меня не было возможности ни что-либо заработать, ни использовать благоприятный случай. Господь не давал мне ничего, кроме страданий. Буду ли я, несмотря на это, все так же любить Его?

Я вспомнил одну из своих любимых книг - "Патерик". В ней рассказывалось о житии святых четвертого века, которые во времена преследования церкви основали в пустыне несколько монастырей. В книге было 400 страниц. Однако, когда я взял ее впервые в руки, я не мог ни есть, ни пить, ни спать, пока не дочитал ее до конца. Духовные книги похожи на благородное вино: чем оно старше, тем лучше. В одной из глав рассказывалось о том, как один брат спросил старца: "Отец, что такое молчание?" Ответ гласил: "Мой сын, молчание - это пребывать одному в келье, в мудрости и страхе Божьем, охраняя свое сердце от огненных стрел мыслей. Такое молчание рождает благо. О, ненарушенное молчание, ты небесный путеводитель! О, молчание, которое стремиться только к Единому и беседует только с Иисусом Христом. Тот, кто пребывает в таком молчании, потом готов воспеть: "Готово сердце, о Господи, славить Тебя!"

Но как я мог славить Господа своим молчанием? Вначале я молился, в основном, об освобождении. Я молился: "Ты сказал в Писании: нехорошо, чтобы человек был один - почему тогда Ты оставляешь меня в одиночестве?" Но из дней складывались недели, и моим единственным гостем был только охранник, приносящий мне корки хлеба и не говоривший ни единого слова.

Его приход каждый день напоминал мне старую греческую пословицу: "Боги ходят в войлочной обуви". Иначе говоря, греки считали, что нам не дано ощутить господство Бога. Возможно, в тишине я приближаюсь к Богу и стану хорошим пастором. Лучшими проповедниками были те, кто, подобно Иисусу, обладал глубоким внутренним спокойствием. Когда рот часто открывается, даже тогда, чтобы сказать что-то благое, душа как бы теряет внутренний жар. Помещение с открытой дверью быстро остывает.

Постепенно мне пришло на ум, что на дереве тишины созревает плод мира. Я начал видеть себя таким, каким был на самом деле. Я получил подтверждение, что я в

действительности принадлежал Христу. Даже в этих обстоятельствах мои мысли и чувства постоянно склонялись к Богу. Ночь за ночью я заполнял молитвой, духовными медитациями и славословием. Я теперь знал, что не разыгрываю комедии, и что я не только верил в то, что верю.

В очистительном огне

Я разработал для себя порядок, который соблюдал в течение двух лет. Всю ночь я бодрствовал. В 20.00 звонили, чтобы известить о начале ночного покоя. Тогда я и начинал свою программу. Иногда я бывал сокрушен, иногда радовался, но мои ночи всегда были короче тех, которые мне были предназначены.

Все начиналось с молитвы. И я нередко плакал, это были слезы благодарности. Молитвы, как и радиопередачи, были лучше слышны ночью. Это время великих духовных сражений. Затем шла проповедь, которую я произносил, словно я был в церкви. Ни один охранник не мог слышать произнесенное шепотом "Возлюбленные братья!" Заканчивал я словом "Аминь". Наконец, я мог сказать полную правду. Я мог не беспокоиться о том, что подумает епископ, что скажет община, и что донесу шпики. Я проповедовал не в пустоту: Господь, Его ангелы и святые слышали каждую мою проповедь. Я чувствовал, что среди слушающих находились те, кто привел меня к вере. Члены моей паствы: живые и мертвые, моя семья и друзья находились в "сонме свидетелей", о которых говорит Библия. Пребывающее в нашем вероисповедании единство святых было дано мне как знание.

Каждую ночь я обращался к моей жене и моему сыну. Я вспоминал обо всем, что было в них хорошего и достойного любви. Иногда мои мысли достигали Сабины через тюремные стены. В ее Библии есть пометка, сделанная ею в то время: "Сегодня я видела Рихарда. Я лежала, не сомкнув глаз в постели, а он склонился надо мной и разговаривал со мной". Путем концентрации всех моих сил я пытался передать ей послание любви. Мы были щедро вознаграждены за то, что ежедневно в течение нескольких минут интенсивно думали друг о друге. В то время, когда очень много супружеских пар были разрушены из-за ареста одного из супругов, наш брак выдержал все тяготы и стал еще крепче.

Но мысли о моих любимых могли причинять мне боль. Я знал, что Сабину будут грубо осаждать, требуя, чтобы она развелась со мной. Если она откажется и продолжит свою работу в общине, можно не сомневаться в том, что и ей предстоит арест. Тогда Михай, которому исполнилось всего десять лет, останется совершенно один. Я уткнулся лицом в соломенный тюфяк и обнял его так, как будто это был мой сын. Однажды я вскочил, забарабанил кулаками в железную дверь и закричал: "Верните мне назад моего мальчика!" Ворвались охранники, крепко меня держали и вкатили мне укол, который на несколько часов привел меня в бессознательное состояние. Когда я снова пришел в себя, то подумал, что лишился рассудка. Я знал многих, с кем это случилось.

Тогда я стал думать о матери Иисуса, и это придало мне мужества. Она стояла у подножия Креста без единого слова жалобы. Всегда ли было правильно определять молчание как признак страдания? Не могла ли она гордиться тем, что ее Сын отдавал жизнь за всех людей? Распятие было в день праздника опресноков. В тот же вечер Мария должна была исполнить ритуальную хвалебную песнь. Также и я должен был благодарить Бога за страдание, через которое, вероятно, должен будет пройти мой сын. У меня опять появилась надежда. Если Сабины уже там не было, то у нас оставались друзья, которые, конечно же, будут заботиться о Михе.

Одним из моих постоянных духовных упражнений было мысленное вручение Христу всего: прошлого, настоящего и будущего, моей семьи, моей общины, моих страданий, моих самых сокровенных мыслей. Каждый член моего тела я вручал Ему. Я открыто исповедовал Ему свои прежние грехи и чувствовал, как Его рука стирала их.

Вначале я потратил много времени на исследование моей души. Это было ошибкой. Любовь, добро и красота - это робкие чувства, они скрываются, если чувствуют, что за ними наблюдают. Однажды мой сын преподавал мне урок. Ему было в ту пору пять лет. Я наставлял его: "У Господа Иисуса есть большая тетрадь. На одной стороне написано твое имя. Сегодня

утром Он должен был вписать туда, что ты не слушался своей матери. Вчера ты ударил другого мальчика и утверждал, что это была его собственная вина. Эта история должна также войти в тетрадь." Михай подумал некоторое время, а потом сказал: "Папа, а Иисус записывает только плохое или хорошее тоже?" Я часто думал о моем мальчике. С радостью я вспоминал о том, как он учил меня богословию. Когда я читал вслух послание к Коринфянам "Испытывайте самих себя, в вере ли вы?" Он спросил: "Как я могу сам себя испытать?"

Я ответил: "Ударь себе в грудь и спроси: сердце, любишь ли ты Господа?" - и я сильно ударил себя в грудь.

"Это - неправильно, - сказал Михай. - Человек на вокзале, который молотком проверял вагонные колеса, дал мне их тоже однажды проверить и сказал при этом: "Чтобы проверить, в порядке ли колеса, не надо сильно бить, а надо лишь слегка коснуться их". Итак, мне не надо сильно ударять себя, если я хочу знать, люблю ли Христа".

Теперь я знал, что на вопрос: "Любишь ли ты Иисуса?" было достаточно тихого "да", сказанного твоим сердцем.

Каждую ночь в течение часа я занимался тем, что ставил себя в положение моих главных противников. Полковник Дулгеру был одним из них. "Если бы я был на его месте". Только эта мысль позволяла мне найти для него тысячу оправданий. Таким образом, для меня стало возможным, любить его и других палачей. Затем я обдумал все, что, по их мнению, было самым главным в моей жизни. Это помогало моему новому самопознанию.

Мы можем с сожалением и сочувствием читать о жертвах гильотины. Однако, мы легко впадаем в панику, когда нам самим угрожает революция. Итак, я учился погружению событий в иное время. Все, что случалось со мной в настоящем, я передвигал в другую эпоху. Факты же прошлого трактовал так, будто они произошли сегодня. Если действуешь таким образом, может появиться надежда встретить святых из давно прошедших времен. Я строил предположение о том, чем бы я занимался, если бы был крупным государственным деятелем, мультимиллионером, китайским императором или папой? Или, как выглядела бы моя жизнь, если бы у меня были крылья? Или плащ, который делал бы меня невидимым? Во время этих мечтаний человеческий дух предстал предо мной в виде крылатой, невидимой силы, способной преобразовать мир. Эти фантазии были расточительством времени, несмотря на их занимательность. Занятый реальным проектом архитектор никогда не станет учитывать в нем невесомые камни или гибкое стекло. В медитации так же, как и в архитектуре, надо мыслить конструктивно. Но эти бессмысленные занятия помогли мне узнать, что в сфере существования духа вполне совместимы и противоположности. Теперь я понял, как Христос мог объединить в себе все: одновременно быть львом Иуды и агнцем Божиим.

Моя голая камера отнюдь не была лишена беседы. Я рассказывал сам себе шутки и придумывал новые. Из хлеба лепил шахматные фигуры и играл сам с собой в шахматы, черными против менее черных, смешанных со скобленным со стены мелом. Я мог направлять свои мысли по двум направлениям: так, что черные не знали, какой ход в следующий момент сделают менее черные. За два года я не проиграл ни одной партии и мог подтвердить, что был чемпионом.

Я сделал открытие, что радость можно сделать привычной. Однажды сложенный лист бумаги принимает, когда его развернут, старую форму. "Радуйтесь!" - призывает Господь. Джон Весли [11] имел обыкновение говорить, что никогда не бывал печален "даже и четверти часа". И хотя я не могу утверждать о себе такое, но я научился радоваться при самых скверных обстоятельствах.

Служение ангелов

Коммунисты убеждены, что счастье зависит от удовлетворения нужд материального порядка. В своей камере я был голоден, обтрепан, одинок и постоянно мерз. И тем не менее, каждую ночь я танцевал от счастья. Поводом к этому послужило мое воспоминание о танцующих дервишах, за которыми я наблюдал, будучи мальчиком. Строгая красота этих мусульманских монахов: их исполненные достоинства движения, когда они кружась,

выкрикивали имя Бога "Аллаха", их экстаз - все это тогда чрезвычайно взволновало меня. Позднее я узнал, что не только дервиши исполняли танцы в честь Бога: делали это евреи, пятидесятники, христиане первых веков и библейские персонажи, к примеру, Давид и Мариам. Церковные служители кафедрального собора в Севилье совершают это еще и сегодня во время пасхальной торжественной мессы. Невозможно передать словами то чувство, которое испытываешь вблизи Господа. Иногда я бывал настолько наполнен радостью, что должен был дать волю своим чувствам, иначе, как мне казалось, я не выдержу. Я вспомнил слова Иисуса: "Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить и пронесут имя ваше как бесчестное за Сына человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь". Я сказал себе: "Ты выполнил только половину заповедей; ты радуешься, но этого недостаточно. Иисус говорит совершенно ясно, что мы должны также и веселиться".

И вот однажды охранник посмотрел в глазок и увидел меня скачущим по камере. По-видимому, у него было указание, как вести себя в подобных случаях. И постараться принять меры, если обнаружатся какие-либо признаки истощения нервной системы. Он зашаркал ногами и принес из караульного отделения большой кусок хлеба, немного сыра и сахар. Я все это взял и тут же вспомнил продолжение того стиха из Евангелия от Луки: "Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах". Я получил очень большой кусок хлеба, намного больше, чем недельный паек.

С того времени я не пропускал ни единой ночи, чтобы не потанцевать. Хотя потом я уже ни разу не получил вознаграждения за это. Я сочинял песни, напевал их тихо самому себе и танцевал под собственную музыку. Охранники привыкли к этому. Тишина не нарушалась, а они пережили уже много необычных событий в этих подземных камерах. Друзья, которым я позже рассказывал об этих танцах в тюрьме, спросили меня: "А для чего? Какую ты преследовал цель?" Это не было чем-то полезным, это было проявлением радости, так радовался, танцуя, Давид. Это была посвященная жертва, принесенная перед алтарем Господа. Поскольку мои ловцы считали, что я был вне себя, мне не оставалось ничего другого, тем более что я узнал то, что мне никогда прежде не было дано, а именно Христа в Его красоте.

Иногда у меня были видения. Однажды во время танца мне показалось, что кто-то произнес мое имя, не "Рихард", но какое, не могу сказать. Я был совершенно уверен, что это относилось ко мне, но звали меня другим именем. Не знаю почему, но эта мысль пронзила меня как молния: возможно, это новое имя было произнесено архангелом Гавриилом. Потом вся камера наполнилась светом. Больше я ничего не слышал, но я понял, что в единстве с Иисусом и другими святыми я воздвиг мост между добром и злом, мост из слез, молитв и самопожертвования, чтобы грешники могли по нему перейти к спасенным. Я узнал, что наш мост должен быть сделан таким образом, чтобы даже самый грешный смог воспользоваться им.

Иисус сказал, что на Страшном суде тот, кто накормил голодных и одел нагих, сядет по Его правую руку. Злые же будут брошены в кромешную тьму. Однако, бывает момент, когда каждый человек может помочь другому, а в следующий раз не сумеет сделать этого. Если смотреть на человека с точки зрения его физической природы, то он увидится как единое целое. В духовном бытии все иначе. В Библии говорится о внутреннем и внешнем, о новом и ветхом, о телесном и духовном человеке. Внутренний духовный человек - это тот, кто может достичь блаженства вечной жизни.

Я понимал, что должен любить людей такими, какие они есть, а не такими, какие они должны быть. На следующую ночь я увидел множество ангелов, которые медленно двигались в темноте камеры к моей постели. Когда они подошли ближе они запели песнь любви так, как Ромео мог бы петь для Джульетты. Я не мог поверить, что охранники не слышали этой чудесной и трогательной музыки, которая звучала столь реально.

У заключенных, долго находившихся в одиночестве, временами возникали видения. Существует естественное объяснение этим явлениям, которые, однако, ни в коем случае не

теряют своего значения. Душа пользуется телом для своих собственных целей. Эти видения помогли мне остаться в живых, и уже одно это доказывает, что дело было не в одних лишь галлюцинациях.

Азбука морзе

Однажды ночью я услышал тихий стук в стену, рядом с моей кроватью. В соседнюю камеру был помещен новый заключенный, и он хотел дать мне о себе. Я ответил. Это вызвало новый поток ударов. Я сразу же заметил, что мой сосед пытался передать мне простой код: А - один удар, В - два удара, С - три удара и т.д.

"Кто вы?" - было его первое послание.

"Пастор", - был мой ответ.

После этого трудного начала мы постепенно разработали новую систему: один удар - это знак для первых пяти букв алфавита, два удара - для следующих пяти и т.д. Однако этот код не удовлетворил моего соседа. Он знал Азбуку Морзе и стал обучать меня отдельным буквам, пока я их все не изучил. Потом он передал мне свое имя. "Благослови вас Господь, - с трудом ответил я. - Вы - христианин?"

Прошла минута. "Я не могу этого утверждать", - был ответ. Он был радиотехником и, кажется, ждал судебного разбирательства. Его обвиняли в государственном преступлении. Ему было 52 года, и он жаловался на плохое здоровье. Несколько лет тому назад он женился на неверующей и отошел от веры. Теперь находился в состоянии глубокой депрессии. Каждую ночь я разговаривал с ним через стену и вскоре научился бегло пользоваться знаками Морзе.

Через некоторое время он отбил: "Я хотел бы исповедать свои грехи".

Его исповедь часто прерывалась молчанием. "Мне было семь лет... Я ударил мальчика ногой... потому что он был еврей. Он проклял меня... Твоя мать... не сможет тебя увидеть... перед смертью. Когда меня арестовали... мать была при смерти".

Мой сосед избавил свое сердце от тяжелого груза. Потом он объяснил, что уже много лет не был так счастлив. Мы стали друзьями с помощью азбуки Морзе, как становятся друзьями через переписку. Я передал ему стихи из Библии, мы обменялись веселыми историями и отстукивали шахматные ходы. По коду я читал ему проповедь и Евангельское благовестие о Христе. После того, как охранник поймал меня на этом, я был переведен в другую камеру. Там у меня оказался новый сосед, и все началось снова. Таким образом, многие выучили азбуку Морзе. Однако, заключенных часто переселяли, а на меня не один раз доносили. По азбуке Морзе я передавал только стихи из Библии и говорил о Христе. Политики я не касался, не хотел страдать за нее.

В одиночном заключении люди неизбежно были вынуждены анализировать события, давно преданные забвению. Все обманы, так же, как другие грехи, всплывали в памяти. Бывало так, что к узнику являлись в камеру те, перед кем он был виновен, и смотрели на него, обвиняя: мать, отец, давно покинутые подруги, друзья, которых он оклеветал или обманул. Все исповеди, которые я выслушал по Морзе, начинались, как правило, так: "Когда я был еще мальчиком", "когда я еще учился в школе". Воспоминание о старой вине, подробно сторожевому псу с оскаленными зубами, стояло между душой и священным миром Господа. И потому каббала, еврейское тайное учение, основанное на древней мистике, говорит о том, что когда перед человеком закрыты уже все врата, остаются открытыми еще врата плача "баб Хадимот". Через эти врата должны пройти и узники.

Страстная пятница в ящике с шипами

Однажды утром сосед сообщил мне, что в тот день была страстная пятница. В ответ на это, я нацарапал на стене слово "Иисус" гвоздем, найденным в уборной. Охранник рассвирепел. "Теперь вы пойдете в карцер", - сказал он.

Он повел меня по коридору к строению, похожему на шкаф. Шкаф был достаточно высок, чтобы в нем можно было стоять прямо, ширина его была около 75 сантиметров. В двери находилось несколько вентиляционных отверстий и раздаточное окно для еды. Охранник толкнул меня внутрь и закрыл дверь. Острые шипы кольнули мне в спину. Я резко

подался вперед и накололся снова. Передо мной также была полоса с шипами. Меня охватила паника. Однако я заставил себя стоять спокойно. Потом, осторожно щупая руками темноту, я потрогал стенки ящика. Все четыре стены были покрыты стальными шипами. И, если я не мог удержаться и стоять прямо, подобно свече, то накалывался на них. Итак, это был карцер.

У меня начали болеть ноги. Через час казалось, что каждый мускул стал раной. Ноги с содранной кожей после манежа остались опухшими. Когда же подкашивались ноги, и я, рывком поднимаясь, наталкивался на шипы, то меня вытаскивали наружу. После короткого отдыха, меня вновь запирали. Я пытался сконцентрировать свои мысли на страданиях Христа, но мои собственные страдания были слишком тяжелы. Тогда я стал думать о своем сыне Михе. Когда он был еще маленьким, он спросил: "Что мне делать, папа? Мне так скучно". "Подумай о Боге, Михай", - сказал я. "Почему? - спросил он. - У меня только маленькая голова, а у Бога - большая. Он должен думать обо мне!" "Теперь, сказал я себе, - я постараюсь не думать о Боге, и вообще не думать". В этой гнетущей темноте я стал вспоминать о йогах. Постоянно повторяя тайную формулу, они приходят в состояние полного освобождения своего духа от мыслей. Почти таким же методом пользуются монахи на горе Афон в своей непрерывной сердечной молитве. Они непрестанно повторяют молитву: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного", при этом каждое слово они сопрягают с каждым ударом сердца. Я хорошо знал, что Господь милосерден. Но если я каждый день вновь говорил своей жене, что люблю ее, то тоже самое я хотел делать по отношению ко Христу. Я стал повторять: "Иисусе, дорогой Небесный Жених, я люблю Тебя!" Тихое биение любящего сердца становилось мощной благословенной музыкой, Я произносил эту фразу в ритме биения своего сердца. Вначале мне показалось, что я слышу язвительный хохот дьявола: "Ты любишь Его, а Он позволяет тебе страдать? Если Он всемогущ, то почему не заберет тебя из карцера?" Я продолжал тихо говорить: "Иисусе, дорогой Небесный Жених, я люблю Тебя". Вскоре смысл этих слов расплылся и полностью исчез. Я перестал думать.

Впоследствии я часто пользовался этой молитвой, она помогала мне снять напряжение в особенно трудных моментах. Иисус говорит в Евангелии от Матфея: "ибо в который час не думаете придет Сын Человеческий". Я пережил тот час. Я перестал думать, и неожиданно Христос завладел мною. Но слишком ярок был Его свет. И я уходил не в силах вынести его, уходил в мир моих собственных мыслей.

Искушение дьявола

В карцере я провел два дня. Иногда там запирали на неделю, а то и больше. Однако врач заметил, что состояние моего здоровья было опасным. Я находился на грани жизни и смерти. Длительное заключение и недостаток солнца, питания и воздуха оказали свое воздействие: у меня перестали расти волосы. Мне не надо было уже бриться каждый день. Ногти на пальцах стали мягкими и тусклыми, как растения, которые держали в темноте.

Моим умом стали овладевать галлюцинации. В момент отчаяния я неподвижно смотрел на жестяной кувшин для воды. Нет, я был еще не в аду. Ведь там не было воды. И вдруг кувшин превращался в тарелку. Перед моими глазами возникли изысканные кушанья, поданные на стол, который простирался далеко за границы моей камеры. Издали я увидел, как шла моя жена. Она несла поднос, нагруженный дымящимися сосисками. Но я заворчал на нее: "И это все? Они же такие маленькие". Иногда моя камера превращалась в библиотеку: книжные полки, одна за другой, бесконечные ряды переплетов, исчезающие в темноте. Известные романы, стихи, биографии, религиозные и научные произведения громоздились на полках, висящих надомной. В следующий раз я увидел тысячи лиц, устремленных на меня с напряженным вниманием. Я был окружен огромной толпой людей ожидавших моего выступления. Выкрикивались вопросы, кто-то давал на них ответы, раздавались все новые восклицания друзей, океан лиц простирался до бесконечности. Я мечтал о насилии над теми, кто меня арестовал. И это доставляло мне много огорчений. Меня также мучили эротические мечтания. Это был ад. Те, кто этого не испытал, вряд ли поймут меня. Когда меня

арестовали, мне было 39 лет, я был здоровый и деятельный человек. И вот, новая вспышка туберкулеза вызвала повышенную сексуальную жажду. В состоянии бодрствования у меня возникало горячее желание чувственного наслаждения с женщинами и девушками. А позже, после того, как я пытался их прогнать, появлялись видения безобразий и извращений любовного акта. Сомнения и чувство вины мучили меня ужасно. Иногда эта боль была острой и жгучей, в другой раз - тупой, но она не оставляла меня.

Однако, я научился рассматривать галлюцинации как вражеских оккупантов, вроде бацилл туберкулеза. Я был далек оттого, чтобы оправдывать себя за эти нападения, но гордость мешала мне оказывать им сопротивление. После того, как я стал считать это безрассудство не грехом, а врагом, у меня появилась возможность систематически побеждать его. Я мог заставить себя разумно преодолевать злые мысли, когда мне удавалось спокойно обдумать все их последствия. Я не пытался их преувеличивать. Я знал, что они снова проскользнут через боковую дверь. И я предоставлял им свободу и одновременно подсчитывал, чем пришлось бы заплатить в реальной жизни, если бы я уступил этим искушениям. Конечно, это принесло бы большие беды моей собственной семье и другим семьям. Моя жена должна бы была развестись со мной, будущее моего сына было бы разрушенным, члены моей общины потеряли бы веру, а я, презируемый всеми, должен был бы отвечать перед Богом за все эти причиненные страдания. Врачи побеждают один вирус другим, а мы можем воспользоваться основным принципом дьявола "разделяй и властвуй" против него же самого. Беса гордости, страх - потерять репутацию, можно использовать против беса блуда. Бес скупости ненавидит порок, за который надо расплачиваться деньгами.

Палач стал христианином

Однажды, когда наши уборные были засорены, меня повели в туалет, которым пользовались охранники. На стене над умывальником висело небольшое зеркало. Впервые за два года я увидел себя.

Я попал в тюрьму молодым и здоровым мужчиной. Считали, что я хорошо выгляжу. Когда же я увидел, что со мной стало, мне стало смешно. Это был печальный, гомерический смех. Столько людей любили и восхищались мною. Если бы они теперь смогли увидеть это отвратительное лицо, которое смотрело на меня из зеркала, они пришли бы в ужас. Внезапно мне стало понятно, что подлинно ценное в нас остается незамеченным. Наступит время, я стану еще более безобразным. Скелет и череп. Эта мысль, однако, укрепила мою веру и жажду духовной жизни.

В туалете я нашел разорванную газету, первую попавшую мне на глаза после моего ареста. Я узнал о том, что премьер-министр Гроца твердо решил искоренять богатых. Странное, подумал я, правительство, оно ликвидирует состоятельных, в то время, когда весь остальной мир пытается покончить с нищетой. Я искал имя Патраскану, чтобы узнать, реабилитирован ли он. Но среди имен министров, присутствовавших на выступлении Гроца, его не было.

Когда меня вели назад в камеру, я слышал, как громко рыдала и кричала какая-то женщина. Казалось, что она безумна. Вероятно, крики доносились из той части тюрьмы, которая находилась под нами. Крики дошли до своего апогея, затем внезапно прекратились.

Через несколько дней в соседнюю камеру доставили нового заключенного, "Кто вы?" - спросил я с помощью перестукивания и получил ответ. Это был Ион Михалахе, член различных правительств предвоенного времени и тогдашний коллега крупного политического вождя Юлия Маню. Когда партия начала террор, Михалахе присоединился к одной из групп, пытавшихся бежать за границу. Его арестовали на аэродроме и в октябре 1945 года приговорили к пожизненному заключению. Михалахе было больше семидесяти. "В течение всей своей жизни я боролся, чтобы помочь людям моей страны. И вот - награда", - сказал он.

"Если вы всему, что должно случиться, скажете "да", то тогда не произойдет того, чего вы не хотите, - просигнализировал я. - Отречение от себя - это путь к миру". "Не существует мира без свободы", - был его ответ.

Я сказал: "В стране, где правит тирания, тюрьма является почетным местом".

Он сказал, что потерял Бога.

Я ответил: "Никто не может потерять Бога. Мы все - потерянные. Если мы найдем самих себя, то найдем Божественное в нас. Время, проведенное в тюрьме, может помочь нам в этом поиске". Он сказал, что хочет попробовать.

Спустя два дня Михалахе был переведен в другую камеру. До этого он сообщил мне, что женщина, крики которой мы слышали, была женой прежнего премьер-министра Иона Гигурту. Она прекратила кричать оттого, что на нее надели смирительную рубашку, и заткнули рот кляпом. Когда я снова постучал в стену, то не получил никакого ответа. Михалахе уже там не было.

Незадолго до этого меня опять начали допрашивать. Допрос вел обычно лейтенант Греку, молодой человек, твердый, интеллигентный, самоуверенный. Его политическое образование дало ему возможность быть уверенным в том, что своей службой он помогает строительству лучшего мира. Вопросы, которые он задавал мне, снова возвращали нас к тому периоду, когда я был связан со скандинавской еврейской миссией. По-прежнему ли я отрицаю, спросил Греку, что деньги миссии использовались для шпионажа?

"Если вы считаете Америку и Англию способными поддерживать шпионаж в нашей стране, то я могу это понять. Но какой интерес заключается для Швеции и Норвегии в таких организациях?" "Обе страны являются орудием империалистов", - ответил он. "Но Норвегия известна своим демократическим образом мыслей, а Швеция, уже с сороковых годов, имеет социалистическое правительство".

"Вздор, - сказал он, - они - такие же фашисты, как и другие". При нашей следующей встрече Греку сказал, что он проверил дело и подумал о том, что я мог бы оказаться прав.

Затем он осведомился о распространении Евангелия среди русских. Я упомянул, что в связи с этим, пожалуй, можно было бы установить связь с директором библейского общества по имени Эмиль Клейн. Он хотел знать, почему я неоднократно в то время посещал город Яссы (один из центров этой работы). Я сказал, что меня пригласили посетить тогдашнего патриарха, который тогда занимал должность митрополита.

На следующее утро меня снова вызвали. Греку сидел за своим письменным столом с резиновым кнутом в руке. "Ваша история - ложь, - закричал он. Эмиль Клейн умер еще до того, как вас арестовали. Потому-то вы его и называли! Мы проверили даты ваших поездок в Яссы. Патриарха Юстиниана почти никогда не было там в то время".

Он повернулся вместе со своим стулом "Теперь - конец! Здесь - бумага для письма. Нам известно, что с помощью азбуки Морзе вы связывались с другими заключенными, включая Михалахе. Теперь мы должны совершенно точно знать, что говорил каждый из них. Во всяком случае, мы хотели бы знать, как и когда вы нарушали и другие правила тюрьмы. А теперь говорите правду, а не то..."

Он ударил кнутом по письменному столу. "У вас есть полчаса времени", сказал он и покинул помещение.

Я уселся, чтобы писать. Первым словом должно было стать "Объяснение". Мне нелегко было начать, в течение двух лет я не держал в руках никакого орудия для письма. Я признался, что нарушал правила тюрьмы: я отстукивал в стене послания из Евангелия, я собирал таблетки, чтобы убить себя, я сделал из куска жести нож, а из хлеба и мела - шахматные фигуры. Я объяснялся с другими заключенными, но их имена мне не были известны (я не упоминал о том, что с помощью азбуки Морзе принимал исповеди грехов и даже привел людей ко Христу). Я писал дальше: "Никогда я не выступал против коммунистов. Я ученик Христа, а Он подарил нам любовь ко врагам. Я понимаю коммунистов и молюсь за их обращение. Мне хотелось бы, чтобы они стали моими братьями по вере. О том, что мне говорили другие, я не могу дать показаний. Служитель Бога никогда не может быть свидетелем обвинения. Я признан, чтобы оправдывать, а не предъявлять иск".

Помахивая кнутом, снова появился Греку, с точностью до минуты. Вероятно, он только что выпорол заключенного.

Он схватил мое объяснение и начал его читать. Через некоторое время он отложил кнут в сторону. Когда он прочитал все до конца, то посмотрел на меня огорченно и сказал: "Господин Вурмбрандт! - раньше он никогда не обращался ко мне со словом "господин", - Зачем вы сказали, что вы меня любите? Эта одна из христианских заповедей, которую ни один человек не в состоянии выполнить. Для меня было бы невозможно любить тех, кто годами держит меня в заключении, бьет и заставляет голодать!"

Я сказал: "Здесь идет речь не об исполнении заповеди. Когда я пришел к вере в Христа, то заново родился и стал совершенно другим человеком. Мое существо наполнено любовью. Как из источника может изливаться только вода, так и любящее сердце порождает только любовь"

В течение двух часов мы говорили о христианской вере и его отношении к марксистским доктринам, на которых он был воспитан. Греку был поражен, когда я сказал ему, что первым произведением Маркса было его толкование на Евангелие от Иоанна. Это утверждает Рицанер, директор института марксизма-ленинизма в Москве. А он должен это знать. Я привел ему несколько цитат, особенно из ранних произведений Маркса, в которых он положительно относился к христианству, а особенно к Лютеру [12].

После этого разговора, Греку почти каждый день заставлял приводить меня к себе на час или два. Он установил, что приведенные мной цитаты действительно соответствовали истине. Это было введением к ряду долгих дискуссий о христианской вере, в которых я постоянно особым образом подчеркивал демократические и революционные черты раннего христианства.

Греку повторял: "Я воспитан атеистом и никогда не стану никем другим". Я сказал ему: "Атеизм - это священное слово для христиан. Когда наших предков из-за веры бросали диким зверям, то Нерон и Калигула [13] представляли их атеистами. Итак, если кто-то сам себя называет атеистом, то я уважаю его".

Греку засмеялся. Я продолжал: "Господин лейтенант! Один из моих предков 17-го века был раввином. Его биографы сообщали о том, как он однажды встретился с одним атеистом и сказал ему: "Я завидую вам, дорогой брат! Ваше духовное состояние намного лучше нашего. Когда я вижу человека в нужде, что бывает довольно часто, я говорю: "Господь поможет ему!" И прохожу мимо. Вы же не верите в Бога, а значит, вместо Него должны помочь всем, кто встретится на вашем пути".

Христиане часто критиковали коммунистов не потому, что они настроены атеистически, а потому, что их партия породила извращенный вид атеизма. Существует два рода людей: те, которые говорят, что Бога нет - и потому я могу совершать все то дурное, что мне придет в голову. Другие считают: раз Бога нет, моя задача состоит в том, чтобы делать добро, которое делал Бог, если бы Он был. Великим атеистом во втором смысле был сам Христос. Когда Он видел голодающих, больных или отчаявшихся людей, Он не проходил мимо и не говорил: "Бог поможет вам", но действовал так, будто вся ответственность лежала на Нем одном, и люди начинали спрашивать: "Этот человек - сам Бог? Он творит Божьи дела!" Так они установили, что Иисус был Богом. Если вы, господин лейтенант, способны стать атеистом такого рода, если вы научитесь любить каждого человека и служить каждому человеку, то люди быстро заметят, что вы стали чадом Божьим, и вы сами откроете в себе Божественное".

Такие аргументы могут шокировать многих людей. Но апостол Павел говорит, что проповедник должен быть для евреев - евреем, а для греков греком. По отношению к марксисту Греку я должен был быть марксистом и говорить на том языке, который был ему понятен. Мои слова дошли до его сердца. Он стал размышлять и полюбил Христа. В своей униформе цвета хаки с голубыми нашивками службы безопасности, Греку, две недели спустя, исповедовал мне, стоящему в грязной, обтрепанной тюремной одежде, свои грехи. Мы стали братьями.

С этого момента Греку бесстрашно помогал как мог заключенным, преодолевая все трудности и опасности. Для вида он служил еще и партии, и играл свою роль. Однажды он

исчез, и никто не знал, что с ним стало. Осторожно я пытался что-то узнать через охранников. По их мнению, он был арестован. Скрыть истинное обращение было совсем непросто.

Лекарства

С исчезновением лейтенанта Греку допросы не прекратились. Но Господь подарил мне забвение. Я смог забыть имена всех тех, кому смог бы навредить. В тюрьме я сочинил более трехсот стихотворений, около ста тысяч слов, которые я записал после выхода на свободу. Однако, во время допросов я мог полностью освобождать свою память. Для этого использовался один искусственный прием.

Под предлогом, что мой туберкулез ухудшался (а я действительно непрерывно кашлял) врачи приписали мне новое лекарство. Это была желтая капсула, способствовавшая долгому сну с приятными сновидениями. Как только я просыпался, мне давали новую капсулу. В течение многих дней я оставался в бессознательном состоянии, и охранники будили меня только к моменту приема пищи. Моя еда была легкой и вкусной.

Продолжения допросов предстают в моей памяти весьма туманно. Я только знаю, что лекарства не оказали того действия, на которое рассчитывали мои палачи, я не предал друзей. Когда я предстал пред судом, я был один. Большой судебный процесс над людьми, которые должны были состоять в "шпионской организации" Всемирного совета церквей, так и не состоялся. Священник Милан Хаймовичи, арестованный для этих же целей, выдержал жесточайшие пытки. Он терпел и молчал. Потом, когда под каким-то предлогом он был приговорен к семи годам заключения, он держался как герой, отстаивающий свою веру. Лекарства применяли против кардинала Миндженти, троцкистов и еще многих других, они ослабляли силу воли и приводили, наконец, жертву к бреду самообвинений. Позднее я слышал, как многие люди начинали вдруг стучать в двери камер. Они требовали политических чиновников, чтобы сделать дальнейшие признания против самих себя. Это лечение могло иметь продолжительный эффект. Мужчины, которые получали его в течение месяцев, исповедовали мне потом грехи, которых они не могли совершить. Возможно, что мой туберкулез нейтрализовался под действием этого лекарства, а может быть я получал слишком большую дозу, которая делала бесполезным каждый мой допрос. Во всяком случае, по Божией милости, я был сохранен от того, чтобы стать предателем.

Сатана изгнан

После лечения этим препаратом я становился все слабее и, наконец, совсем сломался. Постель я мог покинуть только при крайнем усилии. Но мой дух оставался совершенно свободным. Я даже считал его активность тревожной.

Это не сказка, что святой Антоний Великий [14], Мартин Лютер и многие другие менее известные личности видели дьявола. Я видел его однажды, будучи ребенком. Он осклабился на меня. С тех пор прошло полвека. И вот я впервые упоминаю об этом. Тогда в своей камере я чувствовал его присутствие. Было темно и холодно. Он насмехался надо мной. В Библии говорится о тех местах, где танцуют лесные приведения. Моя камера стала местом их сборищ. День и ночь я слышал голос: "Где же твой Иисус? Твой Спаситель не может тебя спасти, ты одурачен и одурачиваешь других. Он - не Мессия, ты не на того напал!"

Я закричал громко: "Кто же тогда настоящий Мессия, который должен прийти?" Ответ был недвусмысленным, но слишком кощунственным, чтобы можно было его воспроизвести. Я написал книги и статьи, доказывающие, что Иисус был Мессией. Но теперь мне не приходило на ум ни одного аргумента.

Демоны довели крупного норвежского евангелиста Нилса Хауге до того, что он поколебался в своей вере, пока сидел в тюрьме. И внушили сомнения даже Иоанну Крестителю [15] в темнице. Теперь же они бесчинствовали здесь, в моей камере. Я был беззащитен. Моя твердость и радость бесследно исчезли. Раньше я чувствовал Иисуса так близко, Он утолял мою боль и разгонял мрак. Теперь в состоянии глубочайшей оставленности я только мог воззвать: "Или, Или, лама савахфани?" [16]

В эти дни, наполненные тьмой и страхом, я сочинил длинное стихотворение. Кто не испытал подобного физического или духовного состояния, вряд ли сможет предпринять нечто подобное.

Но для меня это было спасением. Слова, ритм и мелодия помогали мне отражать атаки сатаны. Вот один из переводов, без рифмы и стихотворного размера, передающий смысл румынского текста:

"В детстве я часто посещал храмы и церкви. В них прославлялся Бог. Каждый из священников пел и усердно кадил. Они утверждали: что любить Тебя праведно, но когда я вырос, я увидел такую глубокую скорбь в мире, принадлежащем этому Богу, что сказал себе: "У Него сердце из камня, иначе Он убрал бы все трудности с нашего пути".

Больные дети борются с температурой в больнице, опечаленные родители молятся за них. Небо - глухо, наши любимые идут в долину смерти, даже когда мы произносим длинные молитвы. Невинных людей сжигают заживо, а небо безмолвствует, оно оставляет событиям их собственный ход. Будет ли Бог удивляться тому, что даже верующие в Него начнут понемногу сомневаться? Голодные, замученные, преследуемые в своей собственной стране, мы не имеем ответа на эти вопросы. Ужас, случившийся с нами, - это позор для Всемогущего.

Как я могу любить Творца микробов и тигров, мучающих людей? Как я могу любить Его, который мучает всех своих подданных только потому, что один из них съел плод, висящий на древе? Я - более жалок, чем Иов: у меня нет ни жены, ни детей, ни утешителя. В этой тюрьме нет ни солнца, ни света, а образ жизни - невыносим.

Из переключений моей кровати они сделают мне гроб, и, вытянувшись в нем, я постараюсь понять, почему все мои мысли устремлены к Тебе, почему все, о чем я пишу направлено к Тебе. Откуда эта страстная любовь в моей душе, и почему моя песнь только о Тебе? Я знаю, что отвергнут, и скоро я буду гнить в могиле.

Однако же, невеста в "Песнь песней" спросила бы, был ли у нее повод любить Тебя, если бы не существовало любви? Любовь не требует оправданий, она просто есть; любовь - ничто для умных людей; тысячи испытаний не помешают ей продолжать любить; в пекле огня и в глубине вод она еще поцелует руку, мучающую ее. Она не находит ответа на свои вопросы, но продолжает верить и ждет. И однажды солнце осветит мглу. Тогда все станет явным.

И хотя прощение многих грехов воспламенило и без того горячую любовь Магдалины [17], она подарила Тебе свое мирро и слезы, прежде чем Ты произнес слово прощения. Если бы Ты не сказал этого, и ее грехи не были бы отпущены, она все равно из любви к Тебе сидела бы возле Тебя и плакала. Она любила Тебя до того, как Ты отдал Свою кровь; она любила Тебя до ее прощения. И я не спрашиваю тоже, есть ли смысл Тебя любить; так как надеюсь на спасение; но и в вечном несчастье я бы любил Тебя; я бы любил Тебя даже во всепоглощающем огне. Если бы Ты отказался спуститься с небес, Ты был бы моей далекой мечтой; Если бы Ты утаил от нас Твое слово, я бы любил Тебя, не услышав его. Если бы Ты испугался и перед Распятием обратился бы в бегство, и я остался бы неспасенным, я должен бы был все равно Тебя любить; если бы даже я открыл в Тебе грехи, я бы покрыл их своей любовью.

Теперь я хочу решиться произнести бессмысленные слова, чтобы видели все, как велика моя любовь. Я хочу прикоснуться к нетронутым еще струнам и прославить Тебя новой музыкой. Если бы пророки пророчествовали о ком-то другом, я бы отвернулся от них, но только не от Тебя. Если бы они привели тысячу доводов, я бы остался верен Тебе. Если бы я должен был узнать, что Ты обманщик, я бы со слезами молился за Тебя. Я бы мог тогда не следовать за Тобой в несправедных делах, но я не стал бы меньше Тебя любить. Из-за Саула Самуил провел свою жизнь в слезах и строгом посте. Моя любовь восторжествовала бы даже если бы я узнал, что Ты заблудился. Если бы не сатана, а Ты поднялся бы в злобе и взбунтовался бы против Неба, если бы Ты утратил красоту Твоего молчания и, подобно одному из архангелов, пал с высоты в безысходность, я бы все равно питал надежду на то,

что Отец простит Тебя, и однажды Ты снова вместе с ним пройдешь по золотым дорогам Неба.

Если бы Ты был только мифом, я бы покинул реальность, чтобы жить с тобой в мечте. Если бы кто-то мог доказать, что Ты не существуешь, Ты бы обрел жизнь через мою любовь. Моя любовь - безрассудна, беспочвенна, как и Твоя. Господи Иисусе, радуйся хоть немного, потому что ничего большего я не могу Тебе дать".

Когда я закончил это стихотворение, то заметил, что сатаны уже не стало. Он исчез. В тишине я почувствовал поцелуй Христа. Каждый, кого целуют, становится спокойным. Покой и радость вернулись.

Христианин без Христа

Пробыв почти три года в одиночном заключении я оказался близок к смерти. Часто я харкал кровью.

Полковник Дулгеру сказал: "Мы - не убийцы, как нацисты. Мы хотим, чтобы вы жили и страдали". Ко мне пригласили специального врача. Боясь инфекции, он поставил диагноз через глазок в двери моей камеры. Было решено поместить меня в тюремную больницу.

Из подземной камеры меня вынесли наверх. Во дворе Министерства внутренних дел я снова увидел луну и звезды. Потом из санитарной машины я мог видеть хорошо знакомые места Бухареста. Мы ехали по направлению к моему дому. Был момент, когда я подумал, что меня везут домой умирать. Но, когда мы были почти у моего дома, санитарная автомашина завернула за угол и начала взбираться в гору на окраине города. Я понял, что мы ехали в Вакарести. Вакарести был один из крупных замков Бухареста. В XIX столетии он превратился в тюрьму. Прекрасная церковь и часовенка использовались при коммунистах как пакгауз. Часть перегородок, разделявших кельи монахов, была снесена. Таким образом, были созданы большие помещения, в которых находилось большое число заключенных. Оставалось лишь немного келий, в которых заключенные были изолированы друг от друга.

Прежде чем охранники вынесли меня из машины, меня накрыли простыней с головой. Они схватили меня под руки и поволокли через двор, вверх по лестнице. Когда сняли простыню, я увидел, что нахожусь в узкой, голой камере. Я был один. И слышал, как офицер разговаривал с охранником.

"Никто не должен видеть этого человека, только врач может входить к нему. При этом должны присутствовать вы", - сказал он. То, что я все еще был жив, должно было оставаться тайной. Эти меры предосторожности заинтриговали охранника, маленького седовласого человека. Когда офицер ушел, он спросил меня, в чем я провинился. "Я - пастор и чадо Божие", - сказал я.

Он наклонился надо мной и прошептал: "Слава Богу, я один из воинов Иисуса". Он был тайным членом "Армии Спасителя", - движения пробуждения, отделившегося от православной церкви.

Поскольку оно одинаково преследовалось как коммунистами, так и духовенством, то это движение весьма быстро распространилось от города к городу и насчитывало уже около ста тысяч сторонников.

Охранника звали Тахичи. Мы шептались друг другу стихи из Библии. Он помогал мне, как мог. Это был риск. Не одного уже охранника приговорили к двенадцати годам тюрьмы за то, что кто-то из заключенных получил от них яблоко или сигарету, Я был слишком слаб, чтобы вставать, и часто лежал в своих нечистотах. Утром, короткое время я находился в ясном сознании. Я потом метался в бреду из стороны в сторону. Спать я мог немного. Через маленькое окно я снова мог видеть кусочек неба. Однажды меня разбудили странные звуки - впервые за долгое время я услышал пение птиц.

Я рассказывал Тахичи: "Мартин Лютер, во время своих прогулок по лесу, имел обыкновение снимать шляпу перед птицами и говорить: "Доброе утро, господа богословы! Вы проснулись и поете, а у меня, старого дурака, познание куда ничтожнее вашего, я беспокоюсь обо всем без исключения, вместо того, чтобы просто довериться заботам моего небесного Отца".

Через окно я мог видеть заросший травой угол и обычный пустой двор. Иногда через двор спешили одетые в белое врачи, боящиеся даже поднять глаза. Их долгом было практиковать медицину "в духе классовой борьбы".

Я мог слышать, как разговаривали те мужчины, которые исполняли трудовую повинность. Еще недавно я порой испытывал тоску по звуку человеческого голоса, теперь же он раздражал меня. Эти люди беседовали о пустяках, их мысли казались поверхностными и лживыми.

Однажды утром я услышал голос старого мужчины из соседней камеры: "Я Леонте Филипеску. Кто вы?" Я узнал фамилию одного из первых социалистов Румынии. Филипеску был высокоодаренным человеком, которого партия использовала, а теперь выкинула. "Боритесь против своей болезни, воскликнул он. - Не сдавайтесь! Через две, три недели мы все будем свободными".

"Откуда вы это знаете?" - спросил я. "Американцы теснят коммунистов в Корее, через две недели они будут здесь".

Я ответил: "Но, даже если они не встретят никакого сопротивления, им надо более четырнадцати дней, чтобы добраться до Румынии".

"Чушь! Расстояние - ничто для них. Их реактивные истребители летают со сверхзвуковой скоростью".

Я не возражал. Заключение живут своими иллюзиями. Когда ежедневный овсяный кисель становился чуть гуще, это означало, что американский ультиматум, наверное, запугал русских, и с нами будут обращаться лучше. Если охранник кого-то ударил, это было знаком, что коммунисты хотели еще как следует использовать последние дни своей власти. Мужчины вернулись в комнату в восторге: "Король Михаил сказал по радио, что в течение месяца он опять будет на престоле".

Никто не мог вынести мысли, что ему придется десять или двадцать лет провести в тюрьме. Филипеску все еще надеялся на скорое освобождение, а спустя месяц был помещен в другую тюремную больницу, где мы встретились с ним. Его место занял вождь фашистской Железной Гвардии Раду Мироновичи. Этот человек притворялся, что был пламенным христианином, но при каждом удобном случае изрыгал яд и желчь против евреев.

Я попросил Тахичи поддержать меня, чтобы я мог сесть в кровати. "Когда вы принимаете в вашей православной церкви святое Причастие, - крикнул я тогда Мироновичи, - действительно ли хлеб и вино превращаются в Тело и Кровь Иисуса Христа?" Он подтвердил. "Иисус был евреем, - сказал я. - Итак, если вино превращается в Его Кровь, то она становится тогда еврейской кровью, не так ли?" "Наверное", - сказал он без всякой охоты. Я продолжал: "Иисус говорит, что тот, кто ест Его Тело и пьет Его Кровь, будет иметь жизнь вечную. Итак, чтобы получить вечную жизнь, вы должны к вашей арийской крови добавить несколько капель еврейской. Как же вы тогда способны ненавидеть евреев?"

У него не было ответа. Я попросил его все же признать, что для последователя Христа ненависть к евреям является абсурдом. Также абсурдом был антисемитизм коммунистов, веривших в учение еврея Карла Маркса. Вскоре после этого Мироновичи поместили в другую камеру - далеко от меня. Однако он сказал Тахичи: "Все, что было беспорядочного в моей жизни, теперь устранено. Я был слишком горд, чтобы следовать за Христом".

В камере смерти

Однажды, когда у меня поднялась температура, и я чувствовал себя очень плохо, пришли охранники, чтобы забрать меня. Они накрыли мою голову простыней и повели вдоль по коридору. Когда покрывало сняли, я увидел, что нахожусь в большом помещении с голыми стенами и решетками на окнах. За столом напротив меня сидели четыре мужчины и одна женщина. Это были мои судьи. Пришла пора меня осудить.

"Вам назначен защитник, - сказал председатель суда. - Он не воспользовался вашим правом вызвать свидетелей. Садитесь".

Охранники крепко держали меня на стуле. Мне сделали укрепляющий укол. Когда

приступы тошноты и головокружения спали, я увидел, что поднялся прокурор. Он сказал, что я был представителем такой же преступной идеологии в Румынии, как Иосиф Броз Тито в Югославии. Я брежу, подумал я. Во время моего ареста маршал Тито был образцом коммуниста. То, что за это время он был разоблачен как ренегат и предатель, мне было неизвестно. Прокурор продолжал бесконечный список моих преступлений: шпионская деятельность через скандинавскую церковную миссию и Всемирный совет церквей; распространение империалистической идеологии под прикрытием работы в церкви, проникновение в партию с собственной целью разрушить партию и т.д. Голос продолжал говорить, а я почувствовал, что съезжаю со стула. Заседание было прервано. Мне сделали еще один укол.

Мой защитник пытался помочь мне, как мог, но это ничего не дало. "Хотите еще что-то сказать?" - спросил председатель. Его голос, как мне казалось, доносился издалека. Перед глазами было темно. Мой отуманенный ум был способен лишь на одну единственную мысль.

"Я люблю Бога", - сказал я.

Приговор гласил: двадцать лет принудительных работ. Судебное заседание продолжалось десять минут. Прежде, чем меня отнесли назад, мне снова намотали на голову простыню.

Через два дня Тахичи прошептал мне: "Вы нас покидаете. Господь с вами!" Вошел другой охранник. Они понесли меня к главному входу. Я увидел раскинувшийся внизу Бухарест. Мне не удастся его увидеть в течение последующих шести лет. Мои щиколотки, согласно правилам, были закованы в цепи весом в пятьдесят фунтов. Меня поместили в грузовик, в котором уже находилось около сорока мужчин и несколько женщин. На всех, даже на больных, были цепи. Рядом со мной начала плакать одна девушка, и я старался утешить ее.

"Вы меня уже больше не знаете", - всхлипывала она. Я посмотрел на нее ближе, но ее лицо мне было незнакомо.

"Я была в вашей общине". Она рассказала, что после моего ареста нужда вынудила ее совершить кражу, и ее приговорили к трем годам принудительных работ. "Я так стыжусь", - сказала она. Голос ее звучал глухо, она едва сдерживала слезы: "Я причастна к вашей Церкви, Вы теперь - мученик, а я воровка".

"Я тоже - грешник, спасенный милостью Божьей, - сказал я. - Верь в Христа, и твои грехи будут прощены тебе".

Она поцеловала мне руку и обещала после своего освобождения, дать знать моей семье, что видела меня.

На сортировочном вокзале нас погрузили в специальный вагон для заключенных. Окна были крошечными и мутными. В то время, как мы медленно с грохотом въезжали с равнины в отроги Карпат, мы установили, что все больны туберкулезом. Так мы пришли к выводу, что нас посылали в Тыргул-Окна, где находился один из санаториев для страдающих туберкулезом узников. В течение четырехсот лет там работали арестанты на соляных рудниках. Тридцать лет тому назад известный врач по имени Ромаскану построил там санаторий и передал его государству. Прежде, чем коммунисты пришли к власти, он пользовался отличной репутацией.

После путешествия длиной в триста километров, длившегося днем и ночью, мы прибыли на вокзал в Тыргул-Окна. Город насчитывал 30 000 жителей. Меня погрузили на ручную тележку с шестью мужчинами, которые не могли идти. Остальные тащили нас к большому зданию на окраине города. А охранники наблюдали за всеми нами. Когда меня внесли вовнутрь, я увидел знакомое лицо. Это был доктор Алдеа, когда-то он был фашистом, затем обратился и стал другом нашей семьи. После того, как меня положили в постель в карантинном отделении, он обследовал меня.

"Я сам - заключенный, - сказал он мне, - но меня оставили работать врачом. Здесь нет медицинских сестер и только один врач. Поэтому мы должны помогать друг другу, насколько можем".

Он измерил температуру и осмотрел меня. "Я не хотел бы тебя обманывать, - сказал он, - мы не можем ничего сделать для тебя. Тебе осталось жить, наверное, около двух недель. Постарайтесь есть, что тебе дают, хотя это никуда не годится. Иначе..." Он тронул меня за плечо и пошел дальше.

В течение двух следующих дней умерло двое мужчин, которых привезли сюда с вокзала в тележке. Я услышал, как один из них хрипло спорил с доктором Алдеа: "Я клянусь вам, что чувствую себя лучше, доктор. Температура снижается, я знаю это, пожалуйста послушайте же вы! Сегодня я один раз харкал кровью, не переводите меня в комнату номер 4".

Я спросил человека, который прежде принес мне жидкий овсяный кисель, что происходит в комнате номер 4. Он осторожно поставил тарелку и ответил: "туда поступают тогда, когда установлено, что больше нет надежды".

Я попытался есть кисель, но не получалось, кто-то накормил меня из ложки. Но я не мог удержать еду в себе. Доктор Алдеа сказал:

"Мне жаль, но настаивают. Ты должен перейти в комнату номер 4".

Итак, я снова встретился со своими товарищами по несчастью: с теми, кто ехал со мной в тележке.

В коме

Собственно говоря, я должен быть уже мертвым. Когда заключенные проходили мимо моей постели, они крестились. Я почти все время находился в коме. Если я стонал, то другие больные переворачивали меня на бок или давали попить.

Доктор Алдеа почти ничем не мог помочь. "Если бы у нас были современные лекарства, - сказал он. - Стрептомицин, новое американское изобретение было чудом, исцеляющим туберкулез. Но партия утверждает, что все это только западная пропаганда".

Четверо мужчин, которых поместили в палату вместе со мной, умерли в течение следующих четырнадцати дней. Временами я и сам не был уверен, жив я или уже мертв. Ночью я засыпал всегда лишь на короткое время, чтобы быть разбуженным от сильных приступов боли. Меня поворачивали в среднем по сорок раз на бок, чтобы смягчить боли. Гной вытекал из дюжины открытых мест. Моя грудь распухла от гноя. То же самое было с позвоночником. Я постоянно харкал кровью.

Моя душа еще была связана с телом тонкой нитью, и я уже собирался покинуть видимый мир. Я спрашивал своего Ангела Хранителя: "Какой же ты Защитник, если не можешь даже защитить меня от этого страдания. Во вспышке слепящего света, длившейся, казалось, всего тысячную доли секунды, я увидел существо с несколькими руками, как у Кришны [18], и услышал его голос:

"Я не могу сделать для тебя всего, что я собственно должен, я - всего лишь Обращенный".

Услышав это, я не мог вспомнить ни о Библии, ни о какой-либо истине веры. Дух отказался в ту минуту служить мне, и я не мог дать объективной оценки своему видению. Только в памяти, словно в тумане всплывало слышанное когда-то. Право славные мистики описывали особые случаи, когда падшие ангелы возвращались на службу богу. Однако это обращение не может полностью изменить сути того, кто был очень злым, даже если он принес глубокое покаяние. Как бы то ни было, это видение оказало мне решающую помощь. Оно дало мне возможность постичь смысл страданий, которые я должен был перенести. Я пережил первый кризис. Сочувствие в глазах доктора Алдеа постепенно превращалось в удивление, потому что я все еще оставался жив. Поскольку я не получал никаких лекарств, по утрам температура начала на час снижаться. Мои мысли стали яснее. Я начал смотреть и стал замечать свое окружение.

Никто не умер атеистом

В нашей палате находились двенадцать поставленных близко друг к другу кроватей и несколько маленьких столов. Окна были раскрыты, и я мог видеть мужчин, работающих в огороде. За ними находились высокие кирпичные стены с колючей проволокой. Было очень

тихо. Здесь не было сигнальных звонков, рычащих тюремных охранников, да и, вообще, не было охранников. Они боялись заразиться и держались от пациентов как можно дальше. Тыргул-Окна управлялся "на расстоянии" и, из-за равнодушия и небрежности, был одной из наименее строгих тюрем. На нас все еще была та одежда, в которой нас арестовали. На протяжении всех лет мы без конца латали ее с помощью лоскутов, которые нам удавалось находить.

Заключенные приносили еду к двери политического отделения. Оттуда ее разносили по отдельным камерам. Кто мог ходить, сам забирал свою порцию, остальные получали ее в постели. Давали жидкие щи и немного белой фасоли или водянистую похлебку из пшена или кукурузы. Некоторые заключенные, имевшие силы, могли перекапывать участок земли во дворе, остальные лежали на своих нарах и убивали время болтовней. Но в комнате номер 4 царила другая атмосфера. Поскольку до сих пор еще никто не покинул ее живым, она была названа "камерой смерти".

В ней я пролежал тридцать месяцев. За это время там умирали косяками, и их место занимали другие. Но вот что важно и достойно внимания: никто из них не умер атеистом. Фашисты, коммунисты, святые, убийцы, воры, священники, богатые помещики и самые бедные из всех нищих были битком набиты в маленькой камере. Но ни один из них не умер, ни примирившись прежде с Богом, затем с людьми.

Многие поступали в комнату номер 4 будучи убежденными в том, что Бога нет. Но я видел, как неверие их рушилось перед лицом смерти. Когда кошка бежит через мост, это еще не означает, что мост обладает выносливостью. Но если по нему может проехать поезд, значит мост исполнил свое назначение. Если человек называет себя атеистом, когда сидит со своей женой за чашкой кофе с пирожными, это еще не означает, что он и в самом деле атеист. Истинное убеждение должно выдержать серьезное испытание. Атеизм же не в состоянии этого сделать.

Убийца евреев обращается в веру

Старый Филипеску любил Шекспира и часто пересказывал некоторые из его произведений. Рассказывал он нам также о своей жизни. Уже пятьдесят лет как он стал революционером. Один из его арестов произошел в 1907 году, его обвиняли в политической агитации. В 1948 году его забрала коммунистическая тайная полиция. "Я пострадал за социализм еще до того, как вы родились", сказал он людям, арестовавшим его. "Если это так, - ответили они, - вы бы примкнули к коммунистам и должны были с нами разделить плоды победы". "Я сказал этим молокососам: социализм - это живой организм с двумя руками: социал-демократией и революционным коммунизмом. Если отрезать одну из них, то социализм будет изуродован. Они только посмеялись над этим".

Филипеску был приговорен к двадцати годам. Охранник сказал ему: "Вы умрете в тюрьме". На это он возразил: "Меня ведь не приговорили к смерти, почему вы тогда хотите меня убить?"

Он рассказывал, что свою карьеру начал сапожником. Занимаясь самоподготовкой, он получил широкое общее образование. Филипеску разделял учение Карла Маркса о религии: церковь была заодно с угнетателями. Богатые поддерживали духовенство потому, что священники внушали бедным, что они получают свою плату только на небесах.

Между тем, никто не знает глубин своего собственного сердца. Многие считали себя христианами, не будучи в действительности таковыми; некоторые же думали, что были атеистами и вовсе не являлись ими. Филипеску отрицал существование Бога. Но то, что он отрицал, в действительности и не имело отношения к вечному бытию, к реальности любви и справедливости, а было лишь его собственными примитивными представлениями. Я сказал ему об этом.

"Я верю в Иисуса Христа и люблю Его как величайшего из всех людей, сказал он. - Но я не могу представить Его Богом".

Состояние его здоровья постоянно ухудшалось. В течение следующих двух недель у него было много горловых кровотечений. Затем наступил конец. Я слышал последние слова:

"Я люблю Иисуса". На той же недели умерли многие, и его бросили голым в общую могилу, выкопанную заключенными.

Генерал Тобеску, бывший начальник жандармерии, подал голос из другого угла, когда услышал об этом: "Это - судьба, которую уготовили сами себе западные социалисты, когда они стали заодно с коммунистами". Мой сосед, аббат Тисманского монастыря Иску, перекрестился. "Все-таки мы должны быть благодарны, что он в конце обрел Бога", - сказал он. Вахмистр Букур на другом конце палаты был с этим не согласен: "Это - не верно. Он же нам сказал, что не мог представить себе Христа Богом".

Я сказал: "Филипеску узнает теперь в другом мире правду, потому что он любил Христа, Который никого не отталкивает. Разбойник, обратившийся на Голгофе, тоже говорил об Иисусе, как о человеке, и Иисус обещал ему рай. Я верю в Божественность Иисуса, но я также верю, что он любит и тех, кто этого не понимает".

Букур не любил никого, он был просто влюблен в свое собственное представление о государстве. Сам он играл в нем роль вице-короля какой-то деревни, где до своего ареста вершил суд по своему усмотрению. Особенно любил он рассказывать кому-нибудь, как будучи жандармом, бил воров и попрошаек и даже своих собственных мужиков, если они отваживались возражать. Особой специальностью его было битье евреев. "После этого у них даже не оставалось рубцов, - рассказывал он с гордостью, - для этого нужно было только перед этим положить им на спину мешок с рыхлым песком. Только боль такая же скверная, но они не могли жаловаться. Нет следов!"

Букур не мог понять, почему его сняли при новом режиме. Когда однажды вечером доктор Алдеа осматривал его, он вспылил: "Почему вы собственно держите меня здесь? Я же не так болен! Не так, как все остальные здесь".

Алдеа посмотрел на термометр и покачал головой. "Нет, - сказал он, - вы уже давно чувствуете себя хуже других. Вы должны прекратить дискутировать и подумать о своей душе".

Букур рассвирепел: "Кто вы такой, чтобы так думать?" - закричал он врачу вслед.

"Я предлагаю, что в Алдеа есть еврейская кровь", - сказал он потом. Это было самое худшее, что Букур мог подумать о человеке.

Букур охотно спорил с Моисеску, маленьким евреем среднего возраста, кровать которого стояла рядом с ним.

"Железная Гвардия уже знала, как поступать с такими людьми как вы", сказал он.

"Знаете ли, - спросил нежно Моисеску, - что я был арестован как член Железной Гвардии". По палате прокатилась волна смеха.

"Это верно, - настаивал он. - После падения Железной Гвардии, страшным преступлением считалось иметь зеленую рубашку, так как она была частью униформы. Мы - евреи потеряли так много во время их государства, что я подумал, вот хороший случай: я скуплю все зеленые рубашки, которые были залежавшимся товаром, перекрашу их в синий цвет и снова продам. Когда полиция делала у меня обыск, мой дом был битком набит зелеными рубашками со всего Бухареста. К моим объяснениям они отнеслись с недоверием и изблещили меня как одного из членов Железной Гвардии. Таким образом, еврея посадили в тюрьму как приятеля нацистов".

Хотя Букур громко объяснял, что был убежденным христианином, его жизнь была сплошным разладом с Богом. Он ходил в церковь, но не находил там помощи. Священники в его церкви были не провозвестниками, а церемониемейстерами. Он не мог понять, почему должен так много страдать, а теперь, будучи при смерти, все еще не понимал, что означает истинная вера.

Я сказал ему: "Сейчас вы думаете, что ваше положение безнадежно. Однако, ночь темнее всего бывает незадолго перед восходом солнца. Христиане верят, что наступит утро. Веру можно выразить с помощью слов "несмотря на то, что" и "все-таки". В книге Иова сказано: "Несмотря на то, что Господин побил меня, я все-таки хочу верить ему". Эти два слова в Библии часто расположены рядом. Они должны помочь нам не терять веру в самые

мрачные мгновения".

Букур обрадовался, что кто-то интересуется им; однако, покаяние в жестокости и злодеяниях он обнаружил только тогда, когда до него дошло, что доктор Алдеа был прав. Он быстро умирал. Со страхом в голосе он сказал: "Я умираю за отечество".

Часами он находился без сознания. Когда он пришел в себя, то сказал: "Я хотел бы исповедоваться! Перед всеми вами. Я так много нагрешил. Я не могу умереть с мыслями об этом". Его голос стал удивительно спокойным. Он сказал нам, что убивал евреев толпами, но не потому, что ему было приказано, а потому, что он знал, что никто его за это не покарает. Он убил несколько женщин и двенадцатилетнего мальчика. Он сделался кровожадным, как тигр.

Когда он закончил, он пробормотал: "Господин Вурмбрандт, будут теперь ненавидеть меня".

"Нет, - возразил я. - Вы сами ненавидите эту тварь, которую охотно убили в себе. Вы обратились и отреклись от нее. Теперь вы больше - не убийца. Человек может родиться заново".

На следующее утро пламя жизни еще мерцало в нем, но очень слабо. "Вчера я еще не все сказал, - объяснил он. - Я испугался".

Он расстреливал детей на руках их матерей. Когда кончались боеприпасы, они забивал их до смерти прикладом винтовки. Его ужасающая история, казалось, будет бесконечной, но, наконец, он преодолел ее и впал в сон. Его дыхание было хрипящими прерывистым. Грудь поднималась и опускалась, будто ему не хватало воздуха. Мы все притихли. Его руки еще цеплялись застеганное одеяло, пока, наконец, не схватили маленький крест на шее. Мучительный крик вырвался из его горла, потом он перестал дышать.

Кто-то сообщил заключенным в коридоре о случившемся. Вошли двое мужчин, чтобы забрать труп Букура. На его лицо упали из окна лучи утреннего солнца. Резкие складки вокруг рта расправились. Черты его мертвого лица выражали глубокий мир, которого он никогда не знал в своей жизни.

Сахар, которому довелось путешествовать

Заключенные из других камер часто приходили в комнату номер 4. Оставались на ночь, помогали умирающим и старались утешить нас.

Один из этих друзей принес что-то на Пасху, завернутое в бумагу: это предназначалось для Валерия Гафенсу, бывшего члена Железной Гвардии. Оба мужчины были родом из одного города. "Осторожно, - сказал он, - это контрабанда".

Гафенсу снял бумагу, там оказалось два куска белого сверкающего вещества: сахар! Мы все не видели сахара в течение многих лет, и наши изголодавшиеся организмы испытывали в нем мучительную нужду. Все взгляды устремились на Гафенсу и на драгоценный сахар в его руке. Медленно он завернул его снова.

"Пока я не буду его есть, - сказал он, - может быть сегодня кому-то станет хуже, чем мне. Но тем не менее, большое спасибо".

Осторожно он положил подарок у своей постели. Там он и остался.

Через несколько дней у меня поднялась температура. Я был очень слаб. Сахар передавали от кровати к кровати, пока он не добрался до меня.

"Я дарю его вам", - сказал Гафенсу. Я поблагодарил, но оставил все же сахар нетронутым на тот случай, если на следующий день кому-то он понадобится еще больше. Когда кризис миновал, я передал его Сотерису, старшему из двух греческих коммунистов. Его положение было очень серьезным.

В течение двух лет сахар путешествовал по комнате номер 4 от мужчины к мужчине (у меня он был еще дважды), и каждый раз страдающий все же находил в себе силы не прикасаться к нему.

Сотерис и Глафкос были коммунистами, участвовавшими в партизанской войне в Греции. В конце войны они убежали в Румынию. Как и многие их соучастники, они были арестованы. Их обвинили в том, что они плохо воевали. Однако и поныне им не надоело

хвастаться своими подвигами, которые они желали бы совершить прежде, чем их сшиб шквал войны. Они грабили известные монастыри на горе Афон. Все, что они вздумали взять с собой, они поспешно собирали, а все, что хотели оставить, разбивали вдребезги. Женщинам было запрещено посещать Афон, и многие из монахов давно не видели женщин. "Мы взяли с собой группу девушек-партизанок, - рассказывал Сотерис. - Вы бы только видели, как удирали эти старые холостяки".

Пока Сотерис надеялся остаться в живых и мог еще шутить, он гордился своими атеистическими взглядами. Но как только он стал близок к смерти, он возопил к Богу о помощи. Только монотонный голос священника, повторявший слова об обещанном Богом прощении, смог успокоить его. Но и тогда он проявил силу духа, отказавшись от обоих кусочков сахара.

Заключенный из другой камеры, часто приходивший к нам, чтобы помочь, приготовил его тело для погребения. Этого человека все уважительно называли "господин профессор". Его фамилия была Попп. Редко можно было видеть сгорбленную фигуру профессора без сопровождающего. С ним обязательно был кто-то, кому он преподавал историю, французский или какой-либо другой предмет.

"Как вы обходитесь без письменных принадлежностей?" - спросил я однажды. "Мы натираем стол куском мыла и пишем слова ногтем", - объяснил он. Пока я восхищался его выдержкой, в его голубых невинных глазах вспыхивал огонек: "Раньше я был убежден, что должен учить, чтобы зарабатывать деньги. В тюрьме я приобрел другой опыт: учу, потому что люблю своих учеников".

"Значит, у вас есть внутреннее призвание, как это называют священники". "Сейчас, - ответил он, - здесь обнаруживается то, что скрыто в каждом".

Когда я спросил его, христианин ли он, мне показалось, что он огорчился. "Господин священник, я слишком часто бывал разочарован. В тюрьме Окнеле-Марии, в которой я был в последний раз, надо было переделать церковь в помещение для лагеря. Искали кого-нибудь, кто бы сорвал крест с купола. Но никто и не думал этого делать. И, наконец, тот, кто заявил, что готов это сделать, оказался священником..."

Я сказал ему, что не каждый ординарный пастор имеет сердце священника. Не все, называющие себя учениками Иисуса, являются таковыми в истинном смысле слова. "Человек, посещающий парикмахера, чтобы побриться, или тот, кто заказывает костюм у портного, являются не учениками, а клиентами. Те люди, которые приходят к Спасителю только для того, чтобы спастись, являются его клиентами, а не учениками. Ученик - это тот, кто говорит Иисусу: "Я жажду делать то же, что и Ты: ходить от места к месту и освобождать людей от страха, а для этого нести им радость, правду и вечную жизнь".

Попп засмеялся: "А что будет с теми, кто только в одиннадцатом часу станет учеником? Я часто удивлялся тому, что очень многие убежденные атеисты становились верующими в конце своей жизни".

Я сказал: "Дух человеческий проявляет себя не одним и тем же образом. Может случиться, что гений вдруг начнет говорить вздор или поссорится со своей женой. Однако, его нельзя за это осуждать. Только тогда, когда человек находится на вершине своих достижений, можно узнать, от чего он сумел духовно отказаться, да и то лишь тогда, когда речь пойдет о том, чтобы найти выход из кризиса. Когда же дух должен перешагнуть порог смерти, в нем почти всегда рушится атеистический фасад".

"А что вы скажете о том, что такой человек как вахмистр Букур ощутил потребность публично признаться в своих преступлениях?"

Я возразил: "Раньше я жил недалеко от железной дороги. Днем я никогда не слышал поездов, так как шум города заглушал все. Но ночью я совершенно отчетливо слышал их гудки. Так и шум жизни может нас сделать глухими к тихому голосу совести. Но когда приближается смерть, в тишине тюремной камеры, уже ничто не отвлекает. И многие из тех, кто никогда раньше не слышали голоса своей совести, вдруг начинают слышать его совершенно отчетливо".

Аббат рассказал: "В Айюде, где я сидел в последний раз в тюрьме, в одиночной камере находился убийца, который не мог не вызвать к себе сочувствия. Ночью он всегда бегал вокруг камеры и кричал: "Кто в камере рядом? Почему он не прекращает стучать в стену?"

"Ну и?" - спросил Попп.

"Камера рядом была пуста!"

"Я знаю кое-что получше, - говорил с волнением Моисеску, - там, где я был в последний раз, с нами был один из Железной Гвардии, убивший раввина. Человек твердо верил, что раввин скакал на его плечах и шпорами впивался в тело"

.... это вы сделали мне

У меня уже не было больше сил самому мыться, и профессор Попп взял на себя эту работу. Я спросил, был ли в его отделении душ.

"Ну да, - сказал он, - в Румынской народной республике у нас было самое современное оборудование. Единственный его недостаток заключался в том, что оно не функционировало. Уже много лет души стоят сухими". Он поднялся и продолжал: "Слышали ли Вы о том, как коммунист и капиталист встретились в аду? Они увидели перед собой двое ворот. На одних стояло: "Капиталистический ад", на других воротах висела надпись: "Коммунистический ад". Несмотря на то, что мужчины были классовыми врагами, они начали шушукаться, обсуждая, что выгоднее. Тогда коммунист сказал: "Товарищ, пойдемте лучше в коммунистическое отделение. Если там есть уголь, то наверняка нет спичек. Если у них есть спички, то нет угля. И даже в том случае, если есть и уголь и спички, можно уверенно идти, так как печь сломана!"

Профессор продолжал меня мыть, в то время, когда остальные хохотали. Крестьянин Аристар сказал: "Первыми коммунистами были Адам и Ева".

"Почему?" - поинтересовался Попп.

"Ну, у них не было одежды, дома, оба питались от одного яблока и думали при этом, что были в раю".

Истории, которые мы рассказывали друг другу, имели для нас большое значение. Мужчины лежали здесь весь день и думали только о своем несчастье. Каждый, кто мог помочь им забыть об их положении, совершал акт милосердия.

И я, несмотря на свою болезнь и на частые головокружения от голода, говорил часами. Рассказанная история могла так же, как корка хлеба, сохранить людям жизнь. Когда однажды Попп пытался уговорить меня поберечь свои силы, я ответил, что сегодня утром моих сил хватит еще на один анекдот.

"Талмуд [19] повествует нам об одном рабби [20] . Однажды он шел по улице, как вдруг услышал голос пророка Илии: "Хотя ты постишься и молишься, ты не заслужил такого почетного места на небе, как те двое мужчин, которые как раз идут по другой стороне улицы". Рабби побежал за незнакомцами и спросил: "Вы подаете много милостыней?" Оба рассмеялись: "Нет! Мысами нищие!" "Тогда, наверное, вы целый день молитесь?" "Нет, мы - необразованные люди, мы не знаем, как надо молиться". "Тогда скажите, что вы делаете?" "Мы шутим и смешим печальных людей".

Попп удивленно поднял глаза: "Хотите ли вы нам этим сказать, что те, кто смешит, получают на небе большие почести, чем те, кто постятся?"

"Так учит книга еврейской мудрости - талмуд. Из Библии можно узнать, что Бог Сам иногда смеется. Это сказано во втором псалме".

Попп помог мне одеться. "Здесь бы Он нашел немного повода для смеха, сказал он. - Но где же Бог, господин пастор? И почему Он нам не помогает?"

Я сказал: "Один пастор был однажды приглашен к умирающему. Там он увидел, как мать пыталась утешить свою плачущую дочь. Девочка спросила: "А где же защищающая десница Божья, о которой вы проповедуете, господин пастор?" В ответ он сказал: "Она находится на твоём плече, в виде руки твоей матери".

Христос встречается с нами в тюрьме разными способами. Во-первых, мы можем узнать Его во врачах. Их бьют, с ними подло обращаются, но они все равно продолжают

помогать нам. Некоторые из официальных врачей в Вакарести тайно проносили лекарства и получили за это по десять лет тюрьмы.

Далее Христос присутствует здесь в образе священников и пасторов, которые своим служением помогают другим облегчить груз. Равным образом и во всех христианах, которые экономят еду и одежду и помогают тем, кому приходится хуже, чем им самим.

Кроме того, мы имеем Его в образе тех, кто учит нас вере в Бога и тех, кто рассказывает веселые истории. Однако, Иисус близок вам не только в образе тех, кто нуждается в вашей помощи.

Иисус говорит нам, что на Суде Господь отделит праведников от злых по правую и левую сторону. И скажет тогда Иисусем, которые по Его правую сторону: "Придите и наследуйте Царство, уготовленное вам от создания мира: ибо Я алкал, и выдали Мне есть; жаждал Я, и вы напоили Меня; был странником и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне". Тогда праведники спросят: "Господи! Когда мы сделали все это?" И Христос скажет им в ответ: "Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Гафенсу находился уже долгие годы в тюрьме. Он попал туда сразу, как только стал взрослым.

Как и прочие члены румынской Железной Гвардии, созданной по образцу немецкой национал-социалистической партии, Гафенсу был вовлечен в нее за свои религиозные убеждения. Теперь у него не было возможности сделать что-либо, чтобы исправить свои прежние ошибки. Каждый день он показывал нам пример, откладывая часть своего скудного пайка, чтобы помочь самому слабому из нас. Он полностью отказался от своего антисемитизма. Однажды в комнату номер 4 пришли несколько его прежних соратников гвардейцев, чтобы навестить его. И вдруг Гафенсу выпалил: "Я бы одобрил, если бы нашей страной, наконец, стали править евреи". Его друзья были неприятно поражены и с ужасом уставились на него. "Конечно, - спокойно продолжал Гафенсу, премьер-министр, законодатель, служащие учреждений, государственные чиновники, одним словом - все только евреи! И я бы поставил лишь одно условие: это должны быть такие же люди, как старые еврейские вожди: Иосиф, Моисей, Даниил, Петр, Павел. Если же в правительстве будет больше таких евреев, как Анна Паукер, то с Румынией покончено".

Гафенсу было девятнадцать лет, когда он попал в тюрьму. Его юность прошла, и он не познал ни одой девушки. Когда другие говорили про секс, он спрашивал: "Ну и как это?"

"Мой отец был депортирован русскими в Бессарабию, - рассказал он мне однажды. - У нас никогда не хватало еды. В школе меня били, а потом спрятали в тюрьму за то, что я примкнул к Железной Гвардии. Я никогда не встречал ни одного хорошего, по-настоящему любящего человека. Поэтому я сказал себе: "Христос - это легенда. Сегодня не существует такого человека на свете, и я не верю, что Он когда-то был". Но когда я провел несколько месяцев в тюрьме, я должен был признать, что заблуждался. Я познакомился с больными людьми, которые могли отдать последнюю корку хлеба. Я сидел в камере вместе с одним епископом, это был человек такой доброты, что, казалось, достаточно прикоснуться к его одежде, чтобы исцелиться".

Уже год Гафенсу находился в комнате номер 4. В течение всего времени он не мог лежать на спине, это доставляло ему боль. Он должен был все время сидеть, опершись на подушку из соломы. С каждым днем он терял контроль над своим телом. Часто он делал под себя. Тогда он должен был ждать, иногда и в ночное время, чтобы кто-то пришел и убрал за ним.

Пациенты из других камер, чувствовавшие себя лучше, должны были стирать для тех из нас, кто уже не мог помочь себе сам. Они стирали рубашки, нижнее белье, наволочки и, каждый день, до двадцати простыней. Они делали это, хотя для того, чтобы достать воды, им приходилось колоть лед во дворе. Мои личные вещи всегда были пропитаны гноем и кровью. А когда я сделал попытку помешать одному из друзей постирать их, он рассердился.

Гафенсу никогда не жаловался. Он сидел в своей постели очень тихо, чуть кивал

головой одобрительно или говорил "спасибо". Когда стало известно, что ему недолго осталось жить, все старые и новые друзья со слезами на глазах собрались вокруг его постели. Его последними словами были: "Дух Божий ревниво жаждет нас для нас же самих".

Когда он умер, те, кто собрался у его постели, опустились на колени и молились. Я сказал: "Это слово Иисуса, что семя не может принести плода, пока не упадет в землю и не умрет. Как семя снова воскресает к жизни в виде цветка, так и человек, брренное тело которого умирает, воскресает в духовном теле. И сердце его, если было наполнено христианскими идеалами, обязательно принесет плод".

После того, как священник произнес молитву, Гафенсу завернули в его же простыню и понесли в морг. Ночью он был похоронен в общей могиле уголовниками, которых всегда использовали для этой работы.

Дьявольщина

С некоторого времени поползли тревожные слухи. Говорили о системе "переобучения" для заключенных. Она была применена в тюрьмах Соцеава и Питешти. Оно проводилось обычно не с помощью книг, а ударов. "Преподавателями" были члены Железной Гвардии, объединенные в "организацию для заключенных с коммунистическими убеждениями" (ЗКУ). Мы слышали о предводителях этой группы, таких как Туркану, Левицкий и Формагью. По всей видимости, они вели себя как дикари.

Мы боялись, что эти методы также будут введены и у нас.

Настроение в тюрьме все же значительно упало, после короткого визита "руководителя по переобучению" Формагью из Питешти. Ему было дано указание внедрить у нас эту систему. До настоящего времени нас хотя и мучили большую часть дня, но мы знали, что раньше или позже охранники пойдут есть или спать. Теперь среди нас были "заключенные с коммунистическими убеждениями". Они имели власть бить и мучить тех, кого хотели. Их орудием были резиновые плети. Власть отбирала среди заключенных самых скверных и жестоких. От них нельзя было убежать. На каждые пятьдесят узников приходилась группа из десяти или двадцати ЗКУ, число которых постоянно росло. Кто заявлял о своей готовности стать коммунистом, должен был доказать свое "обращение", применяя те же методы, которые были применены к нему.

Грубые акты насилия чередовались с сеансами более утонченной жестокости. Они проводились под врачебным контролем, чтобы констатировать, что "данный заключенный" жив или умер. Врачи сами часто были из ЗКУ. Я знал, например, одного такого врача по фамилии Турку. После того, как он обследовал своего союзника, пережившего пытки, он назначил перерыв, сделал ему укол, чтобы ослабить способность к сопротивлению, а потом указал своим соратникам по переобучению, когда они снова могут начать пытать. Турку решал также, когда человек доходил до своего предела и мог быть возвращен в камеру доследующего дня.

Тюрьма была похожа на сумасшедший дом. Пациентов с туберкулезом раздевали, клали на каменный пол и обливали из ведер холодной водой. Перед людьми, которых заставляли целыми днями голодать, высыпали прямо на землю корм для свиней. Руки им связывали за спиной и заставляли их лакать. Никто из нас не мог избежать такого подлого унижения. Во многих тюрьмах переобучающие заставляли людей глотать испражнения и пить мочу. Иные плакали и умоляли, чтобы им дали по крайней мере собственные испражнения. Иные теряли разум и начинали кричать, чтобы дали еще. Заключенных также вынуждали публично демонстрировать половые извращения. Я считал, что подобное осквернение души и тела невозможно ни в каком случае.

С теми, кто твердо держался своей веры, обращались хуже всего. Часто верующих держали в течение четырех дней привязанными на кресте. Этот крест ежедневно клали на пол. А другие заключенные получали приказ испражняться на тело и лицо жертвы. После этого крест снова поднимался.

В комнату номер 4 был помещен католический священник. Он рассказал, как в тюрьме Питешти в воскресенье его опустил в яму уборной. Ему приказали читать мессу среди

экскрементов, а в заключение раздать людям причастие.

"И вы послушались?" - спросил я.

Он закрыл лицо руками, заплакал. "Я больше страдал, чем Христос", сказал он.

Система переобучения - импортированная из России - приносила невероятные успехи. Мужчины выбалтывали тайны, которые они скрывали во время допросов, длившихся месяцами. Они выдавали своих друзей, своих жен, своих родителей. Вслед за этим начиналась волна новых арестов.

Любовь за ненависть

За это время в Тыргул-Окна была доставлена группа каторжных рабочих со свинцового рудника. Их поместили в особую камеру. А после того, как стало известно, что некоторые из вновь прибывших были священниками, навещавшие их исповедовались у священников и тем самым завоевали их доверие. Мужчины со свинцового рудника открыто говорили о тайной духовной и политической деятельности. Вслед за этим их переселили в большую камеру с целью переобучения, и они узнали, что разговаривали со шпиками.

Одного из них избили до крови и поместили в комнату номер 4. Он рассказал, что ответственный "перевоспитатель" был хорошо сложенным молодым человеком. Он все время смеялся и шутил. "О! это причинило вам боль? говорил он. - Тогда сейчас попробуем что-нибудь другое. А как теперь? Понравилось?"

"Попадись этот парень мне однажды в руки, - сказал избитый. - Я сдеру с него шкуру заживо!"

"Вот это правильно, - прохрипел старый крестьянин Бадарис, - а потом надо сверху посыпать перцем и солью, это подействует".

Ежедневный молитвой Бадариса было: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Разбей коммунистов, о Господи! Пусть они сдохнут, пусть они страдают, собаки!"

"Зачем так говорить? - спросил я его. - Это не то, что ожидает от нас Христос".

Он поднял свои кулаки, молясь к небу: "Я сказал это, потому что Бог не пропустит в рай тех, кто не проклянет этих ублюдков".

Многие, так же как Бадарис жили в надежде на тот день, когда они смогут пытать своих палачей. Они верили в ад, верили в то, что должно быть такое место, где мучаются коммунисты.

"Мы не должны давать в себе место для ненависти, - сказал я. - Такие люди, как Борис [21], сломались под ужасным давлением".

Теперь в комнате номер 4 плохо отзывались о Борисе. Чтобы доказать свое обращение в коммунизм, он избил доктора Алдеа, который ясно продемонстрировал свое презрение Турку и другим врачам ЗКУ. Это сделало Бориса самым ненавистным человеком во всей тюрьме. На спине и на плечах Алдеа были болезненные нарывы, и Борис бил его по спине. Заключение пожертвовали бы своей жизнью за Алдеа, как и он ради них жертвовал своей. После побоев врачу предоставили место в палате номер 4. Вскоре туда пришел один человек и сказал, что доктора Алдеа зовет один очень тяжелый больной заключенный.

"Доктор слишком болен, чтобы пошевелиться", - сказал аббат.

Алдеа спросил: "Кто это?"

"Борис", - ответил человек.

С сильной болью Алдеа выбрался из постели. Никто не сказал ни слова, когда он вышел из комнаты.

Крепче тюремных стен

Аббат Иску иногда рассказывал нам о том опыте, который он приобрел в колонии рабов по строительству канала между Дунаем и Черным морем. Люди там умирали тысячами от голода и жестокого обращения. Строительство канала велось в основном по настоянию русских, он помог бы им еще быстрее выкачивать из Румынии продукцию, чем это делалось до сих пор. Это был грандиозный проект, и его рассматривали исключительно как символ коммунистического прогресса. Когда некоторые инженеры высказали опасение, что река не сможет обеспечить канал и оросительную систему водой, они были расстреляны

как "экономические саботажники". Деньги из государственного бюджета Румынии были расточительно брошены на строительство канала, в котором было занято свыше 200.000 политических и уголовных заключенных с 1949 по 1953 годы.

Аббат находился в Поарта Альба, в одной из колоний для заключенных, расположенных вдоль линии строительства. Там в ветхих бараках за колючей проволокой жили 12.000 человек. Каждый из них должен был в течение дня вырыть ручными орудиями восемь кубических метров земли. Под побоями надсмотрщиков, втаскивали они груженные с верхом ручные тачки наверх по крутым склонам. Зимой температура опускалась до минус 25 градусов Цельсия. Вода доставлялась в бочках замороженной. Свирепствовали болезни. Многие заключенные прорывались в запретные зоны в надежде быть застреленными.

Самые жестокие уголовники назначались руководителями "бригад", состоявшие приблизительно из ста заключенных. За хорошую работу их награждали продовольствием или сигаретами. Христиан сгоняли в так называемые "бригады священников", где избивали каждого, кто хотя бы тайком крестился, как многие православные, привыкшие осенять себя крестным знамением, словно это было рефлексом. Не было ни выходных дней, ни Рождества, ни Пасхи.

И, тем не менее, рассказывал аббат, он был свидетелем благороднейшего поступка в Поарта-Альба. Молодого католика, отца Кристеа, ненавидел православный священник, занимавшийся стукачеством. Последний спросил его: "Почему вы так часто держите глаза закрытыми? Вы молитесь? Я настоятельно прошу вас сказать правду. Вы все еще верите в Бога?"

"Да" означало по меньшей мере удар кнутом. Отец Кристеа раздумывал некоторое мгновение. "Я знаю, Андрееску, что вы меня искушаете, как фарисеи искушали Иисуса, чтобы потом вы смогли донести на меня. Но Иисус сказал правду, и я хочу вам также ее сказать: "Да, я верю в Бога".

"О, и вы также верите в папу?" - продолжал Андрееску. Кристеа ответил: "Я также верю в папу".

Андрееску заспешил к политическому руководителю. Он как раз шел по противоположной стороне и приказал Кристеа выйти вперед. Отец Кристеа был худым и уже на исходе сил. Он дрожал в своей рваной одежде. Начальник был упитанным, закутан в пальто, а на голове у него была русская меховая шапка. "Я слышал, что вы верите в Бога?" - сказал он. Отец Кристеа открыл рот, чтобы ответить. В тот момент можно было понять, почему в Евангелии от Матфея в начале Нагорной проповеди сказано: "Иисус, отверзши уста Свои, говорил" это само по себе удивительно, потому что никто не говорит с закрытым ртом. Теперь Кристеа только открыл рот, чтобы начать говорить, но каждый понимал, что в этот момент из его рта выйдет драгоценная жемчужина. Христиане застыли в благоговении.

Кристеа сказал: "Когда я был посвящен в сан, мне было известно, что тысячи священников на протяжении всей истории христианства платили своей жизнью за веру. Когда я подходил к алтарю, я обещал Богу: "Я служу теперь в прекрасном облачении. Но даже, если меня бросят в тюрьму, я хочу всегда служить Тебе". Господин лейтенант, тюрьма не является аргументом против веры. Я верю в Бога".

Наступившая тишина нарушалась лишь шумом ветра. Казалось, что у лейтенанта не было слов. Наконец, он сказал: "А выверите в папу?" И был ответ: "Со времени Святого Петра всегда поставлялся папа, и он будет всегда, пока не вернется Иисус Сегодняшний папа не заключил мира с коммунизмом. Его последователи также не сделают этого. Да, я верю в папу".

Аббат закончил свою историю и сказал: "Мне крайне трудно было простить своего православного брата, который стал шпиком. Я не приверженец Рима, но в тот момент охотно бы закричал: "Виват, папа!"

"А что случилось с отцом Кристеа?" - спросил кто-то. Его на неделю заперли в карцер, где можно было только стоять, нельзя было спать. Его сильно били. Когда впоследствии он все равно не отрекся от веры, его убрали. Больше мы его уже не видели.

Бунт

Переобучение требовало каждый день новых жертв. Все очевиднее становилось, что мы все шли или навстречу "обращению" или смерти, если чего-то не произойдет. В комнату номер 4 просочился слух, что среди жертв партийных чисток, коммунистических заключенных - самых смелых среди нас зрело сопротивление. Охранники обращались с ними осторожнее, потому что те, кто сегодня сидел в тюрьме, вчера сами обладали могуществом. И можно было предположить, что завтра они снова вернут себе свое положение.

Христиане совещались, что делать. Должны ли они в случае призыва, принять участие или это было поводом "подставить другую щеку?" Некоторые были против насильственных мер.

Я сказал: "Иисус изображался обычно "кротким и милосердным", но Он был и борцом. Кнутом Он изгнал торговцев из храма, а своим последователям дал в качестве руководства Ветхий завет с его огненным пылом".

Так мы решили сотрудничать с мятежниками. Но лишь немного могло остаться в тайне. Среди нас находилось много стукачей. К тому же, нашему единству мешало недоверие между антисемитами и евреями, крестьянами и помещиками, православными и католиками.

В Тыргул-Окна были развлекательные программы. Одной из них был еженедельный футбол. Стадион находился совсем близко от тюрьмы. Празднование 1 мая сопровождалось новым жестоким потоком переобучения. До нас дошли слухи, что в этот праздник в пять часов дня на стадионе должна состояться игра, на которой будет присутствовать весь город. Это был шанс начать демонстрацию. Один из нас должен будет давать сигнал, разбивая окно.

Вскоре, после того как началась игра, где-то раздался тихий звон разбитого стекла. В тюрьме воцарился дикий хаос. Дребезжали окна, из них выбрасывались тарелки и ложки разбивались на куски стулья. Кто-то непрерывно кричал: "Помогите, помогите". Из верхних окон, откуда можно было обозреть стадион, мужчины кричали: "Нас здесь пытаются! Ваших отцов, братьев и сыновей убивают!"

Игра была приостановлена. Толпа людей двинулась к тюрьме и вскоре заполнила улицу у тюрьмы. Один из заключенных разрезал себе вены, охранники начали избивать заключенных дубинками. Вскоре толпа была разогнана войсками, махавшими прикладами винтовок. Не оставалось ничего другого, как снова навести порядок в тюрьме и подсчитать потери. Среди них находился Борис. Он пытался вытащить заключенного из под ног охранника, но был сбит дубинками и ранен. Доктор Алдеа снова должен был ухаживать за ним. Мы посылали ему приветы, ноне получали ответа. Потом узнали, что его перевели в другую тюрьму.

Известие о бунте быстро распространилось по всей стране. Ответных мер не последовало, только режим стал строже. А подозреваемых зачинщиков перевели в другую тюрьму. Многие из них умирали, лишённые медицинского обслуживания, которое они получали в Тыргул-Окна.

Рука об руку

Приступы кашля у аббата Иску с каждым днем становились все дольше. Его тело, изнуренное многолетним голоданием и лишениями, которым он был подвержен во время строительства канала, мучили страшные судороги. Мы лежали и видели, как он умирал. Иногда он не мог узнать друзей, приходивших ему помочь. Немногие часы, когда он был в сознании, он проводил в молитве, произносимой шепотом. У него всегда были слова утешения для других.

Остальные рабочие из лагеря на канале, оставшиеся в живых, поступили в Тыргул-Окна. Их ужасные истории напоминали Египетское рабство детей Израиля. Особенно горько было то, что угнетенные должны были хвалить своих угнетателей. Среди заключенных находился известный композитор. Он вынужден был писать хвалебные гимны о Сталине. Под эти гимны бригады маршировали на работу.

А когда один из заключенных был окончательно обессилен, врач заявил, что он мертв. "Чушь, - ответил всеми ненавидимый полковник Албон, комендант Поарта-Альбы, и пнул труп ногой. - Поднимите его на работу".

Моя кровать была расположена между кроватями Иску и Василеску. Последний был молодым человеком. Он, как и многие другие, оказался жертвой строительства канала, но имел свои особенности. Он был уголовником, и его сделали начальником "бригады священников". Он заставлял их работать до изнеможения. Однако, по какой-то причине полковник Албон не мог его терпеть. И обращался с ним настолько жестко, что тот был близок к смерти. Его мучил туберкулез, который весьма быстро прогрессировал.

Василеску не был злым по природе. У него было четырехугольное грубое лицо с темными кудрявыми волосами, которые падали ему на лоб и придавали ему вид молодого озадаченного бычка. Упрямый и почти безо всякого образования, он не был способен заниматься пристойной работой. Ему постоянно мешало в этом пристрастие к благам жизни. И, как у вероломного убийцы из "Макбета", у него была крайне тяжелая жизнь.

"Я, государь, на
целый свет в обиде,
Меня ожесточила так судьба,
Что я пойду на все, чтоб за несчастья
Отмстить другим!"

"Если однажды попадешь в один из таких лагерей, то сделаешь все, чтобы снова выбраться, - рассказывал он нам. - И Албон сказал мне, если я буду делать то, что он скажет, он позволит мне убежать". Ему хотелось иметь одежду и девочку, с которой можно было бы пойти на танцы. Партия поставила его перед выбором: мучить или самому быть замученным.

"Большинство из нас они поместили в особый лагерь, в котором готовили тайную полицию, - сказал он. - Одной из наших обязанностей было стрелять в кошек и собак, затем приканчивать штыком тех, кто остался в живых. "Я не могу этого делать", - сказал я. Мне ответили: "Тогда то же самое мы сделаем с тобой!"

Василеску испытывал угрызения совести. Он снова и снова рассказывал нам о злодеяниях, которые совершал в лагере, созданном для строительства канала. Мучил он также и аббата. Я старался утешить его, но он не находил покоя. Однажды ночью он проснулся, и с трудом переводя дыхание, сказал: "Господин, пастор, я умираю! Пожалуйста, помолитесь за меня!" Он задремал, затем снова проснулся и закричал:

"Я верю в Бога!" И начал плакать.

Когда стало рассветать, аббат Иску позвал к своей постели двух заключенных и попросил: "Выньте меня!"

"Но вы слишком больны для этого", - протестовали они. Вся комната была возбуждена. "Что случилось?" - раздавались голоса, - Не можем ли мы это сделать?"

"Нет, - сказал аббат. - Выньте меня". Его подняли. "К постели Василеску", - сказал он. Аббат сел рядом с молодым человеком, который пытал его, и нежно положил свою руку на его руку. "Успокойся, - сказал он. - Ты был тогда еще так молод, что едва ли мог осознать, что делаешь". Тряпкой он вытер пот со лба парня. "Я прощаю тебя от всего сердца, и любой другой христианин сделал бы то же самое. Когда мы прощаем, Христос, который лучше, чем мы, конечно же тоже простит. На небе есть место и для тебя". Он выслушал исповедь Василеску и причастил его, прежде чем его снова отнесли в постель.

Ночью умерли оба: аббат и Василеску. Я убежден, что они возносились на небо рука об руку.

В сочельник разговоры в тюрьме становились серьезнее. Не было слышно ни ссор, ни проклятий, лишь изредка кто-то смеялся. Каждый из нас думал о своих любимых. Мы чувствовали себя связанными с остальным человечеством, от которого наше тюремное существование отстояло слишком далеко.

Я говорил о Христе, но руки и ноги мои были словно кусками льда; мои зубы стучали, леденящий приступ голода в желудке, казалось, охватил все мое тело, и только сердце

оставалось еще живым. Когда я не смог продолжать говорить, меня заменил простой крестьянин. Аристар никогда не учился в школе, но говорил о Рождестве Иисуса Христа так естественно, будто это произошло на этой неделе в его собственном хлеву. У всех слушателей на глазах были слезы.

В этот вечер в тюрьме кто-то начал петь. Вначале голос звучал очень тихо. Постоянно занятый мыслями о моей жене и сыне, я едва ли воспринял его вначале. Но постепенно пение нарастало в прозрачном холодном воздухе. Оно зазвучало с особой полнотой. Его было слышно и в коридорах. Каждый из нас прервал свое занятие и слушал.

Все продолжали молчать и после того, как человек допел свою песнь до конца. Охранники сидели в своем помещении, тесно прижавшись друг к другу вокруг коксовальной печи. Завесь вечер они никого не ударили. Мы начали рассказывать друг другу истории. Когда я попросил слова, то, вспоминая о прекрасной песне, рассказал следующую старую еврейскую легенду:

Саул, царь Израиля, взял к себе на службу Давида-пастуха овец, который победил в битве с Голиафом. Давид очень любил музыку, и ему доставляло удовольствие смотреть на очень красивую арфу, которая стояла во дворце. Саул сказал: "Я дорого заплатил за этот инструмент, но был обманут. Она издает только грубые звуки". Давид взял арфу и извлек из нее такую музыку, что никто не мог устоять на месте. Казалось, арфа и смеется, и поет, и плачет. Царь Саул спросил: "Почему же все музыканты, которых я просил сыграть, извлекали из арфы только шум и грохот, и только ты заиграл музыку?" Давид, будущий царь, ответил: "До меня каждый старался сыграть собственную песню на этих струнах, а я сыграл собственную песню арфы. Я напомнил ей о том, что она была молодым деревом с птицами, поющими на ее ветвях, с зелеными листьями, играющими на солнце. Я напомнил о том дне, когда люди пришли срубить это дерево, и вы слышали, как арфа заплакала под моими пальцами. Я объяснил ей, что это еще не конец, что эта ее смерть, как дерева, означает начало новой жизни, в которой она будет славить Господа, как арфа. И вы слышали, как она возликовала в моих руках. И когда придет Мессия, многие будут стараться сыграть на арфе свои собственные песни, и звуки их будут ужасны. Мы должны играть на арфе ее собственную песню, песню ее жизни, страстей, радости, страданий, смерти и воскрешения. Только тогда музыка будет прекрасной".

Это была песня подобная той, которую мы слышали этим рождеством в тюрьме Тыргул-Окна.

Евангелие от Иоанна

Аристар умер в феврале. Чтобы его похоронить, мы должны были разгрести снег и вскопать каменную землю. Мы похоронили его рядом с аббатом Иску, Гафенсу, Букуром и множеством других из комнаты номер 4, которых он знал. Его кровать занял Аврам Радоновичи, бывший музыкальный критик из Бухареста.

Аврам наизусть знал отрывки из партитур Баха, Бетховена и Моцарта и часами мог напевать их вполголоса. Нам казалось, что мы слышим симфонический оркестр. Но он принес с собой еще большую Ценность. Он был болен туберкулезом, захватившим и позвоночник, на нем была гипсовая повязка. Вскоре мы заметили как Аврам залезал в свой гипсовый чехол и вынимал на свет маленькую зачитанную книжку. Уже в течение многих лет мы не видели ничего печатного. Он лежал и тихо перелистывал страницу за страницей, пока не заметил, что на него пристально смотрят жадные глаза.

"У вас есть книга, - сказал я, - что это? Откуда она у вас?" "Это Евангелие от Иоанна, - ответил Аврам, - когда пришла полиция, чтобы забрать меня, я быстро спрятал ее за гипсовую повязку". Он засмеялся: "Хотели бы ее взять на время?"

Я накрыл книжечку руками, как будто она была живой птицей. Никакое чудодейственное лекарство не смогло бы меня обрадовать больше. Я вел семинар по Библии и многое выучил наизусть. Но с каждым днем библейские стихи все больше покидали мою память. Часто я пытался утешить себя тем, что их отсутствие имело следующее преимущество: теперь я вынужден был слушать то, что Господь непосредственно говорил

мне, в то время как в Библии я читал только то, что было открыто святым и пророкам.

Евангелие от Иоанна переходило из рук в руки. Мне было трудно отказаться от него. Я думаю, что образованному человеку тюрьму перенести намного труднее, чем рабочему или крестьянину. Они часто находили в тюрьме более интересное общество, чем-то, что было у них раньше. Но человек, привыкший много читать, чувствовал себя в заключении как рыба, выброшенная на сушу.

Многие заучивали Евангелие наизусть. Каждый день мы беседовали об этом, но должны были тщательно продумать, кто из заключенных мог бы быть посвящен в нашу тайну. Евангелие от Иоанна помогало найти путь ко Иисусу. Среди тех, кто нашел его, был и профессор Попп. Жизнь в обществе христиан приблизила его к вере. Слова Иоанна были предназначены, чтобы завершить эту подготовку. Однако следовало преодолеть еще последнее препятствие.

"Я снова пробую молиться", - сказал профессор. - Но между произнесением православных формул, которые я выучил еще мальчиком, и прошением о милости Всевышнего, на которое я не имею никакого права, сказать можно немного. Это как у короля из Гамлета: "Слова парят, а чувства книзу гнут".

Я ему рассказал о священнике, которого позвали к смертному одру одного старого человека. Он хотел сесть в кресло рядом с постелью, но старик попросил: "Пожалуйста, не садитесь туда". Священник достал стул, выслушал исповедь и преподал ему святое причастие. Старый человек снова ожил и сказал: "Я хотел бы вам рассказать историю этого кресла. Пятьдесят лет назад, когда я был молодым парнем, меня посетил старый пастор и спросил, привык ли я молиться. Я ответил: "Нет. У меня нет никого, кому бы я мог молиться. Даже когда я громко кричу, как только могу, меня не может услышать даже человек, который живет на следующем этаже; а как же может услышать меня Бог на небе?" "Тогда позволь быть только молитве, - ответил дружелюбно старый пастор. - Каждое утро в полном покое садись, поставив напротив себя другой стул. И представь себе, что Иисус Христос сидит напротив тебя, как Он делал во многих домах Палестины. Что бы ты сказал Ему?" "Если бы я был честным, я бы сказал, что не верю в Него", - ответил он. "Хорошо, - сказал пастор. - Это свидетельствует, по крайней мере, о том, о чем ты действительно думаешь. Ты бы мог продолжать это делать и дать Ему испытательный срок. Если Он существует, Он должен это доказать! Или, если ты не одобряешь Божественный способ управления миром, почему ты Ему об этом не скажешь? Ты будешь не первым, кто жалуется на это. Царь Давид и Иов также говорили Богу, что, по их мнению, Он несправедлив. А если у тебя есть желание, тогда сообщи о нем Иисусу. Поблаговари, если оно будет удовлетворено. Этот обмен мыслями возможен в молитве. Не говори бездумно набожных фраз. Говори то, что ты действительно думаешь".

Умиравший продолжал: "Хотя я и не верил в Христа, но я любил старого пастора. Из любви к нему я сел перед креслом и делал так, будто Христос сидел в нем. В течение нескольких дней это было только игрой, но потом я уже знал, что Он и в самом деле присутствовал.

Я обсуждал реальные проблемы со Спасителем, который реально был здесь, я просил о руководстве и был руководим. Молитва стала диалогом. С тех пор прошло пятьдесят лет, и я каждый день разговариваю с Иисусом, который сидит в этом кресле".

Пастор находился у этого человека во время его смерти. Напоследок он протянул приветственно руку невидимому другу в кресле.

"Вы тоже молитесь таким образом?", - спросил профессор. "Я охотно представляю себе, что Иисус стоит рядом со мной, - ответил я, - и могу беседовать с Ним так же, как я сейчас беседую с вами. Люди, которые встречали Его в Назарете и Вифлееме не говорили Ему наизусть молитв, они говорили то, что лежало у них на сердце, и вы должны это делать также".

Попп сказал: "Как вы думаете, почему многие из тех, кто разговаривал с Ним в Палестине две тысячи лет назад, не стали Его последователями?"

Я сказал: "Евреи столетиями молились о пришествии Мессии [22]. Никто не делал этого громче, чем синедрион, Верховное судилище. Но когда пришел на самом деле Мессия, они насмеялись над Ним, плевали в Него и приговорили Его к смерти. И последнее, к чему они могли прибегнуть, это обвинить Его в том, что Он сломал заведенный и удобный для них порядок. Это свойственно сегодня многим людям, представителям многих наций".

Профессор Попп стал христианином. "Когда я увидел вас в первый раз, то у меня было предчувствие, что вы мне что-то хотели дать", - сказал он мне потом.

Такая интуиция в тюрьме не являлась чем-то необычным. Когда человек полностью отрезан от внешнего мира, в нем открывается возможность чувствовать невидимые вещи.

Мы стали близким друзьями. Часто, когда мы тихо сидели рядом, он высказывал мысли, которые мне только что приходили в голову. Так должно быть между друзьями и между супругами. Но это случается редко.

Чудо

В марте, наконец, наступила оттепель. Сосульки растаяли, снег оставался лежать лишь в некоторых местах. На голых деревьях виднелись почки, и мы снова слышали пение птиц. Наши обмороженные руки и обмотанные лохмотьями ноги, наши застывшие от холода Лица чувствовали новое дыхание жизни.

Одна новость словно бы электричеством зарядила внутреннюю атмосферу тюрьмы. Кто-то из заключенных был на короткое время доставлен в городскую больницу. Там он увидел, как плакала одна из уборщиц. "Что случилось?", спросил он ее. "Наш папочка Сталин умер, - всхлипывала она, - об этом написано в газете". Мы не проливали слез. Каждый взволнованно думал о том, какими последствиями для него обернется это событие.

Попп считал: "Если Сталин умер, то сталинизм также мертв. Диктатура живет до тех пор, пока жив ее инициатор".

"Однако, коммунизм пережил Ленина", - сказал кто-то. Спустя некоторое время, колокольный звон и гудки локомотивов возвестили о том, что в Москве хоронили Сталина. Заключенные ответили взрывом хохота и проклятиями, у охранников вытянулись лица, а партийные заметно нервничали.

Через несколько недель у нас вдруг появился один высокопоставленный чиновник из министерства юстиции. Мы заметили, что ему было поручено инспектировать тюрьму. Но, когда он шел от камеры к камере и спрашивал о жалобах, царило молчание. Многие подозревали, что это ловушка. Когда же он достиг комнаты номер 4, я взял слово: "Я хочу что-то сказать. Я хотел бы это сделать после того, как вы пообещаете выслушать меня до конца".

"Для этого я и пришел сюда", - сказал вежливо пришедший. Я сказал: "Господин прокурор, вы имеете в истории знаменитого предшественника. Его звали Понтий Пилат. Ему было поручено судебное производство по делу одного человека, в безвинности которого он был уверен. Но Понтий сказал себе: "Ну и что из того? Неужели из-за плотника, и к тому же еще и еврея, я должен ставить на карту свою карьеру?" Это злоупотребление судебной властью не забыто и до сих пор, несмотря на то, что прошло две тысячи лет. И какую бы церковь мира вы не посетили, в любой из них вы услышите в "Символе Веры"[23] , что Иисус был распят Понтием Пилатом".

У моих друзей в комнате номер 4 сделались озабоченные лица. Я продолжал: "Спросите свою совесть, господин прокурор, и вы должны будете признать, что мы являемся жертвами вопиющей несправедливости. Даже если партия считает нас виновными, то для искупления нашего преступления тюремное заключение было бы достаточным. Но здесь происходит растянутая во времени смертная казнь. Прежде чем вы будете отчитываться, взгляните только на нашу еду. Обратите внимание на то, что у нас нет ни отопления, ни самого примитивного лекарственного лечения. Мы погибаем в грязи и болезнях. Разрешите сообщить вам о некоторых фактах жестокости, которые мы терпим, и вы напишите потом правду. Не умывайте своих рук, как Пилат, за счет беззащитных людей".

Чиновник угрюмо взглянул на меня, повернулся на каблуках и молча вышел. Новость о

том, что он меня выслушал, быстро распространилась по тюрьме, придав мужества и другим людям. Прежде, чем партчиновник покинул помещение, в конторе коменданта тюрьмы раздавалась ругань. В тот же день охранники стали вежливыми, чуть ли не осознавшими свою вину. Через неделю комендант был освобожден.

После того, как наше тюремное существование в некотором роде улучшилось, я начал вставать и каждый день делать по несколько шагов. Доктор Алдеа привел с собой тюремного врача и попросил его осмотреть меня.

"Мы не разобрались в вас, - сказал Алдеа. - Ваши легкие похожи на сито, позвоночник также поражен. Мы не смогли наложить вам гипсовой повязки откровенно сказать, у вас вообще не было никакого медицинского лечения. Ваше состояние здоровья хотя и не улучшилось, но и не ухудшилось. Поэтому мы хотим перевести вас куда-нибудь из комнаты номер 4".

Мои друзья были счастливы. Факт, что после двух с половиной лет, человек впервые покидал эту камеру живым, стал для них утешением.

Однажды утром я увидел, что перед служебным помещением тюремного сторожа стоял исполненный достоинства, старый православный священник. Холодный ветер развеивал его белую бороду. Он только что был доставлен и его оставили там во дворе.

"Что же здесь делает этот старый священник?" - спросил один из нас.

"Он пришел, чтобы послушать исповеди заключенных", - съехидничал другой.

Именно это вскоре начал делать отец Сурояну. Вокруг него образовывалась настолько благоговейная атмосфера, что многие испытывали желание рассказать этому человеку всю правду. Я не верю в исповедь как таинство, но тем не менее я откровенно ему рассказывал о своих сомнениях и признавался в грехах, о которых до сих пор не говорил ни единому человеку. Не часто в исповеди так обнажались корни зла. Я все более обвинял себя, но во взгляде отца Сурояну я не увидел презрения, а только любовь.

У Сурояну причин для жалоб было куда больше, чем у нас всех вместе взятых. История его семьи была трагичной. Одну из дочерей, которая была калеккой, ограбил муж. Он находился вместе с нами в Тыргул-Окна. Другая дочь с мужем были приговорены к двадцати годам тюрьмы. Один из его сыновей умер в тюрьме. Второй сын, который был священником и на которого Сурояну возлагал большие надежды, стал врагом своего собственного отца. Его внуков или преследовали в школе, или они лишились своих мест из-за "враждебной деятельности" своих родителей. И тем не менее отец Сурояну, этот простой и малообразованный человек, весь день занимался тем, чтобы обрадовать или ободрить других. Он не говорил людям: "Доброе утро", приветствовал их словом из Библии: "Радуйтесь!" "В тот день, когда ты не можешь смеяться, - сказал он мне, - ты не должен открывать свою лавку. Для смеха человек использует семнадцать мускулов своего лица, а для злого выражения на лице понадобятся все сорок три. Чтобы быть злым требуется больше усилий, чем для того, чтобы быть добрым." Я спросил его: "Вы пережили столько несчастий, как же вы можете всегда радоваться?"

"Тяжкий грех - этого не делать, - ответил он. - Всегда имеется хороший повод для радости: на небе есть Бог, есть Он в сердце. На завтрак я съел сегодня кусок хлеба. Он был таким вкусным. Посмотрите, сейчас светит солнце! И как много людей здесь любят меня! Каждый проведенный без радости день это потеря, мой сын. Этот день никогда уже не вернется".

Любовь и ложь во спасение

В моей следующей посылке было 100 граммов стрептомицина. Я подумал о людях, которых оставил в комнате номер 4 и попросил Ставрата отдать лекарство самому больному из них.

"Это - Султанюк, - сказал он с отвращением. - Нацист из Железной Гвардии, тертый калач. Он близок к смерти, хотя и не хочет это признать. Вы должны лучше сами принимать это лекарство! Но, если вы непременно хотите..."

Ставрат очень быстро вернулся. "Он хочет знать, от кого это лекарство. И когда я

сказал, что от вас, он ответил, что ничего не хочет брать от еврея. Этот фанатик неисправим".

Я надеялся найти другой путь. Когда Ставрат ушел, я попросил Иосифа взять на себя роль посредника. Никто бы не смог считать его обманщиком.

"Скажи Султанюку, что генерал ошибся. Скажи ему, что это подарок от Граникеру. Он тоже был воином Железной Гвардии, и я слышал, что он недавно также получил лекарство".

Попытки Иосифа остались безуспешными. "Султанюк не верит, что Граникеру что-то хочет подарить ему. Он не возьмет, если вы не поклянетесь, что это не от вас!"

"Почему бы нет? - спросил я, - Я дал ему лекарство, и он может получить от меня и клятву также. В действительности, стрептомицин - не моя собственность. Я передал его Богу в тот момент, когда получил его."

Доктор Алдеа был занят, когда поступил стрептомицин. Когда он услышал, что произошло, онемел. Даже Ставрат был смущен моей "ложной клятвой". Он сказал: "Я думаю, что ваш духовный сан обязывает вас говорить только правду и ничего более кроме правды".

Скоро Ставрат должен был узнать, сколько может стоить "только правда". К нам в камеру поместили двух новых заключенных, из которых каждый давал показания против другого. Один из них был католическим епископом, который хотел сообщить в Рим о том, как жестоко преследовалась его община. Другим был адвокат, передавший жалобу епископа папскому нунцию - когда в Бухаресте еще имелся таковой - для дальнейшей отправки в Ватикан. Когда адвокат покинул дворец нунция, его схватили. Он отрицал, что передал письмо, но ему была устроена очная ставка с епископом. Епископ сказал: "Я не могу лгать. Да, я дал ему письмо".

Обоих пытали, но в Тыргул-Окна они пришли в себя и начали спорить о том, что было более правильным. Епископ надеялся на мою поддержку, но я не мог ему ее оказать. "Это хорошо и прекрасно, когда человек отказывается лгать. Но тогда он должен один справляться с той опасностью, которой его подвергают. Если же он взваливает эту опасность на других, он должен защищать их, чего бы это не стоило".

"История эта принесла мне много горя, - протестовал епископ, - но как я мог солгать?"

Я возразил, что, конечно, наш долг - помогать друзьям, даже своим врагам мы должны делать добро.

"Если моя хозяйка провела весь день, готовя ужин, то я чувствую себя обязанным сделать ей комплимент, даже если ее еда не удалась. Это - не ложь, а обычная вежливость. Когда люди спрашивают здесь: "Когда придут американцы?", - я отвечаю им: "Это не может продлиться слишком долго!" К сожалению, это - неправда, но это и не ложь. Это слово надежды!"

Епископ не дал себя убедить. Я продолжал: "Если вы возьмете за критерий точку зрения пуристов, то все искусство - ложь. Ведь Фауст никогда не подписывал договора с дьяволом - это дело рук лжеца Гете. Гамлет также никогда не существовал. Это - ложь Шекспира. Самые простейшие анекдоты (я надеюсь, вы смеетесь над анекдотами) - тоже вымысел".

"Может быть, - возразил епископ, - но здесь речь идет о личном деле. Когда вас, господин Вурмбрандт, допрашивают коммунисты, нет ли у вас ощущения, что вы должны говорить правду?"

"Конечно нет! Я нисколько не сомневаюсь, когда говорю первое, что приходит в голову, и делаю это до тех пор, пока это наводит на ложный след тех, кто хочет поймать моих друзей. Неужели я должен дать этим людям информацию, которую они смогут использовать для посягательств на мой приход? Я - слуга Божий! Этот мир использует красивые слова для отвратительных вещей: обман называется благоразумием, подлость совершается ради пользы народа, похотливость украшается словом "любовь". Вот здесь и должно быть употреблено это скверное слово "ложь". Тогда, когда нам это подсказывает наше чутье. Я уважаю правду, но "солгал" бы, чтобы спасти друга".

Добром за зло

Но еще прежде, чем были отменены все послабления, однажды в нашу камеру охранник притащил корзину. В ней лежали простыни и махровые полотенца трудно вообразимая роскошь. Их было больше, чем требовалось нам всем.

"Они обсчитались, - решил Эмиль, портной по профессии. - Давайте раскроим из лишних простынь одежду. Я могу быстро сшить несколько теплых рубашек". Ион Мадгеару, адвокат, сказал с неудовольствием: "Это бы было кражей государственного имущества".

- А кто узнает? Ведь нет же инвентарного перечня.

- Я - политический заключенный, а не уголовник.

- Вы - глупец!

Жители нашей камеры разделились на две партии и бросали друг другу в лицо свои доводы. Иосиф попросил меня высказать свое мнение. "Все это "государственное имущество" украдено у нас, - сказал я, - нам же оставили лишь лохмотья. Поэтому мы имеем право получить обратно столько, сколько возможно. Мы обязаны перед нашими семьями сделать все, что в наших силах для того, чтобы пережить зиму. И если утром придет сонный охранник и спросит: "Сколько человек сегодня в камере?" - мы попытаемся назвать большее количество, чтобы получить дополнительные порции хлеба. И это совершенно правильно".

Мадгеару сказал: "Я предпочитаю следовать закону".

- Но при каждом законе найдутся те, кто из-за него попадает в невыгодное положение. Закон говорит миллионеру, который ни в чем не нуждается - не красть. То же самое он требует от вас и от меня, у которых совершенно ничего нет. Даже Иисус взял под защиту Давида, совершившего недозволенное, когда тот испытывал сильный голод.

Наконец, мы переубедили Мадгеару. Но позднее он рассказал мне, что у него была особая причина не хотеть этого компромисса.

"Раньше я был прокурором, - рассказал он, - и за время моей службы я сотни людей приговорил к тюрьме. Я думал, что мое личное суждение не имеет никакого значения, партия упрячет их в тюрьму в любом случае. Когда же позднее меня сделали козлом отпущения за какой-то промах и приговорили к пятнадцати годам, меня словно громом поразило. Меня послали на свинцовые рудники в Валеа Ниструлуй. Там один верующий очень дружелюбно относился ко мне. Он делился со мной едой и был мне хорошим другом. У меня было чувство, что я его уже где-то раньше встречал, и спросил, почему он в тюрьме?"

"О, - сказал он, - однажды я помог одному человеку, который оказался в беде, как и вы. Он пришел ко мне во двор и попросил пищи и крова, а потом его арестовали как партизана, и я получил двадцать лет".

"Какой позор", - сказал я.

Он посмотрел на меня странным взглядом. И тут я вспомнил - прокурором, который вел его дело, был я. Этот человек ни разу не упрекнул меня, но его пример - платить добром за зло - побудил меня стать христианином".

Шок

Когда Иосиф мерил рубашку, которую Эмиль сшил из лишней махровой ткани, он начал петь. Рубашка была похожа на простую тунику с отверстием для головы. Но Иосиф был счастлив, ощущая что-то свежее на теле. "Государственная собственность! В настоящее время ворует каждый", - весело сказал он.

Ставрат сказал: "Он считает это совершенно нормальным. В течение десяти лет мы превратимся в нацию воров, обманщиков и шпииков. Крестьяне воруют плоды земли, которая прежде принадлежала им; сельскохозяйственные рабочие воруют то, что принадлежит артели. Даже парикмахер ворует бритву из своего собственного магазина, который теперь принадлежит коллективу. Затем они должны скрыть свои кражи. А вы, господин пастор, платите свои налоги абсолютно добросовестно?"

Я признался в том, что не понимаю, почему должен деньги членов общины бросать в пасть безбожной партии.

"Скоро воровство станет предметом обучения, и его будут преподавать в школе", -

сказал Ставрат.

Иосиф возразил: "В школе я ничего не воспринимал всерьез. Учителя говорили нам, что Бессарабия всегда была частью России. При этом каждый ребенок знает, что ее у нас украли".

"Хороший парень", - сказал Ставрат.

"Я надеюсь, Иосиф, что ты также отвергнешь их учение, направленное против религии, - добавил я и рассказал ему об одном профессоре, которого знал. - Этот человек должен был регулярно читать лекции по атеизму. После того, как он перекрестится и попросит у Бога прощения в своей комнате, он шел рассказывать студентам, что Бога не существует".

"Ну, разумеется, - сказал Иосиф, - Наверняка за ним шпионили".

Он просто не мог себе представить мира, в котором не надо было бы оглядываться по сторонам, прежде чем откроешь рот.

Продолжая наш разговор, мы заговорили об одном шпиике по имени Йвоин. Он дезертировал из югославской армии и был арестован на границе, как шпион. Чтобы снискать расположение у тюремной власти, он разыгрывал из себя анти-титовца, и досаждал тюремным охранникам тем, что доносил на них, сообщая об их пренебрежении к тюремному порядку. "Некоторые из нас уже твердо решили проучить Йвоина, - сказал Иосиф. - Если мы его все вместе прикончим, они не смогут нас строго наказать".

"Подождите еще один день, - сказал я. - Я знаю кое-что, что наверняка подействует лучше".

Йвоин привык, что все обитатели камеры поворачивались к нему спиной. Поэтому он почувствовал себя польщенным, когда я попросил рассказать мне о его родине. Весьма скоро он вошел в раж и стал рассказывать хорватские анекдоты, сербские пословицы, восхвалял красоту Черногорья, его народные мелодии и танцы. Видя мой интерес, и возбужденный моими вопросами он все более воодушевлялся.

"А какой у вас новый национальный гимн?" - спросил я.

"О, он чудесный! Вы его еще не слышали?"

"Нет, но я с величайшим удовольствием послушал бы его!"

Обрадованный Йвоин вскочил и начал петь. Охранники в коридоре не заметили, что это был гимн Тито [24], пока он не перешел на припев. Тогда Йвоина схватили и притащили к разгневанному полит-офицеру. "Итак, это конец его карьеры", - сказал Иосиф. Мы начали смеяться.

Йвоин оказался обезвреженным. Незадолго до этого в нашу камеру перевели бывшего члена Железной Гвардии, капитана Стелеа, с нижнего этажа. Там он сидел вместе со своим старым боевым товарищем и сожалел, что должен был разлучиться с ним.

"Как его зовут?" - спросил генерал Ставрат.

"Ион Цолю, - сказал Стелеа. - Его поместили в нашу камеру той же ночью, когда я прибыл сюда, в Тыргул-Окна. Мы чудесно беседовали о старых временах".

Ставрат спросил, рассказывал ли Стелеа Цолю о каких-нибудь тайнах, о которых он умолчал на допросе и под пытками.

"Да, все, - сказал Стелеа. - В течение многих лет он был моим лучшим другом. Ради него я бы согласился riskовать своей жизнью".

Когда Ставрат рассказал Стелеа, что Ион Цолю был самый презренный из всех шпииков в Тыргул-Окна, он не мог в это поверить. Ставрат попросил меня подтвердить это. После этого Стелеа часами сидел на своих нарах, как солдат, оглушенный бомбой. Потом он вдруг вскочил, начал истерически кричать и избивать нас, пока охранники не вытащили его.

В каждой тюрьме имеется специальное отделение для людей, страдающих нервным расстройством. Там им разрешают кричать и буйствовать, пачкать пол своими экскрементами и драться друг с другом. Некоторые из них уже лишились жизни. Еда подается там через щель. Ни один охранник не рискнул бы оказаться среди этих несчастнейших.

Иисус такой же, как я

Срок тюремного наказания Иосифа истекал через несколько недель. Он уже вынашивал планы на будущее. "Моя сестра в Германии подаст заявление о разрешении на выезд в Америку. Я усовершенствую мой английский и изучу ремесло".

Но он все никак не мог примириться с тем, что лицо его было изуродовано. Однажды вечером я рассказал ему о Хелен Келлер. О том, как она, будучи слепой и глухонемой, тем не менее стала одной из выдающихся личностей Америки. Иосиф был восхищен. Я рассказал ему, как она сама себя обучила игре на пианино. Единственной помощью для нее была издающая звук палка, один конец которой она зажимала зубами, в то время как второй был прикреплен к пианино. Так она через дерево могла чувствовать звучание. Благодаря ее усилиям, тысячи слепых получили специальный шрифт.

В одной из своих известных книг она писала, что хотя она никогда не видела звездного неба, но носила его в своем сердце. Поэтому она могла показать величие Божьего творения человечеству, которое хотя и видит, но чаще всего упускает возможность наиболее полно использовать свои органы чувств.

Хелен происходила из состоятельной семьи. Если бы ей улыбнулось "счастье", как другим девушкам, и она была столь же здорова как они, возможно, ее жизнь стала бы цепью банальностей. Ей удалось то, что обычно называют несчастьем, использовать в качестве стимула для достижения небывалых успехов.

"На тысячу приходится лишь один такой случай", - сказал Иосиф.

"Это неверно! Есть много похожих на нее. Русский писатель Островский [25] был слепым, парализованным и так беден, что свой роман вынужден был писать на оберточной бумаге. Сегодня его роман всемирно известен. Великие люди часто были больными людьми. Шиллер [26], Шопен [27] и Китс [28] болели, как и мы, туберкулезом. Бодлер [29], Гейне [30] и наш поэт Эминеску [31] были больны сифилисом. Ученые говорят, что возбудители этих болезней стимулируют наши нервные клетки и помогают развитию интеллекта и способности к восприятию, хотя, в конце концов, они приводят к сумасшествию или смерти. Туберкулез может плохого человека сделать еще хуже, но хороший человек, благодаря ему, может стать совершеннее. Понимая, что его жизнь скоро закончится, он пожелает сделать как можно больше добра, пока у него еще есть время".

Иосиф часто ходил помогать больным в комнату номер 4. Я спросил его: "Заметил ли ты особый род веселости, кротости и ясности, присущий некоторым туберкулезным больным?" Его глаза вспыхнули: "Да! Это верно! И странно".

Я сказал: "На протяжении тысячи лет грибок, который вырастал на стенах, считали вредным. Но двадцать пять лет назад господин Александр Флеминг нашел в нем пользу: результатом явился пенициллин, излечивающий несчетное количество болезней. Может нам предстоит еще заняться изучением того, как использовать бациллы туберкулеза с пользой для нас. Если, наконец, будет побеждена эта, пока неизлечимая для нас болезнь, тогда, возможно, нашим детям будут делать в небольших дозах прививки с этими бациллами, дабы стимулировать их интеллект. Бог создал небо и землю, твою жизнь, Иосиф, и еще много прекрасного. Твои страдания имеют смысл также, как страдания Иисуса. Потому, что Своей крестной смертью Он спас человечество".

Иосиф дрожал в своей новой рубашке, которая уже была заношенной. Тогда я взял шерстяную куртку, которую мне прислали мои родственники, выпорол подкладку. Ее взял себе, а куртку попросил принять Иосифа. Он ее надел и блаженно сложил руки на своей узкой груди, показывая, как ему было тепло.

В тот день началось обращение Иосифа. Но еще нужен был толчок, который помог бы ему обрести веру. Эта помощь была получена в связи с распределением хлебной пайки. Каждое утро хлеб клали на стол рядами. Любая порция должна была весить около ста граммов, но всегда бывали незначительные отклонения. Из-за этого часто возникали разногласия: кому выбирать вначале, кому в конце очереди. Иногда спрашивали друг у друга какая порция больше, подчас тот, кто советовал, чувствовал себя обманутым и из-за кусочка черного хлеба гибла дружба. Как-то один из заключенных по фамилии Трайлеску пытался

обмануть меня. А Иосиф наблюдал за ним.

Я сказал Трайлеску: "Возьмите еще и мой хлеб. Я знаю, что вы голодны". Он пожал плечами и запихнул хлеб в рот.

В тот же вечер мы с Иосифом переводили стихи из Нового Завета на английский язык. "Теперь мы уже почти все прочитали, что сказал Иисус. Но я все еще не знаю, что за человек Он был", - сказал Иосиф.

"Я хочу это тебе рассказать, - сказал я. - Когда я был в комнате номер 4, то среди нас был пастор. Он был готов раздать все, что у него было: свой последний кусок хлеба, свое лекарство и свою одежду. Иногда я также раздавал свои вещи, хотя хотел бы лучше их оставить у себя. Но порой я мог чрезвычайно спокойно переносить, когда другие люди голодали, болели, находились в нужде. Для меня это ничего не значило. Тот же, другой пастор действительно был похож на Христа. Прикосновение его руки могло принести покой и здоровье. Однажды он беседовал со своими сокамерниками, и один из них задал ему такой же вопрос, который ты задал мне: "Каким был Иисус?" Я никогда не встречал никого, кто был таким же, как человек, о котором вы говорите. В тот момент пастор должен был обрести мужество, чтобы так просто и смиренно ответить, как он ответил: "Иисус, такой же, как я". И человек, который часто ощущал на себе радушие пастора, смеясь ответил: "Если Христос похож на вас, то я люблю Его". Но это случается очень редко, Иосиф. Редко кто-нибудь может высказать похожее на то, что сказал пастор. Но в этом я вижу настоящее христианство. Поверить в него - совсем нетрудно. Истинное величие состоит в том, чтобы стать похожим на Него".

"Господин пастор, я тоже встречал кого-то, кто похож на Иисуса", сказал Иосиф. Взгляд его был полон простоты и покоя.

Через некоторое время мы продолжили наши занятия. Я рассказал Иосифу, что Иисус ответил евреям, когда они просили Его дать им знамение, чтобы они смогли поверить в Него. "Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: "хлеб с неба дал им есть", - говорили они. Иисус же сказал им: "...Не Моисей дал вам хлеб с неба. Я есмь хлеб жизни! Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда... Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же сходящий с небес таков, что ядущий его не умрет".

На следующий день Иосиф трудился, как он это делал теперь часто, в комнате номер 4. Когда мы встретились вечером, он сказал: "Самое большое мое желание - это стать христианином". Я окрестил его небольшим количеством воды из свинцового кувшина, произнося: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Когда он выходил на волю, его сердце уже совершенно освободилось от ожесточения.

В день своего освобождения, прощаясь со мной, он обнял меня. В его глазах стояли слезы. "Вы помогли мне, как отец, - сказал он, - теперь, с Божией помощью я справлюсь один".

Через несколько лет мы снова встретились с ним. Он был христианином и гордился тем, что носил шрамы, которые когда-то так мучили его.

Новые цепи

Весной 1955 года появились признаки политической оттепели. Большое количество комендантов тюрем были арестованы в связи с "саботажем". Многие из каторжных рабочих, бывшие жертвами "саботажников", поступали в Тыргул-Окна. Для них нужно было приготовить места. Я принадлежал к тем, что в начале июня получил приказ, быть готовым к переводу в другую тюрьму.

Доктор Алдеа сказал: "Вы - не транспортабельны, но мы не можем ничего поделать. Будьте осторожны, и, если вы опять когда-нибудь получите стрептомицин, - не дарите его больше!"

Со слезами я прощался с моими друзьями. "Мы снова увидимся, я знаю это", - сказал профессор Попп.

Была названа моя фамилия, и я присоединился к мужчинам, выстроенным во дворе. Мы являли собой довольно причудливую толпу. Наши головы были подстрижены, наша одежда

была вся в заплатах. Каждый из нас судорожно сжимал свое единственное имущество: узел с лохмотьями. Многие едва могли ходить. Несмотря на это, те среди нас, кто были приговорены к длительному тюремному заключению, должны были сделать шаг вперед и лечь на землю. Затем нас заковали в цепи вокруг щиколоток. Политофицер надзирал за кузнецом, пока тот переходил от одного мужчины к другому. Когда подошла моя очередь, офицер мерзко засмеялся.

"Ах! Василе Георгеску! У вас наверняка найдется что сказать нам по поводу цепей?"

Лежа на боку, я посмотрел вверх и ответил: "Да, лейтенант, я могу ответить вам песней".

Он заложил руки за спину и сказал: "Ну, пожалуйста! Мы все, конечно же, охотно послушаем ее".

Я спел начало румынского гимна: "Мы сбросим разбитые цепи". Молоток кузнеца, закончив работу, после нескольких ударов стих, и в возникшей неприятной тишине я сказал: "Выпоете, что разорвали все цепи. Однако этот режим заковал в цепи больше людей, чем любой другой".

Лейтенант все еще не знал что ответить в то время, как возглас из помещения охранников возвестил о прибытии транспорта. Нас повели на вокзал и погрузили в вагоны. В них мы пролежали много часов, прежде чем поезд пришел в движение и загрохотал по всей стране. Через отверстия в крохотных покрашенных окнах мы видели горы и леса. Был чудесный теплый летний день.

Марина и Сабина

Промозглые недели в Грайова и Поарта-Альба; переезды, во время которых заключенных приковывали друг к другу, снова обострили мой туберкулез. В следующей тюрьме, находившейся в Герлав горах Зибенбюрген, я пришел в такое состояние, что меня сразу положили в камеру, известную под названием "госпиталь".

Врач, молодая женщина по имени Марина, сказала мне, что тюрьма - первое в ее жизни место работы. Другие пациенты Марины рассказывали, что в день своего поступления на работу, когда она переходила от камеры к камере, лицо ее было столь бледным, будто с него исчезли все краски. Во время своей учебы она никак не была подготовлена к тому, что ей придется встретить такую грязь, голод, полнейшее отсутствие простейших лекарств и оборудования и такое пренебрежение, граничащее с жестокостью. Казалось, что она упадет в обморок, но Марина выдержала.

Она была высокой нежной молодой девушкой. Белокурые волосы обрамляли усталое лицо. После того, как Марина меня осмотрела, она сказала: "Вам нужно хорошее питание и много свежего воздуха".

Мне ничего не оставалось, как засмеяться: "Разве вы не знаете, где мы находимся, доктор Марина?"

В глазах у нее показались слезы: "Но так нас учили на медицинском факультете".

Через несколько дней появились несколько офицеров высшего чина и посетили тюрьму. Доктору Марине удалось поймать их в коридоре около камер, и она сказала: "Товарищи, никто не осудил этих людей к смерти; государство платит мне зато, чтобы я сохранила им жизнь, точно также, как вам оно платит за то, чтобы вы держали их под стражей. Я только хотела бы вас попросить создать такие условия, которые бы позволили мне работать по своей специальности".

"Значит вы стоите на стороне этих преступников?" - произнес мужской голос.

"В ваших глазах они, наверное, преступники, товарищ инспектор, возразила она, - но для меня - это пациенты". Условия лучше не стали, но вместо этого мы получили известие, которое для меня значило больше, чем все лекарства из медицинского справочника, вместе взятые. Перед Женевской конференцией на высшем уровне мы должны были получить разрешение на посещение родственников.

Всеобщее возбуждение стало невыносимым. Мы находились в состоянии высокого напряжения. Человек, который только что был полон радости, мог в следующий момент

расплакаться. Некоторые из нас уже в течение 10 или 12 лет не имели никаких вестей от своих семей. Я не видел Сабину уже восемь лет.

Наконец, это свершилось. Выкрикнули мое имя и меня привели в большой зал. Я должен был стоять за столом. На расстоянии 20 метров я увидел свою жену и тоже за столом. Комендант, окруженный слева и справа офицерами и охранниками, встал между нами к стене, как будто намеревался исполнять роль арбитра в теннисе. Как очарованный я смотрел на Сабину. Мне показалось, что все эти годы страданий придали ей небывалую красоту и исполненную достоинства осанку. Такой я ее еще никогда не видел. Она стояла со сложенными руками и смеялась.

Я крепко схватился за стол и крикнул: "Вы хорошо себя чувствуете дома?"

В этом помещении мой голос звучал чуждо. Сабина сказала: "Да, мы все себя чувствуем хорошо, слава Богу".

"Здесь не разрешается упоминать Бога", - прервал нас комендант.

"Жива ли еще моя мать?" - спросил я.

"Слава Богу, она жива".

"Я уже сказал вам, чтобы вы не смели упоминать Бога".

Потом спросила Сабина: "А как твоё здоровье?"

"Сейчас я нахожусь в тюремном госпитале".

Комендант: "Вы не смеете говорить о том, где вы находитесь внутри тюрьмы".

Я начал снова: "Как мои дела с судебным производством? Есть ли надежда на обжалование?"

Комендант: "Вы не смеете вести переговоры о судебном производстве".

Дальше продолжалось в таком же духе, пока я, наконец, не сказал:

"Иди домой, любимая, они все равно не дадут нам с тобой поговорить".

Моя жена принесла коробку с продуктами и одеждой. Но она не смела дать мне даже ни одного яблока.

Когда меня уводили, то через плечо я еще мог видеть, как вооруженные охранники, выйдя через дверь в другом конце зала, сопровождали Сабину во двор. Комендант с отсутствующим видом закурил новую сигарету.

В тот же вечер доктор Марина остановилась в ногах моей кровати. "О, Боже мой, - сказала она, - но я надеюсь, что визит вашей жены пойдет вам на пользу".

Мы стали друзьями. Она рассказала мне, что она никогда не получала религиозных наставлений и была намерена стать атеисткой.

"В наши дни им является каждый, не так ли?"

Однажды мы оказались втроем: я, Марина и еще один верующий из заключенных. В маленькой кабине, служившей врачебным кабинетом, я сказал, что сегодня был Троицин День.

"А что это такое?" - спросила она. Дежурный охранник в это время рылся в картотеке. Я подождал пока он уйдет с нужной картой, и ответил: "Это день, когда много тысяч лет тому назад Бог дал нам десять заповедей".

Я услышал шаги охранника, который вернулся, и громко продолжал: "А здесь, госпожа доктор, больно, когда я кашляю".

Охранник поставил карту назад на место и снова покинул помещение. Я продолжал: "Троица - это также день, когда на апостолов был ниспослан Святой Дух".

Снова раздались шаги, и я быстро сказал: "А ночью у меня страшные боли в спине".

Доктор Марина должна была кусать губы, чтобы не рассмеяться. Я продолжал свою прерванную проповедь, пока она выстукивала мою грудь, просила меня покашлять и осматривала мое горло. Наконец она расхохоталась: "Прекратите! - задыхаясь, произнесла она через носовой платок, когда в дверном проеме снова показалось тупое лицо охранника. - Вы сможете рассказать мне это в следующий раз".

В течение следующих недель я рассказал ей все Евангелие. Через слово Божие, исходившее от меня и других заключенных в Герла, она нашла путь ко Христу. С тех пор

она, для того чтобы помогать нам, стала рисковать еще больше.

Когда, несколько лет спустя, я находился в другой тюрьме, то узнал, что доктор Марина умерла от острой ревматической горячки и осложнения на сердце. Она работала выше своих сил.

Министр финансов Лука

Меня снова доставили в Вакарести, тюремную больницу, где я провел месяц после изоляции в камерах министерства внутренних дел. Больница была переполнена значительно больше, чем раньше. Пациенты с туберкулезом находились в одном помещении с другими больными, что приводило к обоюдному инфицированию.

Туда пришли два работника тайной полиции, чтобы допросить меня.

"Какого мнения вы сейчас о коммунизме?" - подтрунивали они надо мной.

"Как я могу это сказать? - ответил я. - Я сталкивался с ним только внутри своей тюрьмы".

Они ухмыльнулись, а один из них высказал мнение: "Теперь вы сможете изучать его из первых рук одной очень важной персоны. Вы будете находиться в одной камере вместе с Василе Лука, бывшим министром финансов".

В марте 1953 года Лука был освобожден от своей должности в связи со скандалом с валютой. Это способствовало свержению клики Анны Паукер. Вместе с министром внутренних дел Теохари Георгеску, Лука был исключен из партии, и в настоящее время все трое находились в тюрьмах, вместе с жертвами их политического режима. Во время его правления Луке льстили многие, но лишь немногие любили его. Теперь охранники, также как и заключенные, пользовались случаем, чтобы выразить ему свое презрение. Лука сидел один в углу нашей общей камеры, до крови кусал пальцы и бормотал что-то про себя. Он был старым, больным человеком, в котором было невозможно узнать того, чей портрет когда-то столь часто появлялся в газетах. Лука был убежден, что помочь его беде невозможно. В любой бедственной ситуации христианин, если он верует, не сомневается, что идет путем, впереди которого шествует Христос. А у Луки, прошедшего всю свою жизнь в служении коммунизму, теперь не оставалось ни веры, ни надежды. Если бы к власти снова пришли националисты, или страну оккупировали бы американцы, то Лука и его товарищи были бы первыми, кого повесили. А пока они сносили наказание от своих же бывших друзей по партии. К моменту нашей встречи Лука был почти на грани нервного истощения.

Он рассказал мне, что после того, как попал в немилость, его под пытками заставили сделать совершенно абсурдные признания. Военный суд приговорил его к смертной казни, но потом приговор был заменен пожизненным заключением.

"Они знали, что мне все равно осталось недолго жить", сказал он, кашляя.

Иногда его охватывали приступы ярости, и он неистовствовал против своих партийных врагов. Когда однажды он не сумел вытащить еду, которая просовывалась нам в камеру, я предложил ему кусок хлеба. Он с жадностью схватил его. "Почему вы это сделали?" - проворчал он. "В тюрьме я узнал цену поста". "И какова она?" Я сказал: "Во-первых, пост доказывает, что дух может владеть телом. Во-вторых, он спасает меня от дрязг и злых мыслей, которые так часто возникают из-за еды. И, в-третьих, если христианин не постится в тюрьме, то что он может тогда дать другим?"

Лука согласился, что единственная помощь, которую он получал после ареста, исходила от христиан. Но потом его дурное настроение снова взяло верх.

"Но я все же знаю гораздо больше верующих, которые являются отъявленными негодяями. Как член центрального комитета я крепко держал в своих руках все секты и религиозные общины. В моем кабинете хранились документы каждого священника страны. И ваши тоже. Я уже стал сомневаться, был ли в Румынии хоть один священник, который не был бы готов с наступлением темноты постучаться ко мне с черного входа, чтобы донести".

Я сказал, что человек часто позорит веру, но гораздо чаще случается так, что вера облагораживает человека.

В этом убеждает не только опыт большого количества святых, совершивших свой

подвиг в древние времена, но и множество известных христиан, которых можно встретить сегодня.

Лука был рассержен. Его злоба против всего света делала для него невозможным признать в ком-то хорошие качества. Он повторял обычные атеистические аргументы, что церковь преследовала ученых. Со своей стороны я напомнил ему о великих ученых, которые были христианами, начиная с Ньютона и Кеплера и кончая Павловым и сэром Джеймсом Симпсоном, открывшим наркоз. Лука считал: "Эти люди лишь следовали традициям своего времени".

"Вы не правы, - сказал я, - Луи Пастер[32], основоположник микробиологии и иммунологии, верил, как простой горняк. Проведший почти всю свою жизнь в научных исследованиях, он обладал верой самого простого человека".

Лука раздраженно сказал: "А как же быть со всеми учеными, которых преследовала церковь?"

Я спросил, мог ли он назвать мне их фамилии. "Конечно, это - Галилей [33], которого посадили в тюрьму. Джордано Бруно [34] которого сожгли. ..." Он остановился.

Я сказал: "Итак, за 2000 лет вы смогли назвать лишь два случая. Если судить по всем человеческим меркам, то это триумф для Церкви. Сравните-ка этот результат с рекордами, которые установила партия только в Румынии за последние десять лет. Многие тысячи невинных людей были расстреляны, замучены и арестованы. Вы сами арестованы лишь на основании ложных показаний, испытанных с помощью угроз и взяток. Как вы считаете, велико ли количество неправильных приговоров во всех странах за период коммунистического господства?"

Однажды вечером я рассказывал о тайной вечере, о причастии и о словах Иисуса, обращенных к Иуде: "...что делаешь, делай скорее".

Лука сказал: "Ничто в мире не заставит меня поверить в Бога. Но если бы я поверил в Него, то моей единственной молитвой к Нему бы было: "Что делаешь, делай скорее".

Состояние его здоровья ухудшалось очень быстро. Он харкал кровью и его лихорадило. На лбу выступал холодный пот.

К этому времени меня перевели в другую тюрьму. Прежде чем мы попрощались, он обещал мне подумать о своей душе. Но у меня не было никакой возможности узнать, что произошло потом. Однако, если человек начинает препираться с собой, то шанс найти правду очень невелик. Обращение ко Христу это обычно дело одного мгновения. Благовестие затрагивает сердце, и сразу же в глубине существа открывается что-то новое и священное.

В ту пору я встречал еще многих людей, похожих на Луку. Часто они беседовали с моими друзьями о том, как надо обращаться с коммунистами и с коллаборационистами в их среде в случае крушения коммунистической системы. Христиане были против мести, но меж ними были разногласия. Некоторые считали, что прощение должно быть полным. Другие говорили, что Иисус установил грань, когда наставлял Петра, прощать виновного не семь, но седмижды семь раз. Эту грань коммунисты уже давно перешагнули.

У нас было только право, считал я, изучив каждый отдельный случай и рассмотрев дурные влияния, которые сделали этих людей такими, какими они стали, отказаться от мщения, и помочь человеку оказаться в таких обстоятельствах, в которых он не смог бы творить зла.

Коммунисты уже потратили много времени и сил, чтобы наказать друг друга. Говорят, что Сталин отравил Ленина. Он заставил убить Троцкого ледорубом. Хрущев настолько был полон ненависти к соратникам Сталина, что даже опозорил его и обесчестил Мавзолей.

Лука, Теохари Георгеску, Анна Паукер и многие другие пали жертвами своей собственной жестокой системы.

Освобождение

Весной 1956 года высоко под крышей, вблизи от окна нашей камеры, свила себе гнездо пара ласточек.

Однажды щебетание возвестило нам, что вывелись птенцы. Один заключенный встал другому на плечи и заглянул в гнездо. "Их четверо", - воскликнул он. Ласточки-родители трудились неустанно. Вместо того, чтобы постоянно говорить о нашем освобождении, мы начали для разнообразия считать сколько раз прилетали и улетали ласточки, чтобы накормить своих птенцов. На день приходилось 250 полетов. Один старый крестьянин сказал нам: "Через 21 день они смогут летать". Остальные засмеялись. "Сами увидите", - сказал он. На 20-й день все еще ничего не происходило. Но на 21-й день все молодые птенцы вылетели из гнезда, порхая и громко чирикавая. Наша радость была огромной. "Бог составил для них расписание, - сказал я, - для нас Он может сделать то же самое".

Прошли недели. Казалось, что на самом деле разоблачение Сталина приняло вид "оттепели". И хотя это могло продлиться недолго, но многих заключенных освободили по амнистии. Буду ли я среди них? Эта мысль только огорчала меня: если они освободят меня сейчас, то кому тогда я смогу быть полезным? Мой сын вырос и вряд ли вспоминал о своем отце. Сабина привыкла справляться одна. У общины был другой пастор, доставлявший меньше неприятностей.

Однажды утром мои мысли, текущие в этом направлении, вдруг были прерваны голосом:

"На допрос, живо, вперед!"

Итак, снова грубость, страх, вопросы, на которые я должен буду искать лживые ответы. Я начал собирать свои вещи, когда охранник рявкнул: "Давай, давай, машина ждет!" Я поспешил за ним по коридору и по двору. Пока мы поднимались с ним по лестнице, железные двери открывались одни за другими.

Потом я оказался на улице. Нигде не было видно никакого автомобиля. Только был чиновник, который вручил мне бумажку. Я взял ее. Это было решение суда, свидетельствовавшего, что я попадал под амнистию и был освобожден.

Я уставился на бумажку, ничего не понимая. Я выяснил все, что требовалось: "Я же отсидел только восемь с половиной лет, а был приговорен к двадцати".

"Вы должны немедленно покинуть тюрьму. Это исходит от Верховного суда".

"Но я же должен отбыть еще двенадцать лет".

"Прекратите ваши аргументы! Убирайтесь отсюда!"

"Но вы только взгляните на меня". Моя рваная рубашка была серой от грязи. Брюки в сплошных заплатах выглядели как пестрая карта. Мои сапоги могли быть взяты напрокат у Чарли Чаплина. "Первый встречный полицейский задержит меня!"

"Здесь у нас нет одежды для вас. Проваливайте!"

Чиновник вернулся в тюрьму. Ворота за ним закрылись и задвинулся засов. За стенами тюрьмы не было видно ни души. Я стоял один посреди тихого летнего ландшафта. Теплый июньский день был таким тихим, что я мог слышать хлопотливое жужжание насекомых. Светлая проселочная дорога простиралась вдаль между деревьями, которые были удивительно густого зеленого цвета.

В тени нескольких каштанов паслись коровы.

Как было тихо!

Я громко воскликнул, чтобы меня могли услышать часовые на стенах: "О Господи, помоги мне радоваться своей свободе не больше, чем тому, что Ты был со мной в тюрьме!"

От Йлавы до Бухареста было пять километров. Я перекинул свой узел через плечо и пересек поле. Мое имущество состояло из коллекции лохмотьев с затхлым запахом. Но в тюрьме они были для меня настолько ценными, что я даже подумать не мог, чтобы оставить их. Скоро я оставил улицу и пошел по высокой траве. Время от времени я гладил шершавую кору деревьев и останавливался, чтобы полюбоваться на цветок или молодой листочек.

Навстречу мне шли двое людей. Это была старая крестьянская супружеская чета. Они остановили меня и с любопытством спросили: "Ты идешь оттуда?" Мужчина вынул один лей, монету, величиной в 10 пфеннингов, и протянул ее мне.

Я смотрел на лей в моей ладони, и чуть было не рассмеялся. Никогда раньше никто не

дарил мне лея.

"Дайте мне ваш адрес, чтобы я смог вам его вернуть", - сказал я.

"Нет, нет, оставь его себе", - обратился он ко мне, говоря мне "ты", как это делают румыны, обращаясь к детям и нищим.

Я двинулся дальше с узлом на плечах.

Еще одна женщина спросила меня: "Ты идешь оттуда?" Она хотела что-нибудь узнать о деревенском священнике из Йлавы, которого арестовали несколько месяцев назад. И хотя я не встречал его, но объяснил ей, что сам был пастором. Мы присели на обочину улицы. Я был счастлив найти кого-нибудь, кто бы хотел говорить про Иисуса, так как не спешил идти домой. Когда же я, наконец, снова собрался в путь, то она достала один лей, протянула его мне и сказала: "Возьми на трамвай".

"Но у меня уже есть один лей".

"Тогда возьми его ради Христа".

Я пошел дальше, пока не дошел до трамвайной остановки на краю города. Люди сразу узнавали, откуда я шел, и окружали меня со всех сторон. Они спрашивали об отцах, братьях, двоюродных братьях - у каждого был какой-нибудь родственник в тюрьме. Когда я сел в трамвай, то они не разрешили мне оплатить проезд. Многие встали и предлагали мне свое место. К освобожденным из заключения в Румынии издавна относятся с величайшим уважением. Итак, я сидел с моим узлом на коленях. Но когда вагон тронулся, я услышал на улице возглас: "Стой, стой!" У меня чуть не остановилось сердце. Трамвайный вагон рывком остановился, когда полицейский на своем мотоцикле вдруг завернул в сторону. Произошла ошибка - он ехал, чтобы вернуть меня назад! Однако нет, водитель повернулся к нам и крикнул: "Он говорит, что сзади кто-то висит на подножке".

Рядом со мной сидела женщина с корзиной, полной спелой клубники. Я смотрел на нее, не веря своим глазам.

"Ты не ел еще клубнику в этом году?" - спросила она. "Не ел уже восемь лет", - ответил я. Она сказала: "Пожалуйста, возьми". И насыпала в мои руки нежных, спелых ягод.

Я ел, как голодный ребенок, набив полный рот. Наконец, я остановился перед дверью своего дома. Некоторое время я медлил. Они были не готовы к моему приходу. Грязный и оборванный я являл собой ужасающую картину. Потом я открыл дверь. В подъезде стояло несколько молодых людей, среди которых был долговязый юноша. Он уставился на меня. "Отец!" - вырвалось у него.

Это был мой сын Михай. В последний раз я видел его, когда ему было девять лет. Теперь ему было восемнадцать.

Потом навстречу вышла моя жена. Ее тонко очерченное лицо стало еще тоньше, но волосы все еще были черными. Я нашел ее прекраснее, чем когда-либо. Перед моими глазами все поплыло. Когда она обняла меня, я с величайшим трудом смог произнести: "Прежде, чем мы поцелуемся, я должен тебе что-то сказать: не думай, что я просто пришел из беды в радость. Я перехожу из радости со Христом в тюрьме в радость с Ним домой. Я не возвращаюсь домой с чужбины, а возвращаюсь из отчего дома в тюрьме в отчий дом к тебе".

Она всхлипнула. Я сказал: "Теперь можешь поцеловать меня, если хочешь". Потом я тихо пропел ей короткую песню. Я сочинил ее для нее уже несколько лет тому назад, чтобы пропеть ей, когда мы снова увидимся.

Пришел Михай и объявил, что квартира полна народа, и что они не хотят уходить, не поздоровавшись со мной.

Члены нашей общины обзвонили весь Бухарест. Непрерывно раздавались звонки в дверь. Старые друзья приводили с собой новых. Люди должны были уйти, чтобы уступить место другим. Всякий раз, когда меня представляли женщине, то я должен был делать вежливый поклон в своих смешных брюках, державшихся на бинте. Когда, наконец, все ушли, была почти полночь. Сабина настаивала, чтобы я поел.

Но я не испытывал голода. "Сегодня у нас было радости через край, сказал я. - Давай завтра устроим постный и благодарственный день, а перед ужином прославим Святое

причастие".

Я повернулся к Михаю. Трое гостей, среди которых был университетский профессор философии и которых я пока не знал, рассказали мне сегодня вечером, что мой сын привел их к вере в Иисуса. А я боялся, что один, без отца и матери, он погибнет!

Я не мог выразить свою радость словами. Михай сказал: "Отец, ты так много пережил. Я хотел бы знать, чему научился ты, пережив эти страдания?"

Я обнял его и сказал: "Михай, за все это время я почти забыл Библию. Но четыре вещи всегда были очевидными для меня: Есть Бог, Христос - это Наш Спаситель, есть вечная жизнь, а самое высшее - это любовь".

"Это все, что я хотел знать", - сказал мой сын. Позднее он рассказал мне, что решил изучать богословие.

В эту ночь я не мог заснуть в своей мягкой чистой постели. Я сел и раскрыл Библию. Я искал книгу пророка Даниила, которая всегда была моей любимой книгой. Но я не мог найти ее. Вместо этого, мой взгляд остановился на строке из 3-го Послания Иоанна: "Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине".

Подпольная работа продолжается

Весть о том, что я согласился прочитать ряд лекций в старом румынском университетском городе, была сразу же сообщена правительству. Заодно предупредили, что моей целью является, прикрывшись лекциями по христианской философии, дискредитировать марксизм и подстрекать к этому студентов. Рьяным доносчиком на сей раз выступил баптистский проповедник. Он сказал мне в лицо о том, что сделал.

Я не удивился, что он поступил таким образом. После моего освобождения я встречал многих его коллег-священников, пасторов и даже епископов, которые регулярно передавали информацию такого рода в министерство по делам религий. Обычно речь шла об отчетах о собственных прихожанах, и, большинстве случаев, духовенство стыдилось своих поступков и скорбело о них. Они говорили, что меньше всего заботились о собственной безопасности, скорее они намерены были сохранить свои церкви от закрытия. В каждом городе находились полицейские, уполномоченные министерством по делам религий, которые регулярно расспрашивали о поведении прихожан. Независимо от политических взглядов, они хотели знать, кто из прихожан часто причащается, кто из них пытался обратить людей ко Христу и какие грехи исповедовали некоторые из них. Тот, кто отказывался отвечать на подобные вопросы, сразу же увольнялся. Если не находилось подходящего служителя, который мог бы заменить уволенного, церковь закрывали. Это привело к тому, что в Румынии оказалось в то время четыре категории священнослужителей: те, которые сидели в тюрьме; те, которые под нажимом представляли отчет, но старались сообщить как можно меньше; те, которые пожимали плечами, делая вид, что не знают, о чем идет речь, и те, которые находили удовольствие в доносах. Существовали и другие священнослужители, которые не занимались информированием властей, но лишь немногие из них никогда не шли на компромисс с коммунизмом. Многие пастыри, исполнявшие свои обязанности и обладавшие чувством собственного достоинства, отказывались от коллаборационизма. Но это кончалось плохо для них, они весьма быстро теряли разрешение на проповедь. Но предатели - точно так же, как уличные девицы - наглостью добивались больших успехов, и к ним принадлежали также мои баптистские коллеги.

После этого предостережения официальный шпик по фамилии Ругояну сразу же начал слежку. В министерстве по делам религий также служили партийные работники. Некоторые из них были не заинтересованы в использовании своей власти, но другие старались ее проявлять для того, чтобы вытягивать из кармана священнослужителей "взнос за покровительство" им. Ругояну же был фанатиком, он переходил от церкви к церкви и неустанно шпионил за контрреволюционерами. Появился он собственной персоной и на моих лекциях.

На первом вечере в Клузе присутствовала одна группа студентов, приблизительно 50 человек, и несколько профессоров богословия. Поскольку Дарвин и его теория эволюции

постоянно обсуждалась в лекциях по богослужению, я тоже попытался заговорить об этом. Я сказал, что новая прогрессивная социалистическая Румыния отвергает всю совокупность идей капитализма. И поэтому не странно ли, что английскому буржуа Чарльзу Дарвину делается исключение? Ругояну, готовый вот-вот выпрыгнуть, сидел в своем ряду и смотрел на меня. Я ответил на его взгляд и продолжал: "Сын врача хотел бы стать врачом, а сын композитора - музыкантом. Сын художника также стремится получить профессию художника. Я бы мог продолжать дальше в том же духе. Если вы верите, что вас создал Бог, то вы будете стараться быть похожими на него. Если вы, наоборот, предпочитаете думать, что произошли от обезьяны, то вы подвергаетесь опасности превратиться в животное".

Я начал свои лекции в понедельник. Во вторник число слушателей удвоилось. А в конце недели на меня уже были устремлены свыше тысячи пар глаз. Казалось, что весь университет столпился в соборе. Я знал, что у многих из них была страстная потребность услышать правду, но они боялись последствий этой правды. Поэтому я рассказал им одну историю и дал совет, полученный мною от одного пастора, которого убили за веру национал-социалисты. Он сказал мне: "Принесите свое тело в жертву Богу, когда вы отдаете его тем, кто хочет избивать вас и издеваться над вами. Когда Иисус узнал, что Ему предстояло распятие, Он сказал: "Кончилось, пришел час!" Его время было временем страданий, но для Него это было также радостью, умереть за спасение человечества. Мы также должны рассматривать свои страдания, как задание, которое поручил нам Бог. Апостол Павел писал в Послании к Римлянам: "Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, священную, благоугодную Богу, для разумного служения вашего..."

Я смотрел на молчаливое собрание. На какой-то миг мне показалось, будто я снова стоял в церкви во время войны, когда жестокие парни из Железной Гвардии один за другим со своими револьверами, входили в церковь. Воздух был пронизан опасностью. И не только в том месте, где Ругояну делал свои записи.

Я продолжал: "Не дайте застать себя врасплах из-за переживаемых страданий. Думайте об этом чаще. Познайте духом добродетели Христа и его святых. Пастор, о котором я только что говорил, мой учитель, он умер за веру. Он дал мне рецепт одной настойки от страданий. Я хочу дать вам этот рецепт".

Я рассказал им историю одного врача времен раннего христианства. Царь по ошибке бросил его в тюрьму. Спустя несколько недель, его семье разрешили навестить его. Вначале они все заплакали. Одежда на нем висела лохмотьями, его ежедневная пища состояла из куска хлеба и кружки воды. Но потом вдруг его жена удивленно спросила:

"Как это тебе удалось, так хорошо выглядеть? Можно подумать, что ты только что пришел со свадьбы". Врач ответил, улыбаясь, что нашел лекарство от всех бед. Члены его семьи спросили, что же это такое. И он рассказал им: "Я открыл настойку из лекарственных трав, которая помогает от всех бед и забот. Она содержит семь трав. Я назову их вам.

Первая называется невзыскательностью. Будь доволен тем, что имеешь. Я могу дрожать в своих лохмотьях от холода, пока грызу свою хлебную корку. Но мне пришлось бы намного хуже, если бы царь бросил меня голым в темницу, где бы я вообще не получал бы никакой еды.

Вторая трава - это здравый смысл. Буду я радостным или печальным, но это не изменит того факта, что я нахожусь в тюрьме. Зачем же тогда роптать?

Третья - это воспоминание о прошлых грехах. Подсчитай их и предположи, что на каждый грех приходится один день тюрьмы и сосчитай, сколько времени ты должен провести за решеткой? Ты еще хорошо отделался.

Четвертая - это мысль о страданиях, которые Христос перенес за нас с радостью. Если единственный Человек, который мог Сам выбирать Свою судьбу на земле, решил на путь страданий, то какое большое значение Он должен был придать им. Итак, мы видим, что страдание, перенесенное с радостью и спокойствием, приносит облегчение.

Пятая трава - это сознание того, что страдания посланы нам от Бога, как от Отца. Не для того, чтобы причинить нам вред, но чтобы очистить и освятить нас. Страдания, через

которые нам надо пройти, должны очистить нас и подготовить к раю.

Шестая - это знание того, что никакое страдание не может разрушить жизнь христианина. Если плотские радости являются нашим единственным благом, то боли и тюрьма скоро положат конец нашей цели в жизни. Но если в центре нашей жизни стоит правда, тогда обладаешь чем-то таким, что не сможет изменить никакая тюремная камера. Находишься ли в тюрьме или нет, дважды два всегда будет четыре. Тюрьма не может заставить меня перестать любить. Прутья решетки не в состоянии закрыть для меня веру. Если эти идеалы составляют мою жизнь, то я могу в любом месте быть веселым и спокойным.

И последняя травка в рецепте- это надежда. Колесо жизни, может, и занесло в тюрьму царского врача, но оно вертится дальше. Оно может вернуть меня снова во дворец или даже на трон".

Я сделал небольшую паузу. Стояла тишина. "С тех пор я выпил целые бочки этой настойки, - сказал я, - иямогу рекомендовать ее вам. Она оказалась превосходной".

Когда я закончил лекцию, Ругояну встал и, ни разу не обернувшись, стал пробираться к выходу из собора. Я спустился с церковной кафедры. В собрании шла негромкая беседа.

На улице меня приветствовали студенты аплодисментами и возгласами одобрения. Каждый хотел протянуть мне руку. Я позвонил Сабине, она радовалась моим действиям, хотя и знала, что последуют ответные меры.

Уже на следующий день меня вызвали к моему епископу. Он сообщил мне, что Ругояну начал чинить мне препятствия. Он докладывал мне о жалобах на меня со стороны министерства по делам религий, когда в комнату важно вошел сам Ругояну. "Ах, вы! - воскликнул он. - Какие отговорки вы попытаетесь снова придумать? Поток антигосударственных высказываний! Я это слышал собственными ушами!"

Я спросил, что же все-таки ему не понравилось в частности. Все было плохо, особенно мое лечение против страданий.

"А какие недостатки вы все-таки нашли в моей настойке? спросил я. - С какой травкой вы не согласны?"

"Вы рассказали им, что колесо все еще вертится, - сказал он резко. - Но вы заблуждаетесь в своем контрреволюционном утверждении! Колесо не будет вертеться, мой друг! Коммунизм есть и останется здесь навсегда!" Его лицо было искажено от ненависти.

"Я не упоминал про коммунизм, - ответил я. - Я только лишь сказал, что колесо жизни постоянно вращается. Так я был в тюрьме, а сейчас свободен. Я был болен, а теперь чувствую себя лучше. Я потерял свой приход, но теперь могу снова работать".

"Нет, нет, нет, вы полагали, что коммунизм падет, и все точно знали, о чем вы думаете. Даже и не воображайте себе, что об этом было сказано последнее слово!" Ругояну собрал руководящих церковных служащих в резиденции епископа города Клужа, где меня обвинили в том, что я хотел отравить молодежь завуалированными нападками против правительства.

"Можете быть спокойны, он больше никогда не будет проповедовать", кричал Ругояну, все больше приходя в бешенство. Это производило отвратительное впечатление. Наконец, он закричал: "С Вурмбрандтом покончено! С Вурмбрандтом - покончено!" Потом он схватил шляпу и пальто и покинул здание.

Он прошел около ста метров, когда машину, которая хотела пропустить собаку, занесло, она въехала на тротуар и вмяла Ругояну в стену. Он скончался на месте.

Последние слова Ругояну и история о том, что за ними последовало, стали скоро известны во всей Румынии. В эти годы Господь очень часто подавал нам знаки.

Запрещение служить пастором, не мешало, однако мне проповедовать. Но теперь я должен был действовать тайно, как делал это тогда после войны среди советских солдат. Другую опасность представляли визиты бывших тюремных товарищей, которые приходили за советом и помощью. Многие из них уже стали шпиками и пытались одурачить меня. Эти несчастные люди ожидали слишком многого от своего освобождения. После того, как они убеждались, что их семейная жизнь была разрушена, они обращались в погоню за

сексуальными наслаждениями и пытались наверстать потерянную юность. Это обычно стоило больших денег, которые они не могли достать. И кратчайший путь к новым отношениям с правительством и получение денег лежал через снабжение партии информацией. Свобода для мужчин была еще большей трагедией, чем их пребывание в тюрьме.

Лучшей защитой от шпииков были предостережения друзей, которые работали в тайной полиции. Многие наши братья по вере занимали какие-либо посты в партии. Так, в нашей среде были молодые супруги, которые в течение дня работали в отделе пропаганды. Вечера они проводили с нами в молитве. Иногда мы собирались на квартире одного из руководящих офицеров тайной полиции во время его отсутствия. Его домашняя работница также принадлежала к нашему кругу. Иногда мы встречались в подвалах, на чердаках, квартирах, сдаваемых внаем, и в крестьянских домах. Наши богослужения были такими же простыми и прекрасными, как у первых христиан 1900 лет тому назад. Мы громко пели. Если кто-то задавал вопросы, интересуясь, чем мы занимаемся, то мы отвечали, что праздновали день рождения. Христианские семьи, состоявшие из троих или четверых членов семьи, дни рождения праздновали иногда по 35 раз в году. Иногда мы встречались под открытым небом. Небо было нашим собором, пение птиц было для нас музыкой, цветы заменяли кадение. Звезды были нашими свечами. Ангелы были служителями алтаря, которые их зажигали; а поношенный костюм мученика, только что выпущенного из тюрьмы, был для нас дороже самых прекрасных облачений священников.

Опять арестован

Я, конечно знал, что рано или поздно меня вновь арестуют. После восстания в Венгрии положение с каждым месяцем становилось все труднее. Хрущев объявил новый семилетний план: "Все пережитки суеверия должны быть искоренены". Церкви были закрыты или преобразованы в клубы, музеи или зернохранилища. Тех, кого поносили в партийных газетах, как "мошенников в черных рясах" набралось около тысячи.

Я молился: "Господи! Если Ты знаешь в тюрьме людей, которым я могу помочь, и души, которые я могу спасти, тогда пошли меня туда назад. Я хочу это понести". Сабина помедлила немного, а потом сказала: "Аминь". В это время она была наполнена внутренней радостью, происходившей от сознания того, что скоро мы будем служить Христу более совершенным образом. Я снова размышлял о том, не ошибочным ли был тот образ, который мы составили о Богоматери, когда она стояла у Креста, наполненная скорбью. Не заполняла ли Ее и радость от мысли, что Ее Сын должен стать Спасителем мира? 15 января 1959 года в 1 час ночи меня забрали. Наша маленькая квартира на мансарде была перевернута верх дном во время четырех часового обыска. Мой сын нашел свой ремень за отодвинутым шкафом. "А говорят, что тайная полиция ни на что не годится, заметил он.

- Я искал его по все квартире". На следующий день его выгнали из вечерней школы за наглость.

Когда меня увели, Сабина подняла с пола мою Библию. На маленькой бумажке у меня была записана фраза из Послания к Евреям (часть 11, 35): "Верую... жены получали умерших своих воскресшими". А под этим я написал: "И на такой женщине я женат".

Снова тюрьма и ее плоды

Еще было темно, тротуары подмерзающей улицы были покрыты снежной грязью, когда мы прибыли в президиум полиции. Я прошел привычную процедуру приема. Потом охранники повели меня в камеру. Там я увидел одного мужчину в возрасте около тридцати лет по фамилии Драгичи. Это был один из руководителей по переобучению в Питешти, который не мог не вызывать в тех, кто его знал, чувство ненависти. Каждый раз, когда открывалась дверь, он вскакивал. "Простите, что я такой беспокойный, - говорил он.- Я не знаю, то ли меня поведут в ванну, то ли на расстрел. Я уже четыре года назад приговорен к смертной казни".

Драгичи рассказал мне историю своей жизни. Юношей он очень почитал местного священника. Однажды священник сказал ему: "Твой отец - часовщик, попроси его, чтобы он

починил церковные часы за небольшую плату". Драгичи уговорил своего отца сделать работу бесплатно. Священник попросил его все же дать ему расписку в получении 500 лей. Так ему удалось присвоить деньги, полученные от церкви на починку часов. Драгичи добавил, язвительно ухмыльнувшись: "Наверное, я бы вырос христианином и год за годом жертвовал на церковь кучу денег, если бы не тот случай".

Его отец был пьяницей. Однажды он исчез вместе со всеми семейными сбережениями. В четырнадцать лет Драгичи добровольно вступил в Железную Гвардию, в основном, из-за зеленой униформы и маршей, и чтобы нравиться девушкам. Через несколько месяцев Железной Гвардии пришел конец. Драгичи отправился в тюрьму, а когда коммунисты захватили власть, он, как активный фашист, был автоматически приговорен к одиннадцати годам тюрьмы. После того, как он отсидел семь лет в Питешти, ему пообещали: "Если будешь избивать других заключенных, тебя выпустят на свободу".

"Тогда мне был 21 год, - рассказывал он, - у меня не было никакого желания оставаться в тюрьме. И я сделал так, как мне сказали. Я поверил им, а теперь должен за это умереть".

Мне казалось, что он уже был при смерти. У него был туберкулез. "Я не заслужил ничего другого", - сказал он.

Я лежал, не спал, слышал, как кашлял Драгичи и думал: "Если Господь призвал бы меня в этот момент и спросил: "Что ты думаешь о людях после 50 лет твоей жизни на земле?" Я бы ответил: "Человек - грешник, но настоящая вина лежит не в нем самом. Сатана и его злые ангелы постоянно трудятся над тем, чтобы сделать нас такими же отвратительными, как они сами".

Десять дней и ночей я дискутировал с Драгичи. "Вы стали преступником не по собственной воле, - сказал я, - однако чувство вашей вины требует искупления. Иисус принял наказание, которое заслужили вы по вашему собственному убеждению". На десятый день Драгичи разрыдался. Мы вместе с ним молились, и муки, терзающие его совесть так же, как страх были отняты у него. Так, уже в первые дни моего повторного заключения я получил ответ на свою просьбу - помогать другим заключенным.

25 лет

Вскоре меня доставили в Бухарестскую тюрьму - Уран. Майор тайной полиции пытался заставить меня назвать имена всех "контрреволюционеров", которых я знал.

Я сказал ему, что для меня было бы радостью назвать несколько контрреволюционеров, как в России, так и в другой стране. Многие тысячи из них были убиты во времена тридцатых годов в Советском Союзе Ягодой, тогдашним министром внутренних дел. В конце концов, Ягода был разоблачен как контрреволюционер. Потом были сведены в могилу сотни тысяч членов тайной полиции при его последователе Берии, пока не расстреляли и Берия. Затем я добавил, что величайшим врагом революции, убийцей миллионов, был Иосиф Сталин. Тем временем его убрали из могилы на Красной площади. По моему мнению, контрреволюционеров лучше искать в других местах, чем в маленькой общине.

Офицер приказал, чтобы меня избили и заключили в одиночную камеру. Там я оставался до своего судебного процесса. Это было десятиминутное повторение того моего процесса, который происходил десять лет назад. Состоялось тайное заседание. На этот раз на нем присутствовали моя жена и мой сын, чтобы услышать обвинение против меня.

Позднее в своей камере я ждал отправки в другую тюрьму. В то время, когда я рассказывал другим заключенным о Христе, вошел офицер и сообщил новое решение суда.

Я поблагодарил его и продолжал. Приговор был увеличен с двадцати лет на двадцать пять.

Христос возвратился

В транспортном автомобиле тайной полиции кроме меня находились еще и другие пасторы, которые только что были осуждены. После непродолжительной поездки автомобиль съехал с другой платформы и остановился. Я пал духом, так как знал, что снова оказался в подземной тюрьме Йлаве. Мы слышали крик: "Выходите!", - и дверцы автомобиля распахнулись.

Группа размахивающих дубинками охранников погнала нас с ударами вдоль по коридору. Они уже выпили и, при виде священников, разразились радостным ревом. Нам под ноги бросили серую грязную тюремную одежду. У тех, кто слишком медленно переодевался, срывали одежду с тела. Под громкий смех у нас подстригли бороды, и грубые руки выбрили наши головы. Полуголых и истекающих кровью согнали в большую камеру.

В февральскую стужу мы сидели на каменном полу, тесно прижавшись друг к другу. Вскоре, шатаясь, вошел охранник и заорал: "Все священники, вон!" Снаружи за дверью слышался приглушенный смех и сопение.

Мы промаршировали гуськом из камеры и снова должны были пройти сквозь строй ударов дубинками. Насколько могли, мы пытались закрыть наши головы руками. Кто падал, того били грубыми сапогами и плевали.

Через полчаса священников вызвали еще раз, но ни один из нас не пошевелился. Тогда охранники ворвались в камеру и начали избивать нас.

Я ухаживал за моими ближайшими соседями. Один из них потерял зубы, а его губы были сильно разбиты. Когда я вытирал ему с лица кровь, он сказал: "Я - архимандрит Гришtesку".

Мы познакомились с ним давным-давно. Тогда я ожидал аудиенции у православного патриарха. Мирон Гришtesку работал в его канцелярии, и я рассказал ему о своих трудностях. Он положил мне руку на плечи и сказал: "Брат, Христос возвратится, мы в это верим". Нечто подобное должен был говорить Божий человек, однако это случается редко. Я не забыл его, но теперь гладковыбритого, с лицом, покрытым кровью и грязью, его нельзя было узнать.

Мы сидели там часами и мерзли. Мирон Гришtesку рассказал нам, как он и другие люди вокруг патриарха пытались воспрепятствовать тому, чтобы церковь стала оружием государства. Они рассчитывали, что могли апеллировать к лучшей части души патриарха. Но Георгиу-Деж предпринял удачный шаг. Юстиниана направили с визитом в Москву, где ему еще больше вкружили голову. После его возвращения последовали удар за ударом; он перемещал католиков, униатов и всех внутри своей паствы, кто не хотел быть заодно с ним.

"И вот я здесь, как и все остальные, - сказал архимандрит Гришtesку. С моей стороны было бы ошибкой желать чего-либо добиться. Я должен был с самого начала оказать сопротивление".

"Не очень-то печальтесь из-за этих мыслей", - сказал я.

Он посмотрел на меня своими добрыми глазами и сказал: "Брат Вурмбрандт, мне знакома только одна печаль - о том, что я не святой".

Произнесенная с церковной кафедры эта фраза могла показаться прекрасной, но сказанные здесь в этой страшной камере, после жестоких побоев, эти слова открывали свое подлинное величие.

Грязь и побои

Когда через несколько дней мы присоединились к охраняемому транспорту, который ехал в горы, Мирон и я были вместе. Через несколько часов перед нашим взором появился трансильванский город Герла с высокими зданиями и тюрьмой. Здесь, в 1956 году, меня навестила моя жена во время моего двухмесячного пребывания.

По ту сторону высоких стен можно было видеть пульсирующую жизнь города. Заключенные неподвижно смотрели на постоянно меняющиеся картины и мечтали. Но после обеда пред нашими глазами предстала картина, которую трудно было вынести. Из школы возвращались дети, они кричали, смеялись и бежали домой наперегонки. Каждый из мужчин думал о своей семье.

В примитивном убежище, рассчитанном на 2.000 человек, было битком набито около 10.000 заключенных. Правительство оказывало такое же сильное давление, как и в худшие времена кампании по переобучению.

Летом прошлого года в Герла произошли серьезные бунты. В знак протеста против закованных ставней, которые не пропускали ни света, ни воздуха, заключенные

забаррикадировались в одном крыле здания. Охранники вышибли двери, и начался арьергардный бой. Вызвали на помощь милицию, которая открыла огонь. Среди заключенных были убитые и раненые. Рацион пищи был сведен до минимума. Сотни соучастников бунта были переведены в другие тюрьмы.

Мы - священники и пасторы - заняли теперь свое место рядом с тысячами других политических заключенных, угодивших за решетку во время новой волны арестов. Это были помещики, армейские офицеры, врачи, владельцы предприятий и художественные ремесленники, отказавшиеся вступать в артели. Кроме них еще находились крестьяне, протестовавшие против окончательной конфискации их земли. После двух катастрофических пятилетних планов, Деж объявил о шестилетнем плане, который должен был продлиться до 1975 года - если, как заметил один заключенный, к тому времени еще хоть кто-то останется на свободе, чтобы осуществить его.

Нашими камерами были длинные, темные, шумные, похожие на казармы, комнаты. В каждой из них находилось от 50 до 60 нар и от 80 до 100 человек. Многие были вынуждены спать по двое, и это становилось для нас мукой. Кроме бесконечных шестивей к парашам, которые быстро переполнялись, спать мешали около дюжины закоренелых храпунов. Казалось, каждый из них совершенствовал свою собственную мелодию. Когда прекращал храпеть один, в полноразличный хор вступал другой. Днем тоже не было покоя. Дисциплина поддерживалась с помощью кнута и подбитых гвоздями сапог. Охранники имели обыкновение делать внезапные "визиты безопасности" в камеры. Своими деревянными молотками они стучали по оконным решеткам, чтобы убедиться, что они не были перепилены. Одновременно заключенные должны были рядами ложиться на пол на животы, чтобы их можно было пересчитать. Тогда охранники наступали ногами на каждого мужчину, чье имя выкрикивалось. Малейшее нарушение правил влекло за собой как минимум 25 ударов кнутом. Они выдавались под надзором врача, поскольку многие уже умерли от подобных наказаний. Вряд ли в тюрьме оставался хоть один человек, который не испытал бы порки. Многие из нас получили уже неоднократно по "25". Мы сходились на том, что розги были намного больше, чем дубинки или плети. След от каждого удара был столь болезненным, как ожог, спина словно бы опалялась в печи, а все нервы находились в глубоком шоке. При этом оказывалось, что порка отражалась и на охранниках, они лишались человеческого облика. Казалось, что кровь и власть пьянили даже самых лучших из них. И ежедневно они несли с собой яд жестокости из тюрьмы в мир людей.

Обычной угрозой при каждом проступке было: "Ты закончишь на Расса Сандор". Когда мы ели овсяную похлебку, Мирон спросил меня, что такое Расса Сандор?

"Это - кладбище, - сказал я. - Они всегда так говорят, не придавая значения".

Расса Сандор было тюремным кладбищем. Из окна можно было видеть его серые могильные камни, поросшие высоким бурьяном. Оно было названо по имени одного убийцы, который в прошлом веке был приговорен к двадцати годам тюремного заключения. Когда он однажды смотрел сквозь решетчатое окно Герлы вниз, то увидел в саду женщину с ребенком на руках. День за днем он наблюдал за обоими. Пришел священник, чтобы окрестить маленькую девочку. Праздновали первое причастие. Она пошла в школу и постепенно превратилась в молодую девушку. В течение всего этого времени Расса Сандор не выпускал ее из вида. Она стала смыслом его жизни. Он решил жениться на ней сразу, как только станет свободным. Наступил последний день, он покинул тюрьму и поспешил по улице. Там праздновалась свадьба. Конечно же, решил Сандор, она захотела встретить его возвращение именно таким образом. Он подбежал к девушке и сказал: "Я даже не могу выразить словами, как счастлив, что сегодня ты станешь моей женой!" Девушка пристально посмотрела на страшного беззубого Расса Сандора и начала смеяться. "Что только вообразил себе этот старый, глупый человек?" - спросила она. Потом она взяла за руку стоявшего рядом с ней юношу и сказала: "Вот мой жених". Расса Сандор смотрел на них широко открытыми глазами. Взорванный и обезумевший от боли, он схватил нож для резки жаркого и заколол обоих. Его повесили и похоронили на кладбище, которое с тех пор носит его имя.

"Ты еще закончишь на Расса Сандор!"

Эта без конца раздающаяся угроза напоминала нам ежедневно о том, что мы становились старше. Заключенные никогда не замечают ход времени. Им кажется, что они остаются в том же возрасте, в котором попали в тюрьму. Мечтая об оставленных молодых женах и возлюбленных, они никогда не представляли их измученными женщинами, к которым они смогли бы вернуться.

Даже часы над главным входом в Герла остановились. За шесть лет, которые я должен был провести там, ни одна из стрелок ни разу не шевельнулась.

Нерон

Комендантом тюрьмы был неуклюжий низкорослый человек с красным лицом, вылитый Нерон. Он мог есть, не переставая. Заключенные, которых приводили к майору Дорабанту, бывали просто потрясены, когда во время тирады его рука исчезала в ящике стола и появлялась с куском хлеба с колбасой или яблоком.

Примечательной была и моя первая встреча с ним. Я стоял навтыжку и выслушал многословные сумбурные излияния коменданта, сотрясаемого ненавистью. Казалось, что только две вещи не вызвали ненависти Дорабанту: еда и звучание его собственного голоса, "Ага, Вурмбрандт, - вскрикнул он, поедая песочное пирожное, которое падало у него из-за рта. Монах!"

Я сказал, что был пастором. "Пасторы, священники, монахи! Для меня это все едино. Вы обдираете бедняков, чтобы набить собственное гнездо. Я знаю точно!" Он шарил руками, как клоун, рассказывая мне истории из своего убогого детства. Он пас овец своего отца вблизи одного из богатейших монастырей Румынии. Когда несколько животных забрели на землю, принадлежавшую церкви, монахи жестоко избили его.

"Вурмбрандт, каково видеть, как однажды священник стреляет из двустволки в голодного ребенка? Прекрасная священная картина!"

Дорабанту также жаловался, что его эксплуатировали на фабрике, где он был рабочим. Дважды или трижды он пользовался случаем, чтобы отплатить капиталистам и священникам.

В нашей камере было несколько отъявленных убийц и воров. Кто-то из них убил коммуниста. Довольно часто воровство квалифицировалось как экономический саботаж. И поэтому воров зачисляли в разряд политических преступников. Некоторые из моих сокамерников совершили военные преступления и были приговорены к пожизненному заключению за убийство русских и евреев. Это были злые, ожесточенные люди, и на все мои попытки утешить их, они попросту отвечали рычанием. Особенно недружелюбными были со мной те, кто убивал евреев. И если меня спрашивали об этом, то я чаще всего выражал симпатию к моему народу, утверждая при этом свое право на свободу вероисповедания. Я выбрал иную веру, чем большинство моих соотечественников. Как-то однажды я стал говорить в углу с одним мужчиной на эту тему, и в это время подошли другие заключенные.

"Мы говорили тебе, чтобы ты заткнул глотку!" - проворчал старший по камере. Я поднялся. Кто-то толкнул меня, другой подставил ногу, и я упал плашмя на лицо. Я почувствовал сильный удар в ребра, но когда вся банда навалилась на меня, раздался предостерегающий оклик.

Охранник увидел в глазок драку и вызвал на подмогу других охранников. Толпа рассеялась. А когда отворилась дверь камеры, каждый уже сидел на своих нарах.

"Вурмбрандт!" - комендант позвал меня. Пока он бродил по тюрьме, он услышал о том, что произошло в камере. Охранник узнал меня, самого высокого в камере, но в полутьме не мог установить, кто был нападающим. "Вурмбрандт, кто это был?"

Я дотронулся до своих израненных губ и сказал, что не смогу на это ответить.

"Почему нет?" "Как христианин, я люблю своих друзей и прощаю их. Я не донесу на них".

"Тогда ты - идиот", - выпалил Дорабанту.

"В этом вы правы, - сказал я, - каждый человек, кто не является христианином от всего сердца, идиот".

"Неужели ты меня называешь идиотом?" - прогремел комендант.

"Этого я не говорил. Я только выразил мнение, что не являюсь таким хорошим христианином, каким должен бы быть".

Дорабанту ударил ладонью по лбу: "Увести его, 30 ударов!"

Когда я вернулся в камеру, охранники все еще были заняты тем, что расспрашивали заключенных. И поскольку не последовало показаний, никого больше не наказали. Но с этих пор у меня уже не было столько помех, когда я пытался проповедовать.

Рассказы и действительность

Камера была переполнена, и я был зажат на нарах между двумя мужчинами. Они спорили меж собой, словно хищные птицы во время линьки, запертые в одной клетке. Высоких худой эксфельдфебель расстрелял сотни евреев, выполняя приказ.

Его противник - Василе, "экономический саботажник", возлагал на Григоре всю ответственность за причиненную ему несправедливость. Василе, маленький и тощий, очень быстро нашел уязвимое место своего противника. Его лицо искажалось, выражая торжество, когда он извергал слово: "Убийца!" Григоре отворачивался и не мог найти ответа.

Я сказал Василе: "Зачем ты так говоришь? Он - старый и больной, и мы не знаем, где он будет проводить вечность. Если он будет у Иисуса, то ты оскорбляешь будущего небожителя. А если ему суждено попасть в ад, то зачем ты своими проклятиями увеличиваешь его страдания?"

Вор удивленно посмотрел на меня: "Разве вы не знаете, сколько русских евреев застрелил этот мерзавец?"

"Но это же случилось 20 лет тому назад во время страшной войны, возразил я. - За это он заплатил 15-ю годами тюрьмы, голода и побоев. Будешь ли ты называть меня клоуном за то, что я, будучи трехлетним ребенком, кувыркался, или неграмотным, оттого, что в четыре года я еще не мог читать? Это дело прошлое".

Василе был рассержен. На следующий день одна группа, находившаяся неподалеку от меня, стала рассуждать о том, чтобы они сделали с русскими, если бы представилась такая возможность.

"Повесить - это слишком мягко для них! - завизжал Василе. - Содрать кожу с живых - вот это было бы как раз для них".

Наконец, я не смог этого выносить и сказал им, что нельзя так обращаться ни с русскими, ни еще с кем-либо.

"Но еще вчера, - протестовал Василе, - вы взяли под свою защиту человека, который убил сотни русских, а теперь утверждаете, что убивать русских - это неправильно".

Воспоминание о своих преступлениях делало Григоре крайне несчастным. "Значит, это и есть искупление, если я так сильно страдаю и буду вынужден еще здесь страдать?"

"Да, Библия говорит, что тот, кто пострадал своим телом, искупил грех". Я рассказал ему о нищем Лазаре, который страдал и попал в рай. "Если вы верите в Христа, вы спасетесь", сказал я потом.

"Люди здесь думают иначе, - сказал Григоре. - А как же с Эйхманом [35], которого они повесили в Израиле?" "У нас нет доказательств, что он страдал, но, в любом случае, я придерживаюсь мнения, что нельзя сажать человека на скамью подсудимых из-за преступления, совершенного так давно. Он может измениться. И я уверен, что многие евреи думают также". (Только год спустя я услышал, что великий еврейский мыслитель Мартин Бубер заявил протест против смертного приговора Эйхману).

Григоре сказал: "Я уже больше не тот, потому что раскаялся в своих поступках. Однако другие, пожалуй, готовы совершить то же самое снова".

"Никого нельзя наказывать за то, что он мог бы совершить в будущем. Злость - это часть нашего существа. Некоторые из самых плохих людей обладают в то же время большими добродетелями, и вы, Григоре, также".

Эта мысль немного развеселила его. Нередко в нашей камере звучал также и смех. Радость свидетельствует о Божьем присутствии в человеке, радость же без веры -

необъяснима.

Профессор Попп

Когда прибыла новая группа заключенных, то, к своему ужасу, я узнал среди них профессора Поппа. Он выглядел больным и еле-еле передвигался. После амнистии 1956 года мы больше не встречались с ним, а мои письма к нему оставались без ответа. В тот же вечер Попп объяснил мне причину.

Он, как и многие другие заключенные, выпущенные на свободу, кинулся в погоню за удовольствиями. "Я был как изголодавшийся! - рассказывал он. - Я боялся, что моя жизнь уже прошла. Я должен был доказать самому себе, что могу еще радоваться. Я истратил свои деньги, слишком много пил и оставил свою жену ради более молодой. Потом я сожалел об этом; я не забыл, что было ценно для меня, как христианина. Я хотел разыскать вас, но вы были далеко. Таким образом, я рассказал обо всем другому пастору и сказал, что коммунизм повинен в том, что наша страна гибнет. Он выслушал меня, а потом донес".

Попп был снова приговорен к тюремному заключению на 12 лет. Его первое пребывание в тюрьме раскрыло его внутреннюю силу и все хорошее. Тогда он, как морская птица, поднимался ввысь против ветра, и опускался снова, когда ветер стихал. Но теперь его воля была слабой. Я пытался вернуть его к Богу, однако жизнь казалась ему совершенно бессмысленной.

Он рассказал, что вскоре после своего осуждения, он был оповещен о своих "торжественных похоронах". Это было новшеством в жизни Народной республики. Когда контрреволюционер попадал в тюрьму, партийный работник созывал его коллег, друзей и членов семьи и объявлял собравшимся: "Товарищи, этот человек мертв - для всех и навсегда. Мы здесь собрались для того, чтобы похоронить воспоминание о нем". Одно за другим разоблачались его преступления против государства перед "скорбящими". Дочь Поппа, которая была вдовой, тоже принимала в этом участие. Если бы она отказалась, то наверняка потеряла бы свою работу, а она была матерью троих маленьких детей.

На следующий день Поппа прикрепили ко мне на работу. Мы должны были шваброй тереть пол большой камеры от одного конца до другого. Мы уже было почти закончили работу, когда заключенный, назначенный охранниками старшим по комнате, подошел к нам и ногой опрокинул ведро с грязной водой. "Теперь начинайте еще раз сначала!" - сказал он. Наконец пришел охранник инспектировать. Он схватил старшего по комнате, наклонил его лицом вниз, где было немного грязи, которую принес сам же своими сапогами. "Грязь!" прорычал он. И так мы терли пол еще в течение часа под пинками и оскорблениями старшего по комнате. Угнетенный - это худший угнетатель.

Попп дрожал от усталости, видно, это происшествие было ему не под силу.

Чтобы отвлечь его внимание, я познакомил его за едой с пастором Гастоном. На лице Гастона возникло выражение ужаса. Попп отвернулся и закрыл глаза.

Со временем профессор все больше уходил в себя. Мы должны были заставлять его есть и помогать ему каждое утро справляться со своими делами. Он не смеялся, не плакал и ни коим образом не участвовал в жизни обитателей камеры. Но однажды утром, раздраженный насмешливым замечанием нашего старшего по комнате, Попп вцепился ему в горло и стал его душить, как сумасшедший, пока два охранника не избили его дубинками. Без сознания его доставили в отделение для больных. На следующий день мы узнали, что он умер.

Жизнь после смерти

Этот трагический случай опечалил всех нас. Пока одни молились по православному обычаю за душу Поппа, Гастон молча лежал на своих нарах. Когда я начал говорить о вечной жизни, он встал и отошел в другое место.

В этот вечер в камере говорили о жизни после смерти. Спросили Гастона, что думал он по этому вопросу.

"Прогрессивные униаты не верят в жизнь после смерти", сказал он.

"Но мы сейчас разговариваем не с прогрессивными униатами, - возразил я, - мы

разговариваем с вами. Мы хотим иметь мужество быть самими собой. Не всегда мы - католики, мы протестанты, мы - румыны!.."

"Ну, хорошо, лично я в это не верю".

"Когда вы говорите о личном мнении, - сказал я, - то это первый шаг к вере, потому что личность - это величайший дар Божий людям; это единственное, что останется, в то время, как тело подвержено изменениям. Атомы кислорода и воды одинаковы в моем и вашем теле. Мою и вашу температуру тела можно измерить одинаковым прибором. Вся физическая энергия, химическая, как и электрическая, у одного человека такая же, как и у другого. Но мои мысли, мои чувства, моя воля свойственны мне одному. Физическая энергия это как бы карта покера без тиснения. А духовная энергия похожа на монету, носящую изображение короля. На каком основании она должна разделять судьбу тела?"

Флореску, сидевший на табуретке, изрыгнул непристойное ругательство и сказал: "Я верю в то, что могу увидеть, попробовать и почувствовать. Мы все - лишь только материя, как этот кусок дерева, на котором я сижу. Когда умираешь, тогда как раз и конец рабочего дня!"

Я подошел к нему и ударил ногой по табуретке, на которой он сидел.

Табуретка отлетела в другой угол, а Флореску с глухим шумом ударился о пол. Разъяренный, он снова встал на ноги и хотел броситься на меня, но другие заключенные удерживали его.

"Что это должно значить?" - свирепо воскликнул он.

"Ты же утверждал, что ты такая же материя, как табуретка, мягко возразил я, - но табуретка не пожаловалась ни единым словом".

Раздался смех, который подхватил даже Гастон.

"Прости меня, Флореску, - сказал я, - я только хотел доказать, что материя не реагирует ни на любовь, ни на ненависть и этим существенно отличается от нас".

Флореску некоторое время дулся, а потом снова прервал нас: "Возможно, я смог бы поверить, если бы умершие однажды вернулись и поговорили со мной".

"Я уверен, что люди уже имели контакты с умершими, - ответил я. Великие ученые от Ньютона [36] до сэра Оливера Лоджа верили в спиритизм. В Библии описывается, как царь Саул вызывал умершего Самуила. И хотя писание это запрещает, но говорит, что такое возможно".

Шум из-за табуретки заставил прислушаться других, и я начал серьезно проповедовать о жизни после смерти. Для нас это не было академическим вопросом, это была тема, преисполненная жгучего, непосредственного интереса. В Герла люди умирали каждый день.

"Если бы Бог создал нас только для этой жизни, - сказал я, - то тогда Он дал бы нам вначале старость и ее мудрость, и только потом молодость с ее жизненной силой. Кажется, бессмысленным собирать знания и опыт, чтобы взять их с собой в могилу. Лютер сравнивает нашу жизнь на земле с жизнью еще не родившегося ребенка. Он говорит, что, если бы эмбрион в утробе матери мог бы размышлять, он бы удивился, почему у него растут руки и ноги. Он, конечно, пришел бы к убеждению, что должен быть будущий мир, в котором он будет играть, бегать, работать. Нас также как эмбрионов, готовят к будущему образу жизни".

Я забыл про охранников и возвысил свой голос, чтобы моя проповедь была слышна тем заключенным, которые лежали на нарах, висевших до потолка.

В мрачной полутьме, которую, казалось бы, еще усугубляла висящая над нами слабая лампочка, на меня было устремлено много глаз. Я продолжал: "Положим, я хотел бы доказать, что поллитровая бутылка может вместить пять литров молока. Вы признали бы меня сумасшедшим. Однако, в моей голове могут одновременно находиться мысли о таком событии, как всемирный потоп, который произошел несколько тысячелетий тому назад. Я могу себе представить мою жену и моего сына в комнате, в которой я их оставил; я могу думать о Боге и о дьяволе. Как происходит, что тесное пространство моей головы может вместить вещи повседневной жизни, и в то же время бесконечное и вечное. Необъятное может быть измерено только чем-то таким, что тоже является необъятным. Духом. Если твой

дух, которого ничто не может ограничить, может достичь всего во времени и пространстве, то как можешь ты тогда верить в то, что он может разделять судьбу этой оболочки - нашего тела?"

Пока я говорил об этих вещах, царила такая тишина, которую никогда не встретишь в церкви. Никто не зевал, никто не был беспокоен, никто не позволял рассеиваться своим мыслям. Заключенные в грязной одежде, с впалыми щеками и большими от голода глазами воспринимали это благовестие о жизни после смерти так, как испытывавшая жажду земля встречает дождь.

Священник без надежды

На следующее утро я проснулся раньше общего подъема и увидел, что нары Гастона были пустыми. Потом я узнал очертания его худой фигуры у окна. Накинув на плечи свое одеяло, я присоединился к нему. Мы смотрели сквозь решетки вниз. Брезжил рассвет. Двор был укрыт туманом, но мы смогли увидеть ряд черных гробов, стоявших неподалеку от главных ворот. В них лежали те, кто умер в течение последних 24 часов. В одном из них должен был находиться Попп. В Герла это было привычным зрелищем, и я удивился, что Гастон встал так рано именно в этот день, чтобы посмотреть. Я попробовал уговорить его снова лечь в постель, но он не двинулся с места.

Перед нашим взором охранник пересек двор и приподнял крышки гробов, чтобы были видны покойники. За ним следовала неуклюжая фигура с пикой в руке. Она размахивала ею, и по очереди втыкала в каждый труп.

"Пошли, Господи, мир их душам", - сказал я. Охранники хотели удостовериться, что никого из них не было в живых, что ни один беглец не занял место трупа. Гастон дрожал. Я накинул на него одеяло, но он продолжал стоять у окна и смотрел, как снова закрыли гробы, погрузив их на грузовик, который должен был доставить мертвых на кладбище Россасандор.

После этого Гастон целыми днями размышлял. Что могло происходить в нем - неизвестно, он не хотел с нами этим делиться. Все мои попытки помочь ему, он отвергал. Вечерами он слушал, как другие заключенные попеременно рассказывали истории, и только однажды решил прервать свое молчание.

Заключенные переглянулись. Гастон так долго был молчалив и угрюм, что они не знали, что сейчас последует. Он рассказал: "Однажды, как раз перед моим арестом, я сидел в ресторане. Я думал, что хорошая еда могла бы поднять мое настроение. Я повесил свое пальто недалеко от углового стола и позволил себе заказать все, чего мне захотелось съесть. Один гость, обеспокоенно смотря на меня встал, решив заговорить со мной. Но я отмахнулся. "Прошу, сказал я, - у нас у всех свои заботы, и я хотел бы спокойно пообедать". Еда была хорошей. Я закурил сигару и подумал, что мне следовало бы извиниться за мое недружелюбное поведение. Я попросил у того человека, которого обидел, прощения и сказал, что теперь он может рассказать мне о своих проблемах. "Слишком поздно, - сказал тот, - печь уже выжгла дыру на вашем пальто!"

Рассказ Гастона вызвал дружный смех, но сам он вернулся к своим нарам и в темноте лег на них. Раньше Гастон мог часами рассказывать нам, что он почитал Христа как величайшего учителя, но не Бога. Он называл нам места из Библии, которые униаты считали истинными, а какие - ложными.

В этой переоценке было слишком мало того, что могло бы придать человеку душевное равновесие. В свое время он сказал, что они не предавались чрезмерно мыслям о вечной жизни. А сейчас он снова начал говорить о профессоре Поппе. Какое существовало доказательство того, что после ужасной сцены, которую мы вместе с ним наблюдали в предрассветных сумерках, там еще было что-то? Он считал, что мужскому существу, чтобы жить, требуется четыре вещи: пища, тепло, сон и спутница. "Ну, от последнего можно отказаться, добавил Гастон. Моя жена оставила меня и живет с другим мужчиной. Оба наших ребенка находятся в приюте".

"Но вы же сами в это не верите, - сказал я. - Здесь мы имеем минимум этих вещей и,

тем не менее, вы можете каждый день слышать, как смеются и поют мужчины. Ваше тело не имеет ничего, что побуждало бы его к пению. В вас поет нечто другое. Вы все-таки верите в душу, не так ли? Это то, что древние египтяне называют "каа", греки - "психо", а евреи - "нешама". Но зачем тогда вам надо беспокоиться о воспитании ваших детей? Если для вас через несколько десятков лет все кончится, то какой смысл имеют для вас религия, мораль или приличие?"

Гастон молчал. "Слишком поздно, - сказал он, - для меня уже больше невозможно изменение курса. Моя жизнь сгорела, как тогда мое пальто в ресторане. Люди пытались своевременно меня предупредить, но ради чего стоило бы жить. Единственное, что еще удерживает меня от самоубийства - это страх смерти. Некоторое время тому назад у меня был осколок стекла, и я хотел перерезать им вены. Но для этого я слишком труслив". Я сказал: "Самоубийство не доказывает ничего другого, кроме того, что душа сильна и достаточно независима, чтобы убить тело, следуя своему замыслу. Вы, наверное, почувствовали бы то же самое, если бы были свободны и имели все, чего пожелали. И хотя вам очень тяжело с вашей женой и вашими детьми, но у меня такое чувство, что есть еще что-то другое, что доставляет вам мучения, что-то, о чем вы еще не рассказали ни одному человеку".

Я продолжал: "Я знал одного заключенного, который сознательно голодал, чтобы отдавать свой хлеб сыну, который сидел вместе с ним в тюрьме. В конце концов, он умер от истощения. Это показывает, как сильна душа. Такой человек, как Крейгер, шведский спичечный миллионер, имел все, в чем только может нуждаться тело. Он покончил жизнь самоубийством и оставил несколько строк, которые свидетельствовали о "меланхолии". Но он обладал еще чем-то кроме своего тела: душой, о которой он никогда не беспокоился. Но вы имеете внутренние источники силы. Вы имеете христианскую веру, которая может помочь вам. Поговорите с Иисусом, и Он даст вам силу и утешение".

Гастон вздохнул в темноте. "Когда вы так говорите, то можно почувствовать, будто Он существует, и совсем рядом с нами".

"Ну, конечно же, Он существует, - сказал я. - Разве вы не верите в Воскресение? Завтра я хочу вам доказать это".

"Вы, однако, настойчивы, - сказал он, - даже более чем коммунист".

Воскресение Иисуса

Когда на следующий вечер заключенные разговаривали друг с другом, я напомнил им, что скоро будет Пасха. Это была моя вторая Пасха в Герла.

"Если бы у нас были сваренные вкрутую яйца, мы бы могли покрасить их в красный цвет и стукнуться ими по православному обычаю", - сказал я. Я вытянул руку, будто держал яйцо и сказал: "Христос воскрес!"

Старый Василеску, крестьянин, стукнул своим кулаком по моему и крикнул: "Воистину воскрес!" Голоса остальных повторили хором традиционное ответное приветствие.

"Странно, когда говорят подобное, - сказал я, обращаясь к остальным. Установлено, что Христос умер на кресте. Какое доказательство у нас есть, что Он воскрес?" Все молчали. Василеску теребил свою взъерошенную бороду. "Я - простой крестьянин, но верю в это, потому что меня так научили мой отец и моя мать, отец моего отца и все наши священники и учителя. Я верю в это, потому что вижу, как каждый год пробуждается природа к новой жизни. Когда земля покрыта снегом, то при всем желании нельзя поверить, что весной на полях появятся зеленые всходы. Но деревья распускаются, воздух становится теплым, то и Христос тоже может".

"Хороший ответ", - сказал Мирон. "Однако, в мире, где оспаривается каждое христианское утверждение, этого недостаточно", - сказал Гастон.

"Я тоже считаю, что мы нуждаемся в более сильных аргументах, - сказал я, - и вот они. Моммзен, великий историк Римской империи, называет Воскресение событием в римской истории, которое лучше всего подтверждено доказательствами. Верите вы, что классические историки больше всего придерживались правды?" Никто не высказал своего мнения.

"Обычно они принадлежали ко двору царя и были людьми, которые льстили ему и все хвалили ради выгоды или для того, чтобы нравиться своим могучим покровителям. Насколько больше мы должны верить Павлу, Петру, Матфею и Андрею - апостолам, погибшим мученической смертью за проповедь правды!"

Я спросил майора Брайляну: "Когда вы возглавляли военный суд, учитывали ли вы тогда при вынесении приговора характер свидетеля также как и его показания?"

"Конечно, - сказал он, - при противоречивых свидетельских показаниях это является самым важным".

- Исходя из этого, мы должны доверять апостолам, потому что они провели свою жизнь, проповедуя и творя добро.

"Но моя вера требует чудес, таких, как насыщение пяти тысяч человек пятью рыбами", - сказал майор.

"Что такое чудо? - спросил я. - Африканские миссионеры рассказывают, что вначале их встретили, как чудотворцев. Первообытный человек поражен, когда видит, как зажигается спичка. Перл С. Бак рассказывала женщинам в одном отдаленном районе Китая, что в ее собственной стране экипажи ездят без лошадей. "Какая обманщица". Шептали они. Чудо - это нечто такое, что может сотворить высокоразвитое существо, а Иисус был человеком с необычайными способностями.

Гастон возразил: "Наверное, примитивный человек может принять такое объяснение, но для рационалиста - это есть и остается трудным".

- Но надо разумно верить в то, что Христос воскрес из мертвых, потому что иначе мы должны предположить невозможное, а именно, что церковь, которая в течение 2000 лет переживала нападки извне и разложение изнутри, построена на лжи. Подумайте только, что Иисус в течение Своей жизни не создал церквей, не написал книг. У Него была горсточка последователей без средств, один из которых продал Его за деньги, а остальные или убежали, или отреклись от Него, когда борьба шла не на жизнь, а на смерть. Он умер на Кресте с возгласом:

"Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" К Его гробу был привален большой камень.

"Это явилось не очень обнадеживающим началом", - сказал Брайляну.

- Чем вы можете тогда объяснить, что отсюда возникла всемирная религия?

"Ученики собрались снова", - нерешительно сказал Гастон.

- Но что придавало им силу проповедовать и умирать за веру?

- Я считаю, что через некоторое время они преодолели страх.

"Правильно, они также сообщили, как они с этим справились: на третий день им явился Сам Иисус и придавал им мужества. Петр, испугавшийся служанки, встал и объявил перед всем Иерусалимом, что он и его братья по вере видели Иисуса и разговаривали с Ним, и что Он, действительно, воскрес. Петр сказал, что римляне могли бы его убить, прежде чем он отречется от этого, что они потом и сделали".

"И все-таки разумно ли верить в то, что Петр и остальные ученики позволили распять себя ради обманщика. Свою первую проповедь о Воскресении Петр произнес на расстоянии 500 метров от пустого гроба. Он знал, что этот факт нельзя опровергнуть, и никто среди врагов Иисуса даже и не пытался этого сделать. Или, почему так легко пришел к вере Савл Тарсийский, когда перед ним появился Иисус по пути в Дамаск и наставлял его? В то время Савл был гонителем христиан", - сказал я.

"Наверное, это была галлюцинация, которой подвергались его глаза и уши", - считал Брайляну.

- Павел что-то понимал в этих вещах. Явление еще долго не было бы для него доказательством. Его самоотречение потому было таким быстрым и полным, что, как член Верховного судилища, он знал о великой тайне, о том, что гроб был пуст.

В то время, пока мы разговаривали друг с другом, здесь же сидел архимандрит Мирон и пришивал заплатку к брюкам. Он посмотрел на Гастона своими ясными блестящими

глазами и сказал: "Несколько лет тому назад я получил от своего брата открытку из Нью-Йорка. Он изображен там на вершине Эмпайр стейт билдинга. Но, пастор Гастон, он не исследовал вначале фундамента. Факт, что зданию уже 30 лет, послужил ему доказательством того, что фундамент был в порядке. То же самое касается и церкви, которая уже в течение 2000 лет стоит на основании истины".

Наши аргументы произвели на Гастона впечатление. Его боль немного уменьшилась, а вера углубилась. Желание покончить с собой исчезло в течение нескольких недель. Но все еще казалось, что он носил с собой груз какой-то вины.

Летом начался новый наплыв заключенных. Нас распределили по разным камерам, и я потерял его из виду.

Победа любви

Прошли месяцы. Я проповедовал, работал в различных камерах Герлы. Часто меня наказывали, и однажды порка привела к тому, что я снова увидел Гастона.

Это произошло следующим образом: в камере мы играли в шахматы фигурками из хлеба. Дорабанту, который все еще прохаживался по коридорам, неожиданно ворвался к нам и проворчал: "Я не выношу азартных игр".

Я заметил, что шахматы - это историческая, а не азартная игра.

Комендант распетушился: "Ха, да это просто смешно! Хотя и имеется историчность, но это также дело удачи!"

Довольный своим ответом, он важно вышел. Когда он ушел, заключенные разразились хохотом и стали передразнивать его голос.

Дверь снова распахнулась. Дорабанту подслушивал: "Вурмбрандт, выходи!" Вместе со мной в коридор вызвали остальных.

"Теперь можете смеяться до упаду", - закричал комендант. Каждый из нас получил 25 ударов плетью и был переведен в карцер. Там я застал Гастона, лежащего на нарах лицом вниз. Мы положили ему на спину намоченную в воде рубашку и таким образом пытались смягчить боли. Когда худшее уже было позади, я собрал древесные осколки с открытых ран. Его тело дрожало, как в лихорадке. Сначала он не мог говорить, но медленно, отрывочными предложениями, он объяснил, что его наказали за проповедь. Один заключенный донес на него. Потом он сказал: "Я хотел вам еще кое-что сказать..."

- Вы не должны сейчас говорить.

- Сейчас или никогда. О профессоре Поппе - и пасторе, который предал его...

Он запнулся, его губы дрожали. "Вам не стоит мне ничего говорить", начал я.

- Я не мог выдержать давления! Я так страдал. А когда он умер... Он начал всхлипывать. Мы вместе молились. Он сказал, что никогда не сможет простить себе.

"Профессор не простил меня, как же это сможет сделать кто-то другой?" сказал он.

- Ну, конечно, может, и Попп простил бы вас, если бы все знал. Я хочу рассказать вам о человеке, который был намного хуже вас. Это поможет нам продержаться ночь. Речь шла о человеке, который убил всю семью моей жены. Моя жена простила ему, и он стал нашим самым близким другом. Существует только двое мужчин, которых целует моя жена: своего мужа и человека, который убил ее семью.

И я рассказал Гастону, как это случилось.

Когда Румыния вступила в войну на стороне Германии, то начался погром, при котором были депортированы или убиты многие тысячи евреев. Только в Яссах за один день было убито одиннадцать тысяч человек.

Моя жена, которая разделяет мою христианскую веру, тоже еврейка. Мы жили в Бухаресте, откуда не был депортирован ни один еврей. Но ее родители, один из ее братьев, три сестры и еще другие родственники, жившие в Буковине (районе Восточных Карпат) были отправлены в Приднестровье, приграничную территорию, которую Румыния завоевала в России. Евреев, которых не уничтожили в конце этого путешествия, заставили просто голодать. Там умерла семья Сабины.

Я должен был передать ей эту новость. Когда она снова взяла себя в руки, то сказала: "я

не хочу плакать. Ты имеешь право на веселую жену, Михай - на веселую мать, а наша община - на мужественного слугу". Я не знаю, проливала ли она слезы тайком, но с этого дня я, во всяком случае, никогда не видел Сабину плачущей.

Через некоторое время наш владелец дома, добрый христианин, с сожалением рассказал мне об одном человеке, который жил у нас в доме во время военного отпуска. "Я знал его до войны, - сказал наш домовладелец, но он полностью изменился. Он превратился в чудовище и с удовольствием хвастался, что добровольно представил себя в распоряжение Приднестровья для уничтожения евреев и сотни из них застрелил своими руками".

Я был глубоко опечален и решил провести ночь в молитве. Чтобы не мешать Сабине, которая неважно себя чувствовала, хотя охотно бодрствовала со мной, я пошел после ужина в квартиру нашего домовладельца, чтобы помолиться. Вытянувшись в кресле, там сидел человек огромного роста, хозяин назвал его имя: Борила. Итак, это был убийца евреев в Приднестровье. Когда он встал, я заметил, что он был даже выше, чем я, и что вокруг него распространялась атмосфера ужаса. Она действовала как запах крови. Вскоре он рассказал нам о военных приключениях и о евреях, которых убил.

"Да - это история, возбуждающая страх, - сказал я. - Но я не беспокоюсь за евреев, Господь вознаградит их за их страдания. Напротив, с большим страхом я спрашиваю себя, что случится с их убийцами, когда однажды они предстанут перед судом Божьим".

Наш хозяин предотвратил неприятную сцену. Он сказал, что мы оба - его гости и перевел разговор на нейтральную тему. Обнаружилось, что убийца был не только убийцей. Он оказался приятным собеседником, и, наконец, выяснилось, что у него была большая любовь к музыке. Он упомянул, что во время своей службы на Украине был просто очарован украинскими народными песнями. "Я бы хотел их еще раз послушать", - сказал он. Я посмотрел на Борила и подумал про себя: "Рыбка попалась в мои сети!"

"Если бы вы хотели послушать некоторые из них, - сказал я ему, - тогда пойдемте ко мне. И хотя я - не пианист, но могу сыграть несколько украинских мелодий".

Домовладелец, его жена и дочь пошли вместе с нами. Моя жена уже была в постели. Она уже привыкла к тому, что ночами я часто играл на пианино, и не просыпалась. Я играл народные мелодии, способные вызвать глубокие чувства и переживания. Я видел, как глубоко был тронут Борила, думая о том, как юный Давид играл царю Саулу на арфе, в то время, когда царя мучил злой дух.

Я прервал свою игру и обратился к Борила: "Я должен сказать вам нечто очень важное".

"Пожалуйста, говорите", - сказал он.

- Если вы заглянете за эту занавеску, то сможете увидеть того, кто спит в другой комнате. Это моя жена Сабина. Ее родители, ее сестры и двенадцатилетний брат вместе с остальными членами семьи были убиты. Вы рассказывали мне, что убили сотни евреев недалеко от Голты. Семью моей жены доставили туда.

Я посмотрел ему прямо в глаза и добавил: "Вы сами не знаете, кого убили. Итак, мы можем предположить, что вы - убийца семьи моей жены".

Он вскочил, его глаза пылали. Он выглядел так, будто хотел вцепиться мне в горло.

Я поднял свою руку и сказал: "Теперь давайте проведем эксперимент. Я разбужу свою жену и скажу ей, кто вы и что вы сделали. Я хочу сказать вам, что произойдет. Моя жена не сделает вам ни единого слова упрека. Она обнимет вас, как будто вы ее брат и приготовит вам ужин из всего самого лучшего, что есть в доме. И если моя жена, которая такой же грешный человек, как и все мы, может так простить и любить, тогда представьте себе, как может простить вас и любить Иисус, который Сам является совершенной любовью. Вернитесь к Нему, и вам простится все, что вы сделали".

Борила был не без сердца. Внутри он мучился от вины и отчаяния. Он бросил в нас жестокие слова, как краб выбрасывает свои клешни. Но стоило только пальцем коснуться его слабых мест, как его сопротивление рухнуло. Музыка уже тронула его сердце, и вместо обвинения, которого он ждал, теперь звучали слова прощения. Его реакция была

удивительной. Он вскочил и дернул двумя руками за воротник так, что разорвал свою рубашку. "О Боже, что мне делать, что мне только делать?" - воскликнул он. Он закрыл свою голову руками и громко всхлипывал, говорил, обращаясь во все стороны: "Я - убийца, я пропитан кровью, что мне только делать?" Слезы катились по его щекам.

Я воскликнул: "Во имя Господа Нашего Иисуса Христа приказываю бесу ненависти выйти из твоей души!"

Борила, дрожа, упал на колени, и мы начали громко молиться. Он не знал молитв. Он просто просил снова и снова о прощении и сказал, что надеется и знает, что оно будет дано ему. Долгое время мы вместе стояли на коленях. Потом поднялись и обнялись. Я сказал: "Я обещал тебе провести эксперимент. Я сдержу свое слово".

Я пошел в другую комнату и застал свою жену все еще спящей. В то время она была очень слабой. Я осторожно разбудил ее и сказал: "Здесь находится один человек, с которым ты должна познакомиться. Мы думаем, что он убил твою семью, но он раскаялся и теперь он - наш брат".

Она вышла в халате и протянула руки, чтобы обнять его. Потом они вдвоем начали плакать и снова целовать друг друга.

Я никогда не видел, чтобы новобрачные целовались с такой любовью, сердечностью и чистотой, как этот убийца и оставшаяся в живых одна из ее жертв. Потом, как я предсказал, Сабина направилась на кухню, чтобы принести что-то поесть.

Пока ее не было, мне в голову пришла мысль, что преступления Борила были такими ужасными, что была необходима еще одна лекция. Я пошел в другую комнату и вернулся назад с моим, тогда еще двухлетним сыном, Михаем. Он продолжал спать на моих руках. Только несколько часов тому назад Борила хвастался в том, что убивал еврейских детей на руках их родителей. Теперь он был вне себя от ужаса. Вид ребенка был для него невыносимым обвинением. Он думал, что я хотел обвинить его. Но я сказал: "Посмотрите, как спокойно он спит. Вы - тоже заново рожденный ребенок, который может успокоиться на руках своего Отца. Кровь, которую пролил Христос, очистила вас".

Радость Борила трогала сердце. Он остался у нас ночевать. А когда проснулся на следующее утро, сказал: "Уже давно я не спал так хорошо". Августин [37] говорит: "*Anima humana naturaliter christiana est*" "Человеческая душа христианка от природы". Преступления противоречат натуре человека. Они являются результатом общественных обстоятельств или каких-либо иных причин. Какое же это освобождение - сбросить их, как это сделал Борила.

В то утро Борила хотел познакомиться с нашими еврейскими друзьями, и я водил его с собой во многие еврейско-христианские семьи. Везде он рассказывал свою историю, и его принимали, как вернувшегося блудного сына. Снабженный Новым Заветом, который я дал ему, он уехал в другой город, чтобы снова присоединиться к своему полку.

Позднее Борила снова приехал к нам и сообщил, что его часть посылают на фронт. "Что мне делать, - спросил он, - я должен буду снова убивать".

Я сказал ему: "Нет, вы уже убили больше людей, чем требуется для одного солдата. Я не сторонник того, что христианин не должен защищать свою страну, если на нее напали. Но лично вы не должны больше убивать. Предоставьте лучше, чтобы вас убили другие. Этого Библия не запрещает".

Пока я рассказывал эту историю, Гастон на глазах становился спокойнее. Под конец он рассмеялся, схватил меня за руку и крепко пожал ее. Так он заснул спокойным сном.

Когда наступило утро, нас вместе с ним перевели в другую камеру. Среди заключенных я обнаружил Григоре, который также был военным преступником и отвечал за массовое убийство евреев. Он знал Борила.

Я сказал Гастону: "В рассказе о человеке, который убил семью моей жены, существует эпилог. Этот человек может вам его рассказать".

Григоре сообщил, как он вместе с Борила нес службу в Приднестровье. Там они убивали евреев сотнями. "Но когда мы снова отправились в Россию, это был уже совершенно другой человек. Мы не могли этого понять. Он больше не пользовался своим оружием.

Вместо того чтобы убивать, он пытался спасать. Он вызвался стать добровольцем - для спасения раненных, лежащих под обстрелом. Наконец, он спас жизнь своему офицеру".

Массовое промывание мозгов

Во время последующих образовательных докладов я сделал следующее заключение: хотя по содержанию они были детскими, за ними все же скрывался утонченный план. Докладчики оставили политику и апеллировали непосредственно к наиболее низменным способностям человеческой натуры, жаждущей удовольствий и развлечений, названной сторонниками Фрейда [38] "идом". Они обращали наше внимание на то, сколько мы потеряли в жизни. Они говорили о еде, питье, сексе. Эти темы были знакомы докладчикам лучше, чем марксистская диалектика. Однако, последнее не забывалось. Одно из выступлений снова было посвящено теме дарвинских обезьян. Молодой политработник, воспользовавшись резюме, с трудом пробился к дарвинской теории развития. Затем, прибегнув к искаженным цитатам из Маркса, Ленина и Дарвина о противоречиях между наукой и христианством, он привел нас к печальным обстоятельствам жизни в Америке, где в настоящее время "голодают" миллионы людей.

Поначалу нас приглашали к дискуссии. Когда один из ораторов сказал, что после смерти от тела остается лишь горстка химических элементов, я спросил: "Если дело обстоит так, почему же некоторые коммунисты умирали за свои идеи? Если жертвует собой христианин, то этот поступок свидетельствует о его мудрости. Когда отказываешься от преходящих вещей, чтобы получить вечность, то такую ситуацию можно считать подобной вкладу 50 марок, чтобы получить прибыль в 5.000.000 марок. Но для чего же должен жертвовать жизнью коммунист? Неужели только затем, чтобы что-то выиграть для себя лично?"

На это политработник не мог найти ответа.

"Ответ, - сказал я, - уже был дан Августином, когда он заявил, что: "Душа от природы является христианской".

Атеизм - это только маска. В глубине вашего сердца, которой можно достичь лишь тогда, когда размышляешь или молишься, вы тоже верите в то, что, живя ради идеи, можно получить награду. Глубоко в вашем сердце вы также верите в Бога".

"Давайте посмотрим, что говорит об этом Ленин", - сказал оратор и прочитал следующее из маленькой затасканной книжечки, откуда он уже не раз черпал свое вдохновение: "Само вынашивание идеи о Боге является в высшей степени неприятным заражением отвратительного свойства. Все скабрезности, акты насилия и физические эпидемии гораздо менее опасны". Он ухмыльнулся: "Еще есть вопросы?"

"У вас есть ребенок?" - спросил я. "У меня есть дочь, юная пионерка". "Предпочли бы вы, чтобы она, поверив в вашего автора, получила страшную болезнь? Ведь Ленин говорит, что рак лучше, чем христианская вера".

Офицер заставил меня встать и ударил по лицу. В этой атаке, направленной на наше переобучение, пощечина показалась мне незначительной наградой за возможность открыто признать свои убеждения. Тем не менее, стало очевидным, что нам предстояло еще худшее. Мы понимали, что за нами постоянно шпионили, зря мы удивлялись, что громкоговорители молчали.

До недавнего времени нас заставляли голодать, нас били и ругали, но ни один человек не спрашивал, о чем мы думали. "Вы - бандиты, придумывайте сколько хотите новых правительств в своих камерах. Наше находится в Бухаресте", - говорил обычно комендант Дорабанту. Но его не было. Его уволили из-за подделки счетов.

Доклады свидетельствовали о том, насколько сильно изменилось положение в соответствии с новой политикой румынского диктатора Георгиу-Дежа. Деж старался ослабить давление Кремля и начать торговые отношения с Западом. С этой целью он должен был продемонстрировать более "демократичный" фасад. Бесконечное количество политических заключенных, содержащихся в Румынии под стражей, было препятствием на его пути. Он не хотел нас освободить, боялся, что мы будем распространять наши

"контрреволюционные" идеи. Сначала наш образ мышления должен был быть изменен посредством массового промывания мозгов.

В 1962 году для заключенных Герла это была не единственная теория, с помощью которой мы должны были изменить свой образ мыслей. И лишь немногие считали ее истинной. Оставалось неопределенным самое главное: что же, собственно, происходило при промывании мозгов? Раду Гхинда, известный христианский писатель, который с недавних пор находился в нашей камере, выразил наши ощущения так: "Если они не изменили меня в течение пятнадцати лет, то как они намерены справиться с этим теперь?"

Когда мы говорили об этом, вдруг открылась дверь камеры, чтобы впустить вновь прибывших. Среди них находился высокий человек, подхалимского вида, который сделал несколько шагов в разные стороны, словно хотел избежать взглядов.

Раду Гхинда первым узнал вошедшего. "Даяну", - воскликнул он.

Даяну нетвердой походкой вышел вперед, чтобы обнять своего друга. Раньше Никифор Даяну был значительной фигурой в Румынии. Поэт, профессор мистического богословия, руководитель антисемитского национал-христианского оборонительного союза прибыл теперь в Герла из тюрьмы в Аюде, чтобы отсидеть еще 25 лет.

Вначале я едва узнал этого человека. Его толстый живот исчез, кожа на подбородке висела складками, как у индюка. Бонвиван и Дон-жуан, которому однажды в бухарестском ресторане вlepили пощечину, был теперь худым, как щепка, трясущимся стариком.

Сокамерники из Аюда рассказывали нам, что там произошло. Даяну, привыкший много есть, попытался получить от повара дополнительную порцию перлового супа. Комендант тюрьмы отказал ему. На следующий день комендант снова был там: "Постой, - сказал он, - этот человек - слишком толстый, пусть подождет до завтра". На следующий день комендант сказал: "Скажи, Даяну, есть Бог?" Повар поднял вверх разливательную ложку. Даяну пробормотал что-то в бороду. "Говори громче, чтобы мы все могли это слышать!" Даяну сказал: "Бога нет". "Громче", - сказал комендант. "Бога нет!" - закричал Даяну.

Комендант кивнул, чтобы Даяну получил свою еду. Даяну жадно проглотил суп. Представление настолько понравилось коменданту, что на следующей неделе он повторял его каждый день. Историю рассказывали по всей Румынии, а позднее она достигла и заграницы.

Но Даянов дар писать религиозные стихи, был оставлен ему. Друзья, пережившие вместе с ним нацистскую эпоху, просили его читать некоторые из стихотворений, которые он сочинил в Аюде. Это были песни боли и раскаяния, лучшее из того, что он сочинил. Как и его друг Раду Гхинда, он остался верен своему антисемитизму. Его приверженцы из Железной Гвардии проносили контрабандой в камеру священников для них остатки пищи и даже сигареты. Антисемитизм - очень живуч, и оба они пали его жертвой.

Когда однажды вечером мы обсуждали теории промывания мозгов, Гхинда насмешливо бросил: "Чушь! Павлов произвел на свет безобразие с условными рефлексамми - собак, а коммунисты в Корее подхватили некоторые из его идей, чтобы внушать американским военнопленным мысль о преимуществе коммунистических идей. Но такие методы не действуют на людей с умом и образованием. Мы - не американцы".

"И не собаки", - сказал Даяну. Ни у кого не было другого мнения на этот счет.

Знаем ли мы Библию?

Пастор Вейнгертнер показал нам простой тест на определение индивидуальности, который он изучал во время своих занятий по психологии. В центре бумажного листа проводят вертикальную линию и просят кого-нибудь нарисовать с помощью нее предмет, который прежде всего придет на ум. Для этого мы использовали натертую мылом доску и вилку.

Один нарисовал меч, другой - шлем, третий - цветок, следующие распятие, книгу, геометрическую фигуру. Я сказал: "Мне нужна еще одна доска, эта слишком мала для того, чтобы я хотел нарисовать".

Вряд ли кто-либо из нас сумел проявить нечто похожее на мистическое восприятие,

которое является типичным для натуры священников. "Ничего удивительного, что на семинаре мне не разрешали пробовать на практике этот тест, - засмеялся Вейнгертнер. - Должно быть вы все изучали сапожное ремесло - потому что среди нас есть сапожник, который, кажется, обладает действительно духовным восприятием".

Он имел в виду верующего человека, который принадлежал к какой-то секте. Обширное знание Гелу Библии было для Даяну словно бельмо на глазу.

"Мой дорогой человек, если вы хотите рассказать нам что-то про обувь или про то, как ее чинят, это хорошо и чудесно. Но вы находитесь среди людей, имеющих звания докторов богословия, которое они получили в крупных университетах Европы и которым больше не нужна воскресная школа".

"Вы правы, господин профессор, - возразил Гелу, - я сам крайне нуждаюсь в поучении. Не могли бы вы мне рассказать, о чем повествует книга Аввакума?"

"Это очень незначительный пророк, - сказал Даяну, - и вам не стоит над этим ломать себе голову".

"Хорошо, а что написано в книге Авдия?" "Авдий - это тоже пророк, о котором сапожнику незачем знать".

"Может быть вы сможете рассказать мне что-нибудь о Аггее?" Но нет, Даяну этого не мог. В камере не было ни одного богослова, кто был бы в состоянии сказать хотя бы три фразы на эту тему. Но Гелу приводил нас в удивление, когда цитировал целые главы этих пророков.

Священнослужители больше изучали книги про Библию, чем саму Библию. По праву им можно было бы сделать упрек, что они едва ли обладали хорошими знаниями по догматике; но о коммунистической идеологии, которая постоянно работала над тем, чтобы уничтожить догматику, они знали лучше всего.

В 1963 году мы узнали о воззвании папы Иоанна XXIII о примирении "разобщенных братьев", и скоро разгорелся новый спор о том, каким путем могло бы быть достигнуто это объединение.

"Мы спорим о Царствии Божьем, которого нет ни у кого из нас, - сказал я. - Если бы мы имели его, мы бы не спорили друг с другом. Люди, которые действительно любят Иисуса, также любят друг друга. Как многие слепые, которых исцелил Иисус, мы спорим о том, как было восстановлено наше зрение. Один сказал: "Это случилось силой веры". Другой: "Он прикоснулся к моим глазам". Третий: "Он положил мне на глаза землю, смешанную со слюной. Если бы Иисус сейчас пришел бы к нам, Он бы сказал: "Я исцелил вас всех различными способами, вы должны теперь не спорить, а радоваться".

Гете сказал: "Цвет - это боль света". Когда он проходит через призму, он преломляется. В моих глазах наши разногласия в поисках правды казались мне болью, которую переносил Иисус.

Душевные пытки

Наконец, громкоговоритель на стене пробудился к жизни и издал треск. "Один, два, три, четыре, проверка", - повторил голос. Потом прозвучали слова: "Коммунизм - это хорошо, коммунизм - это хорошо, коммунизм - это хорошо". Пауза, затем снова треск. И снова голос громкий, полновзвучный, настойчивый: "Коммунизм - это хорошо, коммунизм - это хорошо. Коммунизм это хорошо". И так происходило всю ночь, вплоть до следующего дня. Вскоре мы сознательно воспринимали, правда с перерывами, слова пленки, но все-таки они пропитали наш дух, и когда, наконец, голос смолк, выключенный где-то в тюрьме на контрольном центре, у меня все еще продолжали гудеть в голове слова: коммунизм - это хорошо, коммунизм это хорошо, коммунизм - это хорошо.

Вейнгертнер полагал, что это было предварительным этапом целого процесса. "Наши господа научились этому у русских, а русские у Пекина. Следующим будет публичная исповедь. При Мао-Дзе-Дуне китайцы должны были заниматься учебой на фабриках, конторах и на улицах. Потом их заставляли обвинять себя и признаваться в том, что 5, 10 или 20 лет тому назад они готовили заговор против пролетариата. Кто ни в чем не сознается, того

заклучают в тюрьму как закоренелого контрреволюционера. Кто признается в чем-то, тот должен тоже пойти в тюрьму за то, в чем он признался. И так люди пытаются одновременно сознаться и не сознаться. Они признаются в предательских мыслях, но отрицают, что когда-либо осуществили их. Один доносит на другого. Все доверие между друзьями и внутри семей разрушено. Теперь они начинают тем же способом обращаться с нами".

Отец Фацекас сказал: "Сатана должен всегда подражать Богу. Это карикатура христианской исповеди".

"И как долго должно это продолжаться?" - спросил Гастон.

"Пока вы поверите, что "коммунизм - это хорошо", может быть годами", сказал Вейнгертнер.

Нашим следующим политическим оратором был полный веселый человек. Он рассказал нам о новой чудесной Румынии, которая расцвела при шестнадцатом годовом плане Георгиу-Дежа и о рае, которым уже наслаждались те, кто считал партию достойной. Он описал нам привилегии, которые были представлены преданным работникам: хорошая еда, потоки вина, великолепный отпуск в курортных местах на Черном море, кишущих девушками в бикини. "Но я совсем забыл, - засмеялся он, - многие из вас еще ни разу не видели бикини. Вы даже не знаете, что это такое, бедные парни. Я хочу вам это объяснить. Не только на упадочном Западе существуют лучшие вещи в жизни".

В его глазах появился блеск, его голос стал хриплым, когда он лукавой ухмылкой начал нам описывать грудь, тело и бедра. К своей непристойной речи он примешивал радость, которую давали вино и путешествия.

Никогда еще я не видел на лицах людей такой похоти, как тогда в том большом зале. Многие из сидящих в нем были отвратительны и внушали страх своим подобием с похотливыми животными. От распутных разговоров словно бы ветром сдуло их человеческое достоинство. Осталась только жажда наслаждений.

"Все эти радости ожидали нас, - убеждал оратор. - Вот дверь. Вы можете ее открыть, если пожелаете. Сбросьте с себя реакционный идейный хлам, который сделал вас преступниками! Переходите на нашу сторону! Научитесь быть свободными!"

После таких речей говорили мало. Каждый думал теперь о своей жене и о трудной работе, которая ждала его на свободе.

Вожделение, являющееся частью нашей жизненной воли, было разбужено изощренным образом.

Евангелистские и православные священники, которые были женаты, страдали от этого призыва к удовлетворению полового инстинкта больше, чем католические священники, которые с юности жили в celibатстве.

В течение прошедших месяцев нас держали на небольшом продовольственном пайке. И регулярно взвешивали, чтобы удостовериться, что мы весили на 40 фунтов меньше нормального веса. Теперь еда стала обильнее, но имела своеобразный вкус. Я предполагал, что в нее примешивали средства, возбуждающие половую деятельность. Врачи, поступившие в тюрьму позднее, подтвердили мне, что к нашим обедам добавляли вещества, возбуждающие половой инстинкт. Большая часть персонала покинула тюрьму. Врачи и служащие, которые приходили, чтобы прочитать нам объявление или судебный приговор, теперь были почти всегда девушками. На них были узкие, вызывающие соблазны, платья, они использовали парфюмерию и макияж. Казалось, что они намеренно долго задерживались в наших камерах.

"У вас только одна жизнь, - говорили нам каждый день, она быстро пройдет, сколько вам еще осталось? Делайте с нами общее дело. Мы хотим помочь вам, извлечь из этого пользу".

Это обращение шло прямо в "эго", к инстинкту самоутверждения и самозащиты в существе человека, в то время как примитивные инстинкты возбуждались по всем правилам искусства. Наконец, когда внешняя оболочка испытала потрясение, раздался зов к высшему "эго", к нашей совести, нашим социальным ценностям и этическим меркам. Ораторы

говорили, что наш патриотизм был ложным, а наши идеалы - обманом. На их месте они лишь пытались насадить коммунистическую идеологию.

Собраниям массового внушения дали название "боевых собраний", но эта борьба не имела конца. "Что скорей всего будут делать ваши жены? - спросил оратор. - Как раз то, что вы сами будете делать с удовольствием". Нервы у нас были почти на пределе, и мы были близки к истерическим приступам. В течение часов, когда у нас не было учебы, пленка внушала нам, что коммунизм - это хорошо. Заключенные ссорились. Даяну был первым, кто сломался. В конце одного доклада он вскочил и начал молотить вздор о своих преступлениях против государства. "Теперь я понимаю, теперь я понимаю все!" Он обвинил своих родителей, которые были помещиками, в том, что они наставили его на ложный путь. Никто не требовал от него нападать на религию, но он отрекся от своей веры, религии и таинств. Он набросился на "суеверия" и хулил Бога. Этому не было конца.

Потом поднялся Раду Гхинда и продолжил в том же тоне: "Я был дураком, кричал он. - Я позволил ввести себя в заблуждение капиталистической и христианской лжи. Никогда опять я не ступлю ногой в церковь, только разве для того, чтобы плюнуть туда!"

Даяну и Гхинда призывали заключенных отказаться от своих старых убеждений. Они делали это еще с большим энтузиазмом, чем партийные люди. Оба были искусными ораторами, и многие, кто слышал их красноречивые хвалебные гимны о радости и свободе, которые принесет коммунизм, были глубоко потрясены и думали, что они оба говорят это, исходя из подлинных убеждений.

Когда Гхинда сел, закричал худой, трясущийся пожилой человек: "Вы все знаете меня - я генерал Свилвяну из королевской армии. Я отказываюсь от своего звания и верности правительству. Я стыжусь той роли, которую играл, когда вел преступную войну против России, нашего союзника. Я служил эксплуататорам, я опозорил свое отечество".

За генералом последовал бывший начальник полиции. Он "признался", что коммунизм пришел бы раньше к власти, если бы этому не препятствовала полиция; как будто каждый из присутствующих не знал точно, что коммунизм был нам навязан русскими.

Один за другим заключенные поднимались и повторяли как попугаи свои "признания". Это были первые плоды после нескольких месяцев планомерного голодания, унижений, жесткого обращения и проведения массового внушения. Первыми, кто не выдержал напора, были такие люди, как Даяну или Гхинда, жизнь которых уже была разрушена по личной вине. Даяну проповедовал аскетизм, но практиковал разгул и был развратником. Он призывал студентов отказаться от мира ради Бога, а сам пропагандировал Гитлера. Он думал, что является христианином. Но то, что на самом деле думает человек, отражается в его повседневной жизни. Стихи Даяну, как бы ни прекрасны они были, выражали лишь стремление, но не подлинную реальность. Гхинда, раздираемый изнутри, также придерживался двух идеологий: с одной стороны, антисемитизма, с другой, своей веры. Кроме того, оба мужчины постепенно старели. Они уже больше 12 лет просидели в тюрьме, и им предстояли еще многие годы провести в заключении.

Остальные узники из камеры священников сдались не столь быстро, и им предстояли еще дальнейшие страдания. Но, по крайней мере, прекратились наши споры. Мы поняли, что число наших конфессий можно было сократить до двух: первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая - любовь, которая позволяет очень разным людям познать их единство и братство перед Богом. Было время, когда складывалось впечатление, что миссия священников имела большее значение, чем любая другая. Теперь все чаще случалось, что атмосфера в камере была пронизана духом самопожертвования новой веры. В такие мгновения мы думали, что нас окружали ангелы.

Для богослужения с причастием нужен был хлеб. Многие были готовы пожертвовать своим хлебом. Однако, православный обряд требует, чтобы хлеб был освящен на алтаре, на антиминсе, содержащем частицу мощей мученика. Но у нас не было мощей. "Среди нас есть живые мученики", - сказал отец Андрику. Они освятили хлеб и немного тонизирующего вина, пронесенного сюда контрабандой из стационара больницы, на теле больного епископа

Мирца, лежащего на своих нарах.

Сам Иисус

Скоро "обращенные" заключенные попросили о том, чтобы по очереди читать лекции другим. Они это делали со страстью, веря, что их освобождение зависело от их стараний. Однако потом в тюрьме рассказывали, какие страшные последствия имела измена Даяну и Гхинда. Два члена Железной Гвардии украли из столярной мастерской резец и вскрыли им себе вены. Они истекли кровью, чтобы выразить свой протест.

Я нашел Даяну и Гхинду в углу камеры.

"Что вы думаете теперь сами о себе после того, как ваша измена стоила жизни двум людям, которые доверяли вам?" спросил я.

Гхинда сказал: "Они умерли, чтобы мог жить народ!"

"Только еще неделю назад вы сами принадлежали к врагам народа", сказал я.

Даяну выпалил: "У меня намерение выйти отсюда, чего бы это мне ни стоило!"

Вскоре они вызвали такой сильный протест против себя, что их были вынуждены перевести в другую камеру. "Странно, сказал Мирон, - что люди, еще недавно писавшие то, что производило впечатление глубокой христианской веры, так быстро стали предателями".

Ответ на этот вопрос, наверное, заключался в том, что Даяну и Гхинда прославляли в своей поэзии Христа только за его дары: мир, любовь, спасение. Но истинный ученик жаждет не только даров, но Самого Христа и готов на самопожертвование до конца. Они не были учениками Христа, а лишь его клиентами. И когда коммунизм открыл неподалеку свой магазин и предложил свои товары по более низким ценам, они стали клиентами коммунизма.

Отрекись!

Я снова сильно заболел. В 1963 году меня поместили в тюремную больницу. Прошла неделя, и мне пришлось вместе со всеми больными, по приказу тюремного начальства, встать. Большинство из нас едва могли ходить, но мы помогали друг другу, чтобы выйти в больничный двор, где собрали всю тюрьму. Мы должны были присутствовать на длившемся целый час спектакле. Его разыгрывали избранные, особо пригодные для этого, заключенные. Пьеса высмеивала христианскую веру. Когда офицеры, стоявшие вокруг коменданта, аплодировали или смеялись, остальные зрители делали то же самое.

Когда спектакль закончился, Александреску возвысил свой грубый голос и просил высказать свое положительное или отрицательное отношение к спектаклю. Мало было оказать свое согласие с увиденным и услышанным, надо было также изложить причины согласия или неприятия. Начал Даяну. За ним последовал Гхинда. Заключенные один за другим поднимались, повторяя меткие слова, осуждающие религию. Когда они снова возвращались в свои ряды, некоторые обнимали меня со слезами на глазах и говорили: "Мы должны говорить так до тех пор, пока не закончится этот театр!"

Когда комендант вызвал меня, в памяти всплыли слова моей жены, которые она сказала мне много лет тому назад на религиозном конгрессе: "Иди и смой этот позор с лика Христа!"

Я был хорошо известен в Герла, так как побывал уже в очень многих камерах.

Сотни глаз устремились на меня. Казалось, они задавали мне только один вопрос: "Будет ли он также возносить хвалу коммунизму?"

Майор Александреску закричал: "Начинайте! Говорите уже!" Он не боялся оппозиции. Когда сдавался упрямец, а, по его мнению, это было лишь вопросом времени - это было доказательством силы партии.

Я начал осторожно: "Сейчас - воскресное утро, и наши жены, матери и дети молятся за нас в церкви или дома. Мы также охотно помолились бы за них. Вместо этого мы посмотрели этот спектакль".

На глазах у заключенных навернулись слезы, когда я заговорил об их семьях. Я продолжал: "Многие говорили здесь против Иисуса. Но что, собственно, вы имеете против Него? Вы говорите о пролетариате, а разве Иисус не был плотником? Вы говорите, что кто не работает, то не должен есть. Но это уже много лет тому назад сказал апостол Павел в своем Послании к Фессалоникийцам. Вы против богачей, но и Иисус выгнал кнутом из

храма торгующих и меновщиков. Вы хотите коммунизма, однако, не забывайте, что первые христиане жили общиной и делились всем, что имели, друг с другом. Вы хотели бы возвысить бедняков, но Величание Богородицы - хвалебная песнь Деве Марии как раз говорит, что Господь вознесет бедных над богатыми. И все, что есть хорошего в коммунизме, идет от христиан".

"Однако Маркс сказал, что пролетарии всех стран должны объединяться, продолжал я, - но одни являются коммунистами, другие - социалистами, а третьи - христианами, и когда они высмеивают друг друга, они не могут объединиться. Я никогда не насмеялся бы над атеистом. Высмеивание человека, даже если оно ведется с марксистской точки зрения, неприемлемо, потому что этим оно способствует расколу среди пролетариата".

Я привел им много цитат из их же собственных авторов. Майор Александреску ерзал на стуле, упираясь в пол кончиком сапога, но не прерывал меня.

Заклученные также слушали меня молча, и, когда я увидел, что они были взволнованы, я забыл, где находился и начал свободно проповедовать об Иисусе, обо всем, что Он сделал для нас и что Он для нас значит. Я сказал: "Слышали ли вы уже когда-нибудь об обучении без экзаменов? Или о фабрике, где не точно проверяют изделия на их качество? Точно также проверяемся все мы, судимые самими собой, нашими ближними и Богом". Я посмотрел на коменданта и сказал: "Вас также будут судить, майор Александреску".

Он снова промолчал, а я говорил о том, что Иисус учит любви и что существует вечная жизнь. Когда я закончил свою речь, заключенные вдруг разразились аплодисментами.

Когда я вернулся на свое место, Мирон сказал: "Вы уничтожили всю их работу". Но я знал, что это не соответствовало действительности. Гастон прошептал: "Вы слышали аплодисменты?" Я ответил: "Это относилось не ко мне, а к тому, что они открыли в своем сердце".

До сих пор лишь небольшое число священников, делавших вокруг себя много шума, уступали влиянию тех, кто занимался промыванием мозгов. Нас, открыто выступавших против этого, также было немного. Но у нас было много единомышленников, хотя им самим не хватало мужества способности оказать сопротивление.

Это было не так просто. В результате моего выступления я потерял место в тюремной больнице и был возвращен в камеру священников.

Политработник рассказал нам, что Даяну и Гхинда в своих камерах добровольно вызвались написать о чуде Народной Республики, которого никто из них не видел уже в течение 12 лет. Им дали бумагу и карандаш и в их распоряжение предоставили всю партийную литературу и пропагандистские материалы для туристов, которыми они могли воспользоваться при необходимости.

Они обеими руками ухватились за возможность доказать свои новые убеждения. Через несколько недель их освободили. Это было сильным ударом по нашему сопротивлению. Они были первыми, кого освободили при новой системе, и мы не могли предугадать, что они должны были стать и последними.

Лейтенант Коня, принес газету в камеру священников и позвал отца Андрику. "Прочитайте это громко вслух, - сказал он, - чтобы каждый смог это услышать".

Андрику прочитал крупный заголовок: "Страна, которая смеется, и сердца, которые поют". Это была статья Раду Гхинда с фотографией под ней, на которой он смеялся. Фото относилось ко времени до его ареста.

Лейтенант Коня сказал: "Нам бы хотелось, чтобы вы ясно понимали, что каждый из вас имеет равные шансы жить и работать на свободе. Это произойдет в тот самый момент, когда вы откажетесь от ваших бессмысленных и старомодных убеждений и присоединитесь к людям новой Румынии!"

Сердца, которые поют! Каждый из нас помнил, в каком виде находился в тюрьме Гхинда: кожа да кости! Мы знали, что его семья жила в большой нужде, а ребенок был лишен школьного образования.

Даяну потерял свое доброе имя ради прославления свободы в социалистической

Румынии. Но точно также, как некогда французские студенты-медики, заляпавшие свои тетради чернильными кляксами, были квалифицированы, как "пригодные для востока" (bon pour l'Orien), можно было использовать показания Даяну и Гхинда для Запада. Там они могли рассчитывать на неосведомленность людей, которые не знали Румынии. Их статьи появились в специальных выпусках газет и журналов, которые тысячами отправлялись из Румынии за границу. Но в самой Румынии их не было в продаже.

Освобождение обоих: Гхинда и Даяну, взволновало каждого. Многие из узников, терпевшие жестокости и оскорбления, и, не сдаваясь в течение многих лет, теперь стали колебаться. Однако те, которые решили покориться, должны были вначале доказать перемену своих взглядов, чтобы их освободили, и для этого они добровольно вызывались на 14-16 часовую работу. Когда после этого они возвращались в свои камеры, то должны были или присутствовать на обучении или сами выступать с докладами. Им предлагалось вести "график температуры политического здоровья". Это означало, что каждый обязан был делать записи об отношении своего соседа к коммунизму: был ли тот настроен тепло, холодно или даже враждебно.

Казалось, что администрация не могла получать обо мне нехороших отчетов. Лейтенант Коня пришел, чтобы сообщить мне, что моя жена находилась в тюрьме и уже давно. Во-вторых, он объявил, что в 10 часов вечера меня будут пороть за мою строптивость и дерзость, достигших своего апогея в речи после "спектакля".

Известие о Сабине было для меня тяжелым ударом. К моей боли еще примешивался страх перед предстоящей поркой. Ожидание всегда вызывало страх. Часы медленно тянулись до тех пор, пока я не услышал в коридоре приближение шагов. Топот сапог миновал нашу камеру. Кого-то забрали из соседней камеры. Вслед за этим я услышал удары и крики из комнаты в конце коридора. В тот вечер никто не пришел, чтобы забрать меня.

На следующее утро я снова получил предупреждение. В течение шести дней сохранялось напряжение. Потом меня повели вдоль по коридору. Каждый удар горел, как огонь. Когда это миновало, лейтенант Коня, задумавший все это, закричал: "Дай ему еще несколько ударов!" Потом мне потребовалось слишком много времени, чтобы подняться на ноги. "Еще десять!" - сказал Коня. Меня приволокли назад в камеру, где трещал громкоговоритель.

"Христианство - глупо, христианство - глупо, христианство - глупо. Все-таки отрекись, все-таки отрекись, все-таки отрекись. Христианство глупо, христианство - глупо, христианство - глупо. Все-таки отрекись".

Иногда охранники били в камере за "незначительные беспорядки". "Брюки снять! Будет порка!"

Мы спускали брюки. "Лечь на живот!"

Мы ложились на живот. "Перевернуться на спину и поднять ноги!" Мы поворачивались на спины.

Но несмотря на это, мы продолжали молиться. Иногда кто-то из священников говорил: "Я призываю "нашего Отца". Но какой же это Отец, какой это Бог, который таким образом отдает меня на произвол в руки моих врагов?" Но мы настойчиво просили его: "Не сдавайся. Продолжай молиться "Отче наш". И он внимал нашим словам, потому что мы делили с ним его страдания.

Когда охранникам не хотелось бить самим, они вытаскивали двух заключенных. "Начинай, - говорили они, - ударь твоего друга по лицу!"

Если тот отказывался, они говорили: "Ты упустил свою возможность!" - и приказывали второму заключенному бить первого. Он бил как попало. "Теперь влепи ты ему пощечину!" Они били друг друга по лицу до тех пор, пока не потекла кровь. Охранники заливались от смеха.

Однажды вечером лейтенант Коня приказал мне собрать свои вещи. Поскольку обхождение со мной не пошло впрок, то решили, что недолгое пребывание в "специальном отделении", может быть, принесет мне "пользу". Ходило много слухов об этом отделении

тюрьмы. Лишь немногие возвращались оттуда назад. Или они умирали, или им промывали мозги, и они попадали куда-либо в другое место. Некоторые из них примыкали к учебному персоналу и учились, как осуществлять промывание мозгов другим.

Мы пересекли двор несколько раз, завернули за угол и остановились перед рядом дверей. Одна из них открылась. Я вошел, за мной дважды щелкнул замок.

Я находился один в камере со стенами из белого кафеля. Потолок отражал яркий свет, который светил из скрытой лампы. Был разгар лета, но центральное отопление, которое не функционировало нигде в Герла, работало на полную мощность. Коня оставил меня в наручниках, так что я мог лежать только на спине или на боку. С меня лился пот. Щелкнул глазок. Снаружи громко захохотал охранник: "Что-то не в порядке с отоплением?" У меня болел живот. У пищи был своеобразный вкус, и я подумал, что туда опять подмешивают какое-нибудь средство. Громкоговорители в этой комнате объявляли новые вести:

"Никто больше теперь не верит в Христа. Никто больше теперь не верит в Христа, никто больше теперь не верит в Христа. Никто не ходит в церковь, никто не ходит в церковь, отрекись, отрекись, отрекись. Никто больше теперь не верит в Христа".

Утром снова появился Коня, и через открытую дверь стал проникать прохладный воздух. Я протянул свои затекшие руки и повиновался приказу, следовать за ним.

Меня ждали новая камера и свежая одежда. Здесь была застеленная кровать. На столе была скатерть и ваза с цветами. Для меня это было слишком. Я сел и начал плакать. Когда Коня ушел, я снова взял себя в руки. Я увидел газету, лежащую на столе. Она была первой за все время моего заключения. В ней я искал известие о том, что 6-й военный флот вооруженных сил США вошел в Черное море, чтобы потребовать свободных выборов в оккупированных странах. Этот слух уже ходил в Герла. Но вместо этого я нашел короткую заметку о коммунистическом диктаторе, который завоевал власть на Кубе, тем самым устроив Америке трудности прямо у самых ее дверей.

Первым, кто навестил меня, был комендант Александреску. Он сказал, что мое новое положение может дать мне представление о том, что может стать для меня доступным в будущем. Он стал нападать на христианскую веру. "Христос, сказал он, - был лишь выдумкой апостолов, чтобы сбить с толку рабов надеждой на свободу в раю".

Я схватил газету и протянул ему. "Эта газета напечатана на печатных станках партии, - сказал я. - На ней стоит дата 1963 год. Это означает 1963 год после Рождества Того, про Кого вы только что сказали, что Он никогда не жил. Вы не верите в Христа, но признаете Его основоположником нашей цивилизации".

Александреску пожал плечами. "Это ничего не значит, это летоисчисление - просто обычай".

"Но если Иисус никогда не рождался на свет, как же возник тогда этот обычай?" - спросил я.

"Несколько лжецов распустили этот слух". Я сказал: "Положим, вы рассказываете мне, что русские высадились на Марсе. Я не поверю вам. Но когда я вращаю ручку радио и слышу из Нью-Йорка, что американцы посылают им свои приветствия, то я знаю, что это правда. Таким же образом, мы должны признать существование Христа, как исторический факт, если он признается в талмуде его худшими врагами, фарисеями. Равным образом, там названы имена Его Матери и нескольких Его апостолов. И снова нас не должно оставить равнодушными, что фарисеи приписывают Христу чудеса, утверждая, что свои чудеса Иисус совершал с помощью черной магии. Много языческих писак, во всяком случае, утверждают это. Только коммунисты отрицают этот ясный исторический факт, хотя бы просто из-за того, что он не подходит под их теорию".

Александреску не продолжил дискуссии. Вместо этого он прислал мне новую книгу. Это было замечательно, после стольких лет снова держать книгу в руках, хотя это оказалось "Пособие для атеиста". Этот неизвестный на Западе справочник весьма важен для всех, кто хочет сделать свою карьеру за железным занавесом.

Мой экземпляр был в красивом переплете, иллюстрирован и снабжен соответствующей

аргументацией. Он начинался с возникновения религии и трактовал индуизм, буддизм, конфуцианство и ислам. Потом следовало христианство; на каждую конфессию отводилось по одной главе. Очерк о католицизме был сильно сокращен. Протестантство было представлено в лучшем виде, (Лютер дал папе отпор), но все религии объявлялись обманом. Наука уже доказала это, и поэтому церковь всегда преследовала науку. Целая глава была посвящена церкви как орудию капитализма всех веков. Призыв Христа - любить своих врагов, означал ни что иное, как покорность эксплуататорам. Специальный раздел был посвящен развращенному поведению русского духовенства. (Очевидно, книга была переведена с русского). Одна иллюстрация за другой приводились для того, чтобы дезинформировать читателя, показав, что христианские обряды берут свое начало в языческом суеверии. Последняя глава анализировала "Формы атеистической пропаганды" и заканчивалась перечнем советских антирелигиозных декретов.

На этом я заснул.

Проекты проповедей

В течение следующих недель я постоянно жил между обещаниями и угрозами, меня то помещали в украшенную цветами комнату, то в камеру с ярким слепящим светом и громкоговорителем; я получал то хорошую, но, возможно, смешанную с лекарствами, еду, то обрекался на голод; со мной то вели полемику, то жестоко наказывали. Когда однажды утром я получал "лечение жарой", ко мне привели отца Андрику, бывшего "красного священника", который покаялся. Он сидел в камере и жадно хватал воздух до тех пор, пока уже не мог этого выносить. Потом вскочил, яростно забарабанил в дверь и стал умолять выпустить его. Тут же появился комендант.

"Можно сделать еще горячее", - сказал Александреску.

Или мы могли также бы стать свободными людьми, если бы только захотели.

- Но если мы вас освободим, как вы будете действовать и что проповедовать? Я хотел бы, чтобы вы написали мне проект проповеди.

Он дал нам бумагу и карандаш и вышел.

Мы усадились и стали писать. Когда я закончил, я протянул Андрику свой лист бумаги и взял его, чтобы прочитать. "Такие проповеди вы можете слышать каждое воскресенье, - защищался он. - Прогрессивно, освещено с позиции науки и марксизма".

Я сказал: "Не обманывайте сами себя, отец Андрику. Вы точно знаете, что этим вы отрицаете все, во что верите. Когда священник теряет свою веру, он должен, по крайней мере, молчать. Я не хочу говорить про Божий Суд, но что подумают ваши прихожане, ваши друзья и ваша семья, когда услышит, что вы проповедуете такой вздор? Не дайте коммунизму еще раз провести вас. Вас завлекли обещаниями, которые никогда не будут выполнены".

Я еще долго приводил аргументы Андрику. И снова говорил ему, что в глубине своего сердца он точно знал, что христианская вера есть истина. Наконец он мне сказал: "Отдайте мне проповедь", - и разорвал ее на части.

Горизонт муравья

Новая серия "боевых собраний" началась в большом зале. На них присутствовали сотни заключенных, и даже нас, находившихся в специальном отделении, посылали туда. Большинство докладов теперь читали заключенные, которые не слишком долго были нашими сокамерниками. Они уходили на обучение, появлялись снова, чтобы произносить хвалебные гимны коммунизму, причинившему им годы страданий. Их антирелигиозные нападки часто опирались на высказывания современных богословов, отрицавших авторитет Священного Писания. "Изучайте ваших собственных мыслителей, - говорилось нам. - Они доказали, что в христианской сфере не существует объективной правды".

От 10 до 12 часов в день мы слушали эти доклады, участвовали в дискуссиях и питались лозунгами, записанными на пленку.

Ораторы, которые сами прошли через промывание мозгов, чаще и более жестоко апеллировали к "иду", чем это делали партработники. Картины свободы, денег, почетных

должностей действовали более заманчиво.

Когда наступило 23 августа, годовщина перемирия с Россией, большинство заключенных уже верили всему, что им рассказывали. Майор Александреску выступил в зале с речью перед большим собранием.

"У нас есть хорошая новость", - начал он. Крестьяне, у которых отняли их дворы, счастливо заулыбались, когда он объявил, что их страна процветает в коллективных хозяйствах. Бывшие коммерсанты и банкиры заплодировали, когда он сказал, что торговля бурно развивается.

"Некоторые из вас, - сказал комендант, - наконец осознали, что произошло. Остальные все еще глупы. Вы - идиоты! Вы уже просидели в тюрьме 10 или 15 лет и ждали американцев, которые должны прийти и освободить вас. Я хочу вам что-то сказать: американцы придут, но не для того, чтобы освободить вас. Они придут для того, чтобы установить с нами торговые отношения!"

Александреску сказал, что партия предприняла шаги под руководством премьер-министра Георгиу-Дежа, чтобы завоевать коммерческое расположение Запада. Будут взяты ссуды, построены фабрики, созданы атомные станции - и все это с помощью Запада.

"Вы - дураки! - изрыгнул он снова. - Вы жили иллюзиями. Мы знаем американцев лучше, чем вы. Если просят милостыню, то они ничего не дают, но те, кто оскорбляет и высмеивает их, те получают все, что хотят. Мы были умнее вас!"

Кто-то резко засмеялся, вслед за ним рассмеялись и другие. Скоро весь зал сотрясся от смеха. Смех уже грозил перейти в истерику, когда комендант, подняв руку, положил ему конец. Радостно сказал он, что хотел бы вознаградить нас за то, что мы не можем присутствовать на празднике дня освобождения. Он распорядился, чтобы мы посмотрели его. С этой целью был установлен телевизор.

Телевизионная передача началась с выступления Георгиу-Дежа и других ораторов о крушении господства германского нацизма в Румынии. Ни один из ораторов естественно не упомянул, какую важную роль 23 августа 1944 года сыграли молодой король Михаил, национальный предводитель крестьян и государственный деятель Юлий Маню и коммунистический министр юстиции Патраскану. Король жил в изгнании, а Маню и Патраскану умерли в тюрьме.

Я еще помнил, что в первые годы коммунистического господства в Румынии в этот день старались по возможности не устраивать праздничные парады. Однако, когда начался торжественный марш, я был удивлен бесчисленными колоннами, идущими в ногу под красными развевающимися знаменами, с портретами Маркса, Ленина и Дежа. Мы слышали оркестры, рукоплескания масс и возгласы: "23-е августа дало нам свободу!"

"Раньше такого никогда не было", - сказал я отцу Андрику, сидевшему рядом со мной. Он возразил шепотом: "Когда девушку насилуют в первый раз, то она отбивается руками и ногами. Во второй раз она только протестует, а в третий раз - наслаждается".

Когда это представление закончилось, началось следующее: "Теперь мы обсудим праздничное мероприятие", - сказал Александреску.

Все присутствующие, один за другим давали "показания". Бывшие солдаты, бывшие полицейские, помещики, крестьяне, промышленники. Каждый из них заканчивал лозунгом: "23 августа принесло нам свободу!"

Подошла моя очередь, и я начал: "Если есть кто-то, кому 23 августа принесло свободу, то это - я. Фашисты ненавидели меня как еврея, и если бы Гитлер выиграл свою войну, я бы был теперь лишь куском мыла. Но я еще жив, а Библия гласит, что: "Живая собака лучше дохлого льва".

Под шепот ободрения я продолжал: "В другом смысле слова я был уже свободен до 23 августа и хочу вам сказать, почему. Тиран Сиракуз читал книгу философа Эпиктета, который был рабом. Он был настолько восхищен книгой, что предложил Эпиккету освободить его. "Освободись сам", - возразил Эпиктет. Его посетитель возразил: "Но я же царь", философ ответил: "Тиран, управляемый своими пороками, закован в цепи. Раб, владеющий своими

страстями, напротив, свободен. Царь, освободи себя сам".

В зале теперь стояла абсолютная тишина. "Несмотря на то, что я нахожусь в тюрьме, я - свободен. Иисус освободил меня от моего греха и от тьмы в моем сознании. Я благодарен событиям 23 августа за мое освобождение от фашизма. Но за другую свободу, свободу от всего преходящего и смерти, я благодарю Иисуса".

Комендант вскочил: "Этот вздор вы можете рассказать Гагарину, он был в космосе, но не увидел никаких следов Бога!"

Он засмеялся, заключенные засмеялись вместе с ним. Я возразил: "Когда муравей прополз по моей подошве, то он по праву может утверждать, что не видел там никаких следов Вурмбрандта!"

Моя Гефсимания

Меня наказали вторым пребыванием в специальном отделении. Я находился в нем, когда туда пришел Александреску с единственной целью, сообщить мне, что убит американский президент.

"Что вы об этом думаете?" - осведомился он. Я сказал: "Не могу в это поверить". Он показал мне газету, в которой один единственный абзац сообщал о смерти Джона Ф. Кеннеди.

"Ну и?" - наседал он на меня. Настойчивые вопросы подобного рода были определенным приемом, применяемым для того, чтобы сориентироваться, какое направление принимают мысли заключенного.

"Если Кеннеди был христианином, то теперь он счастлив и находится в раю", - ответил я. После этого Александреску снова вышел.

Позднее я находился в одной камере с отцом Андрику, когда пришли охранники, чтобы забрать нас. Прежде чем нас вывели, нам завязали глаза и надели наручники. Было впечатление, что нас ведут на казнь.

Охранники говорили: "Здесь - направо, здесь - налево". Наконец сняли повязки с глаз. Перед нами находились чистые, протопленные конторские помещения. Андрику повели в другой конец этого отделения, которое, по всей видимости, должно было быть главным управлением. Я оставался с охранником, перед дверью. Раньше, при наших встречах, я тихо рассказывал ему об Иисусе.

Он прошептал: "Мой бедный друг. Сейчас вам придется очень трудно, но продержитесь во имя Господа!"

Он отошел от меня на несколько шагов в сторону, его лицо совершенно ничего не выражало, но от его слов мне стало хорошо.

Когда отворилась дверь, меня привели к человеку в генеральской форме. Это был Негреа, заместитель министра внутренних дел. Его типично цыганское лицо было энергичным, и эта энергия как бы подчеркивала его интеллект. Рядом с ним сидели офицер и несколько партийных работников из Бухареста.

Негреа вежливо сказал: "Я как раз изучал ваше дело, господин Вурмбрандт. Я не придерживаюсь ваших взглядов. Но человек, который остается таким твердым, нравится мне. Мы коммунисты также упрямы. Я сам часто сидел в тюрьме. Было использовано немало средств, чтобы изменить мои мысли. Но я остался твердым.

Думаю, что пришла пора пойти навстречу друг другу. Если вы готовы забыть о том, что претерпели, мы готовы вычеркнуть из памяти то, что вы предприняли против нас. Мы просто перевернем страницу и станем друзьями. Мы далеки от того, чтобы действовать против ваших убеждений, и вы можете впредь оставаться верным себе, но согласиться на плодотворное сотрудничество с нами".

Перед ним лежали раскрытые документы. "Я даже прочитал ваши проповеди. Вы объясняете Библию замечательным образом. Но вы должны подумать о том, что мы живем в век науки".

"Что сейчас произойдет?" - спросил я себя, когда Негреа начал читать мне партийно-научный доклад. Неужели только с этой целью важный государственный деятель проделал

путешествие в 320 километров?

Как Дунай извивается по равнине, изрезанный кривыми линиями и множеством излучин, прежде чем достигнет моря, так и его речь подошла к решающему пункту.

"Нам нужны такие люди, как вы! Мы не хотим, чтобы к нам переходили только беспринципные люди. Важно осознание, что их прежний образ мышления был ложным. Если вы готовы поддержать нас в борьбе с суеверием, можете сразу же начать новую жизнь. Вы получите высокооплачиваемую должность, и ваша семья соединится с вами, получив благосостояние и надежность. Что вы скажете на это?"

Я сказал, что уже рад жизни, которую провожу здесь. Что касается моей помощи партии, мне надо подумать, что бы я смог сделать после своего освобождения.

Офицер встал. Негреа сказал: "Вы хотите этим сказать, что будете на нас работать?"

"Я считаю, что вам следует позволить мне с лучшим из ваших марксистских идеологов ездить из города в город и из деревни в деревню. Сначала я буду излагать невежество и глупость своей отсталой христианской веры, а затем ваш марксист сможет объяснять свои теории, а люди будут выбирать сами."

Негреа долго смотрел на меня: "Вы хотите бросить нам вызов, господин Вурмбрандт. Как раз это и нравится мне в вас. Мы, коммунисты, точно также в свое время отвечали эксплуататорам. Давайте не будем спорить. Я хочу сделать вам лучшее предложение. Никто не хочет превращать вас в атеистического пропагандиста. Если вы на самом деле так привязаны к вашей устаревшей вере, хотя я и не могу понять, как интеллигентный человек может признавать такой вздор, то оставайтесь при этом. Но подумайте о том, что власть в наших руках. Коммунизм завоевал треть мира. Церковь должна принять меры, чтобы договориться с нами."

Мы хотим, наконец, выложить свои карты на стол. Честно говоря, нам надоели церковные руководители, которые делают все то, что мы им говорим, а иногда и сверх этого. Они скомпрометировали сами себя в глазах народа. У них больше нет связи с происходящим".

Негреа назвал имена оставшихся епископов. Все они были либо бессильными, сказал он, либо являлись посредниками партии, и все это знали.

"Если бы епископом стал такой человек, как вы, то вы смогли бы сохранить свою веру и в то же время оставаться верным правительству. Ваша Библия говорит, что вы должны быть покорны власти, поскольку она установлена Богом. Почему бы вам не держать так себя и с нашим правительством?"

Я ничего не сказал. Негреа попросил других партийных работников оставить нас одних. Он был убежден, что я приму его предложение, хотел доверить мне что-то, что не предназначалось для чужих ушей.

"Партия сделала одну ошибку, - начал он, - когда напала на ваш Всемирный совет церквей. Хотя вначале он и был шпионским гнездом, но все участвовавшие в нем пасторы были пролетарского происхождения. Они, так сказать, никакие не хозяева, а служащие, занимающие ответственные должности. Вместо того, чтобы бороться с такими людьми, мы должны были привлечь их на свою сторону, чтобы вся организация стала нашим орудием".

Он наклонился через письменный стол: "Господин Вурмбрандт, это то, в чем вы нам можете помочь. Вы работали для Всемирного совета церквей. Вас повсюду знают за границей мы все еще получаем много запросов о вас. Если вы станете епископом, вы сможете помочь нашим другим союзникам во Всемирном совете церквей создать для нас оплот не атеизма, а социализма и мира. Вы наверняка признаете всемирный человеческий идеализм, который стоит за нашей кампанией в борьбе за мир и за нашими усилиями по договору о нераспространении ядерного оружия. При этом вы можете молиться Богу сколько вашей душе угодно. В эту область мы не будем вмешиваться."

Я подумал некоторое время. "Как далеко пойдет это сотрудничество? Епископы, которые раньше работали на вас, должны были шпионить за собственными священниками. От меня вы ждете того же?"

Негреа начал смеяться: "Ваша должность не повлечет за собой никаких особых обязанностей, - сказал он. - Каждый, кто знает о действии, которое может причинить вред государству, по закону обязан донести на того человека, который совершает это действие. Как епископу, вам, наверняка, придется слышать об этих вещах.

Теперешний лютеранский епископ Румынии очень стар. Итак, вы стали бы будущим епископом и уже с самого начала настоящей главой вашей церкви в Румынии".

Я попросил времени на размышление. Негреа согласился. "Мы встретимся с вами еще раз, прежде чем я снова уеду в Бухарест, чтобы привести в порядок ваши бумаги об освобождении", - сказал он.

Меня снова отвели в отдельную камеру. Там я пролежал много часов и думал. Я вспомнил старую еврейскую историю о другом человеке, который попросил времени на размышление. Он был раввином, от которого инквизиторы требовали отречения от его веры. На следующее утро раввин сказал: "Я не хочу быть католиком. Но у меня есть последняя просьба. Прежде, чем я сгорю на костре, мне надо вырвать язык, потому что я не сразу ответил. На подобный вопрос есть только один ответ, и он означает: "Нет".

Но это была лишь одна сторона. С другой стороны, я знал, что официальная церковь может существовать в коммунистической стране лишь тогда, когда она готова в определенной мере к уступкам. Уже выплата налогов атеистическому государству является компромиссом для христианина. Легко сказать, что церковь должна "уйти в подполье". Однако подпольной церкви для ее работы требуется прикрытие в виде организации. И если оно отсутствует, то у миллионов людей нет помещения, где они могут совершать богослужение, священника, который читает им проповеди, нет никого, кто бы их крестил, венчал и отпевал усопших. Мне было трудно представить себе, что может служить альтернативой этой деятельности, чтобы найти силы уклониться от нее. От меня требовалось всего несколько слов в пользу коллективизации и, так называемой, "борьбы за мир".

Кроме того, я уже много лет не видел мою жену и моего сына. Я не знал, были ли они вообще живы. Офицер сказал, что Сабина находилась в тюрьме. Что будет с ней и Михаем, если я отвергну это предложение?

Мне нужна была сила свыше, чтобы сказать: "Нет". Потому что это означало еще 11 лет тюрьмы, связанных с самопожертвованием моей семьи и с моей смертью, которая наверняка наступит при ужасных обстоятельствах. Однако в этот миг лик Бога был закрыт, и моя вера покинула меня. Своим духовным взором я видел огромный колосс коммунизма, который уже отхватил такую большую часть мира и угрожал поглотить остаток. Внутренне я был подавлен смертельной опасностью, перспективой снова быть избитым, подавлен грозящим мне голодом и лишениями, к которым я приговаривал мою жену и моего сына. Моя душа была похожа на корабль, который швыряло из стороны в сторону, как игрушку при сильном шторме. В один момент она погружалась в глубочайшую пропасть, а в следующий - возносилась на небо. В эти часы я испил чашу Христа. Это было моей Гефсиманией. И как Иисус я бросился вниз лицом на землю, молился с отчаянным воплем и просил Бога помочь мне, преодолеть это ужасное искушение.

После молитвы я немного успокоился, но все еще видел Никифора Даяну, Раду Гхинда и еще многих других, включая патриарха, которые причинили вред делу Иисуса. Их были тысячи, а теперь и я стал маловерным. Коммунизм проглотил бы и меня, как всех их, из-за телесной слабости. Я начал тщательно восстанавливать все случаи, когда я боролся за правду христианской веры. Я повторил сам себе простейшие вопросы: лучше ли путь любви, чем путь ненависти?

Спаситель ли Он? Наконец, мне стало не трудно отвечать на все эти вопросы словом "да". После того, как я это проделал, я почувствовал себя так, будто с души моей сняли стопудовый груз.

В течение часа я лежал на своей постели и говорил сам себе: "Теперь я попытаюсь не думать о Христе." Но это было бесполезно. Я не мог думать ни о чем другом. Без веры в Христа мое сердце было пусто. В последний раз я прокрутил в голове предложение Негреа.

Я думал о тиранах, начиная с Навуходоносора, которого царь поставил над евреями, и кончая Гитлером, который дал своим марионеткам ключевые посты во всей Европе. На моей визитной карточке стояло бы: "Рихард Вурмбрандт, лютеранский епископ Румынии, назначен тайной полицией." Я бы никогда не стал епископом христиан в святом месте, а был бы полицейским шпионом государственного учреждения.

Потом я снова молился и после этого почувствовал, как в мою душу возвратился мир.

На следующий день меня снова вызвали. Среди многих других людей, которые окружали Негреа, находился также комендант Александреску. Когда я сказал, что не могу принять предложения, весь комплекс вопросов подвергся обсуждению снова. Однако, когда мы в очередной раз подошли к теме о Всемирном совете церквей, Негреа попросил остальных покинуть помещение.

Потом он настойчиво просил меня еще раз обдумать решение.

Я сказал: "Я считаю себя недостойным быть епископом. Я даже не пригоден для того, чтобы быть пастором. Даже быть простым христианином было для меня чрезмерным. Первые христиане шли на смерть со словами: "Christianus sum!" [39] Я христианин, но не сделал этого. Вместо я принял в расчет постыдное предложение".

"Мы найдем другого, кто это сделает", - пригрозил он. Я ответил: "Если вы думаете, что сможете доказать мне, что мои действия неправильны, тогда назовите мне свои атеистические аргументы. Я знаю на чем основывается моя вера, и я ищу только правды."

Он спросил: "Вы, конечно, знаете, какие это будет иметь последствия для вашего будущего?"

"Я это хорошо обдумал и принял в расчет опасности, и радуюсь тому, что смогу пострадать за то, что, по моему твердому убеждению, является единственной и окончательной правдой."

Негреа посмотрел на меня взглядом человека, осознавшего, что напрасно потратил свое время. Он вежливо кивнул мне, закрыл папку, встал и подошел к окну. Стоял и смотрел в окно, пока охранники надевали на меня наручники и уводили.

"Христианство - умерло"

Долгое время я оставался в "специальном отделении", но сколь долго это длилось - не могу точно сказать. С течением времени отдельные отрезки моего существования сузились в тюрьме до одного единственного длинного дня. Промывание мозгов стало интенсивнее, но лишь немного изменило методы. Из громкоговорителей теперь раздавалось:

Христианство умерло,
христианство умерло,
христианство умерло.

Однажды я смог все ясно осмыслить. Нам раздали почтовые открытки, чтобы мы пригласили наши семьи и попросили их привезти нам посылки. Когда наступил назначенный день, меня побрили, помыли и выдали чистую верхнюю рубашку. Проходили часы. Я сидел в камере, пристально смотрел на сверкающий белый кафель, но никто не приходил. Вечером сменились караульные. Тогда я не мог знать, что мою открытку никогда не отправляли. Подобный трюк они разыгрывали с другими упрямыми заключенными. Громкоговоритель вещал:

Теперь тебя никто больше не любит,
теперь тебя никто больше не любит,
теперь тебя никто больше не любит,
теперь тебя никто больше не любит. Я начал плакать. Громкоговоритель объявлял:
Не хотят больше ничего о тебе знать,
не хотят больше ничего о тебе знать,
не хотят больше ничего о тебе знать,
не хотят больше ничего о тебе знать.

Я не мог больше выносить этих слов, не мог от них убежать. Следующий день принес с собой жестокое "боевое собрание", в котором приняли участие только разочарованные

мужья.

Ко многим другим заключенным пришли жены, сказал оратор, только мы были глупцами, нам отказали. Наши жены лежали в постели с другими мужчинами сейчас, в этот момент. Со всей имевшейся в его распоряжении непристойностью, он описывал нам все, что происходило между ними. А где были наши дети? На улице, и каждый из них в отдельности - атеист. У них не было никакого желания увидеть своих отцов. Как же все-таки глупы мы были!

В специальном отделении я слышал изо дня в день громкоговоритель:

Христианство - глупо,

христианство - глупо,

христианство - глупо.

Со временем я начал верить тому, что внушалось нам в эти месяцы. Христианство умерло. Библия предсказывала отход многих от веры. Я верил, что наступили эти времена.

Тогда я подумал о Марии Магдалине, и, наверное, как раз эта мысль спасла меня от душетленного яда последней и самой трудной стадии промывания мозгов.

Я вспомнил, как она оставалась верной Иисусу, даже когда Он воскликнул на Кресте: "Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" А когда Его тело лежало в пещере, она стояла, плача неподалеку, и ждала, пока Он воскреснет. Когда я, в конце концов, поверил, что христианство умерло, я подумал, что несмотря на это, хочу верить в Христа и плакать у Его пещеры до тех пор, пока Он снова воскреснет, а это будет непременно.

Объявленный погибшим, жив

В июне 1964 года всех заключенных собрали в главном зале. Вошел комендант в сопровождении своих офицеров, и мы настроились на новую стадию "боевых собраний".

Вместо этого Александреску объявил, что все политические заключенные подлежат освобождению по объявленной правительством общей амнистии.

Я не мог в это поверить. Когда я оглянулся, то увидел сплошь ничего не выражающие лица. Потом комендант подал знак, и весь зал разразился аплодисментами. Если бы он им сказал: "Завтра вы все будете расстреляны", они бы также зааплодировали и закричали: "Это правильно, мы не достойны жить!"

Однако, это объявление не было новым трюком, как мы вначале предполагали. Летом этого года было выпущено много тысяч заключенных. За это мы должны были благодарить новую, так называемую "оттепель" между Востоком и Западом, а еще, хотя я тогда этого не знал, истинную перемену в мышлении нашего премьер-министра Георгиу-Дежа. После сомнения в принципах коммунизма он вернулся к вере, в которой воспитала его мать, и которой она была верна всю свою жизнь. Деж пришел к вере через служанку в своем доме и ее дядю, добродушного пожилого человека, который часто беседовал с ним о Библии. Вера в Христа, хотя он и не признавал ее открыто, придавала ему силы, чтобы оказать сопротивление своим советским повелителям. Он не обращал внимания и установил отношения с Западом. Этим он подал пример другим угнетенным странам. К несчастью, через несколько месяцев он умер. Говорят, что его смерть была ускорена советскими агентами.

Подошла моя очередь. Я был в последней группе, состоящей приблизительно из ста мужчин, собранных в большом зале. Мы были почти последними заключенными, находящимися еще в Герла. В коридорах царила непривычная тишина. Нам подстригли волосы и выдали поношенную, но чистую одежду.

Пока я размышлял, что могло произойти с первоначальным владельцем моего костюма, меня позвал один человек: "Брат Вурмбрандт!" Он подошел ко мне и сказал, что был родом из Сибиу. Я предположил, что он был членом той общины.

"Ваш сын так много рассказывал мне про вас", - добавил он, - Мы были с ним в одной камере.

Я сказал: "Мой сын в тюрьме? Нет, это должно быть ошибка!"

"Хотите вы этим сказать, что не знали этого?" - продолжал мужчина. - Он находится в тюрьме уже шесть лет".

Я отвернулся, а он ушел. Этот удар был слишком тяжел и превышал мои возможности его выдержать. У Михая было слабое здоровье, и он никогда бы не смог перенести длительного ареста.

Я все еще стоял, внутренне окаменев от страха, когда ко мне подошел комендант Александреску. "Ну, Вурмбрандт, - с любопытством спросил он, куда вы теперь пойдете, когда вас отпустят?"

Я сказал: "Не знаю. Мне официально сообщили, что моя жена сидит в тюрьме, и только что я услышал, что мой единственный сын также арестован. Кроме них у меня никого нет".

Александреску пожал плечами: "Значит и юноша также? Что вы скажете на это, что ваш сын - висельник?"

- Я уверен, что он находится в тюрьме не из-за воровства или другого преступления. А если он там ради Христа, то я горжусь им.

"Что? - закричал он, - все эти годы мы тратим много денег на вас, а вы считаете, что можете гордиться тем, что ваша семья сидит в тюрьме из-за таких вещей?"

"Я не высказывал пожеланий, чтобы вы что-то тратили на меня", - сказал я.

Мы разошлись в разные стороны. Я покинул тюрьму в одежде другого человека. На улицах Герлы мне показалось, что я ослеп. Когда я робко отправился в путь, мимо меня бешено проносились машины. Краски женского пальто, букеты цветов мучили мои глаза подобно шоку. Музыка, доносившаяся из открытого окна, действовала на меня словно чересчур приторный кофе. Воздух пах чистотой и свежестью, будто за чертой маленького города косили сено. Однако, все это было омрачено мыслью, что моя жена и мой сын находились в тюрьме.

Я доехал на автобусе до близлежащего города Клужа, где у меня были друзья. Но они переехали. В томительной жары я с трудом переходил от одного дома к другому, пока, наконец, не нашел их. Они подали мне на стол пирожные, фрукты и всевозможные вкусные вещи. На столе я также увидел красивую коричневую луковицу. В тюремном заключении мне очень часто хотелось лука, чтобы избавиться от вкуса тюремной пищи, но теперь это было необязательно для меня.

Я позвонил одному из наших соседей в Бухаресте. Голос, который ответил мне, принадлежал Сабине.

"Это - Рихард, - сказал я. - Я думал, что ты в тюрьме." Я услышал хаос звуков. Михай взял трубку. "Мама упала в обморок, оставайся у телефона!" Возникли еще какие-то странные звуки. Потом Михай сказал: "Она снова пришла в себя. Мы думали, что ты умер!"

Михай никогда не сидел в тюрьме. Ложное известие, которое мне сообщили, было последней точкой над "и", чтобы проверить мою реакцию на промывание мозгов.

Я сел на поезд, идущий в Бухарест. Когда он въехал на перрон, я увидел толпу людей: мужчин, женщин и детей. В руках у них было много цветов, и я спросил себя, кто же тот счастливчик, кому уготована такая встреча. Потом я увидел знакомые лица и высунулся из вагонного окна, чтобы помахать встречающим. Когда же я вышел из поезда, то мне показалось, будто все люди из нашей церкви бежали навстречу мне. Потом я обнял мою жену и моего сына.

В тот вечер Сабина рассказала мне, что уже несколько лет тому назад ей сообщили о моей смерти. Она отказывалась в это верить, даже тогда, когда незнакомцы, выдававшие себя за бывших заключенных, посещали ее и утверждали, что присутствовали на моих похоронах.

"Я буду его ждать", - сказала она. Прошли годы без единого известия обо мне, пока не прозвучал мой телефонный звонок. Для нее мое появление было подобно воскресению из мертвых.

Мои последние занятия на Родине

Однажды в воскресенье, через несколько месяцев после моего освобождения, мы совершали небольшую экскурсию со школьниками. Сначала за нами по пятам шла тайная полиция. Но когда они увидели, что мы пошли в зоопарк, нас оставили в покое. Я подвел

ребят к клетке со львом, собрал их всех вокруг себя, чтобы я мог тихо говорить.

Я сказал им: "Ваших предков бросали вот таким диким животным за веру. Они шли на смерть с радостью, потому что верили в Иисуса. Может наступить время, когда и вы также пойдете в тюрьму, и должны будете страдать за то, что вы - христиане. Вы должны сейчас решить, готовы ли вы встретить этот день?"

Со слезами на глазах один за другим сказали: "Да". Больше я не задавал им вопросов. Это было мое последнее занятие с теми, кто готовился к конфирмации, прежде чем я покинул родину.

В предисловии я уже писал почему решил покинуть Румынию и как я попал на Запад. И еще несколько строк я хотел бы добавить. В стену одного городского здания в Вашингтоне замурована большая медная мемориальная доска. На этой доске искусно выгравирована конституция Соединенных Штатов. Когда смотришь на нее вблизи, то видишь только выгравированный текст. Но когда чуть отойдешь назад, чтобы изменился угол зрения, то из текста выплывает лицо Георга Вашингтона [40].

И с этой книгой может быть точно также. Она содержит эпизоды из жизни человека и сообщает о тех, кто был с ним вместе в тюрьме. Но из всех этих историй обязательно должен явиться Иисус Христос, который сохранил нас в вере и дал силы все преодолеть.

Рихард Вурмбрандт - пастор лютеранской церкви, автор нескольких книг, каждая из которых является свидетельством христианина, сумевшего в нечеловеческих условиях тоталитарного режима сохранить и отстоять свою веру.

-
- [1] - Ксива (жарг.) - нелегально переданное письмо заключенным и от заключенных
 - [2] - Дантон Жорж Жак (1759-94) - деятель Великой Французской революции. Осужден Революционным трибуналом и казнён.
 - [3] - Робеспьер Максимильен (1758-94) - деятель Великой французской революции. Казнён.
 - [4] - Исаия (около 765 г. до Рождества Христова - после 700 г.) величайший пророк, чья книга входит в состав Ветхого Завета
 - [5] - Ханаан - земля, которую завоевали вышедшие из Египта евреи.
 - [6] - Иерихон - первый город в Ханаане, который был взят евреями.
 - [7] - "Песнь песней" - одна из книг Ветхого Завета.
 - [8] - Моисей (приблизительно 1570 г. до Рождества Христова - 1450) величайший пророк и законодатель еврейского народа, вывел
 - [9] - Бастонада - наказание палочными ударами по пяткам
 - [10] - Павел (10-64) - апостол, сделавший, пожалуй, больше всех для распространения и утверждения христианства. Казнен в Риме
 - [11] - Джон Весли (правильно: Уэсли) (1703-1791) - основатель методистской церкви, представляющей одну из ветвей христианства.
 - [12] - Лютер Мартин (1483-1546) - великий реформатор христианской церкви, с именем которого связана лютеранская церковь, представляющая одно из ответвлений христианства
 - [13] - Нерон (37-68), Калигула (настоящее имя - Гай Цезарь Германик) (12-41) - императоры Древнего Рима, в правление которых христиане подвергались особенно жестоким гонениям.
 - [14] - Антоний Великий (ок. 250 - ок. 355) - основатель монашества.
 - [15] - Иоанн Креститель (1-31) - последний из пророков Ветхого Завета, непосредственно предшествовавший Иисусу Христу и первым указавший народу на Него как на Агнца Божия, берущего на Себя грех мира.
 - [16] - "Или, Или, лама савахфани" - "Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" - слова Иисуса Христа, которые Он произнес, будучи распят на Кресте.
 - [17] - Мария Магдалина - в Новом Завете женщина, исцеленная Иисусом Христом и ставшая Его ученицей.

[18] - Кришна - в индийской мифологии "аватара" (воплощение) бога Вишну. В данном случае у Вурмбрандта неточность: с четырьмя руками обыкновенно изображается другое индуистское божество - Шива.

[18] - Кришна - в индийской мифологии "аватара" (воплощение) бога Вишну. В данном случае у Вурмбрандта неточность: с четырьмя руками обыкновенно изображается другое индуистское божество - Шива.

[19] - Талмуд - основной памятник древнееврейской письменности, содержащий, кроме религиозно-правовых норм еврейского народа, всё созданное еврейскими учеными в области богословия, этики, поэзии, истории, естествознания, математики и медицины в период от 300 г. до Р. Х. до 500 г. новой эры.

[20] - Рабби (др.-евр.) - учитель.

[22] - Мессия - в комплексе идей Ветхого и Нового Заветов - избавитель человеческого рода. Христиане верят, что Мессия - это Иисус Христос; иудеи, отказавшись признать в Нем Спасителя, продолжают ожидать явления Мессии.

[23] - "Символ веры" - краткое изложение догматов христианского вероисповедания, окончательно принятое на Вселенском соборе в Константинополе (381 г.).

[24] - Иосип Броз Тито (1892 - 1980) - председатель Союза коммунистов Югославии, глава Социалистической Федеративной Республики Югославия, распавшейся вскоре после его смерти. Стоит, вероятно, отметить, что во время болезни, оказавшейся для Тито смертельной, за ним, коммунистом, по его просьбе ухаживали католические монахи.

[25] - Николай Островский (1904-1936) - русский советский писатель, автор романа "Как закалялась сталь".

[26] - Иоганн Фридрих Шиллер (1759-1805) - немецкий поэт, драматург и теоретик искусства, один из основоположников немецкой классической литературы.

[27] - Фридерик Шопен (1810-1849) - выдающийся польский композитор и пианист.

[28] - Джон Китс (1795-1821) - английский поэт-романтик.

[29] - Шарль Бодлер (1821-1867) - французский поэт.

[30] - Генрих Гейне (1797-1856) - немецкий поэт и публицист.

[31] - Михаил (Михай) Эминеску (1850-1889) - румынский и молдавский поэт.

[32] - Луи Пастер (1822-1895) - французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии, почетный член Российской Академии наук.

[33] - Галилео Галилей (1564--1642) - итальянский ученый, один из основоположников точного естествознания. Активно защищал гелиоцентрическую систему мира, за что в 1633 г. был подвергнут суду инквизиции, принудившей его отречься от своих научных взглядов. В 1992 г. папа Иоанн Павел II объявил решение суда инквизиции ошибочным и реабилитировал Галилея.

[34] - Джордано Бруно (1548-1600) - итальянский философ-пантеист и поэт. Обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме.

[35] - Карл Эйхман (1906-1962) - немецко-фашистский военный преступник. После разгрома фашистской Германии бежал в Аргентину, где в 1960 г. был найден израильской разведкой. Казнен.

[36] - Исаак Ньютон (1643-1727) - английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики. Открыл закон всемирного тяготения. Почти неизвестны его труды, посвященные толкованию библейских пророчеств.

[37] - Августин Блаженный Аврелий (354-430) - христианский богослов и церковный деятель, епископ г. Гиппон (Северная Африка), родоначальник христианской философии истории.

[38] - Зигмунд Фрейд (1856-1939) - австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа.

[39] - Мы - христиане! (прим. пер.)

[40] - Джордж Вашингтон (1739-1799) - первый президент Соединенных Штатов Америки.

